REAL SOLDIERS OF FORTUNE

BY RICHARD HARDING DAVIS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первое издание: Richard Harding Davis. Real Soldiers of Fortune. New-York: Charles Scribner's sons, 1906.

Сборник биографических очерков американского журналиста и писателя Ричарда Хардинга Дэвиса (1864–1916). Героев этой книги объединяют общие черты — склонность к путешествиям и авантюрам. Наёмник, воевавший под восемнадцатью флагами. Писатель-неудачник, провозгласивший себя монархом Княжества Тринидад. Выпускник Американской военно-морской академии, отличившийся на китайской службе. Бывший журналист, узурпировавший власть в Никарагуа. Уроженец Дикого Запада, помогавший британцам колонизировать Южную Америку. Наконец, молодой офицер, ставший национальным героем после побега из бурского плена (это Уинстон Черчилль, единственный герой книги, который хорошо знаком русскому читателю). Сам автор, который в качестве корреспондента, в том числе военного, объездил весь земной шар, мог бы стать седьмым героем этой книги.

Текст перешёл в общественное достояние. Оригинал можно найти в «Проекте Гутенберг» и других сетевых библиотеках. Иллюстрации взяты из первого издания.

- Ричард Хардинг Дэвис
-
- Содержание
- Иллюстрации
- I. Генерал-майор Генри Рональд Дуглас Макивер
- II. Барон Джеймс Харден-Хикки
- III. Уинстон Спенсер Черчилль
- IV. Капитан Фило Нортон Макгиффин
- V. Генерал Уильям Уокер, король флибустьеров
- VI. Майор Бёрнхем, глава скаутов
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

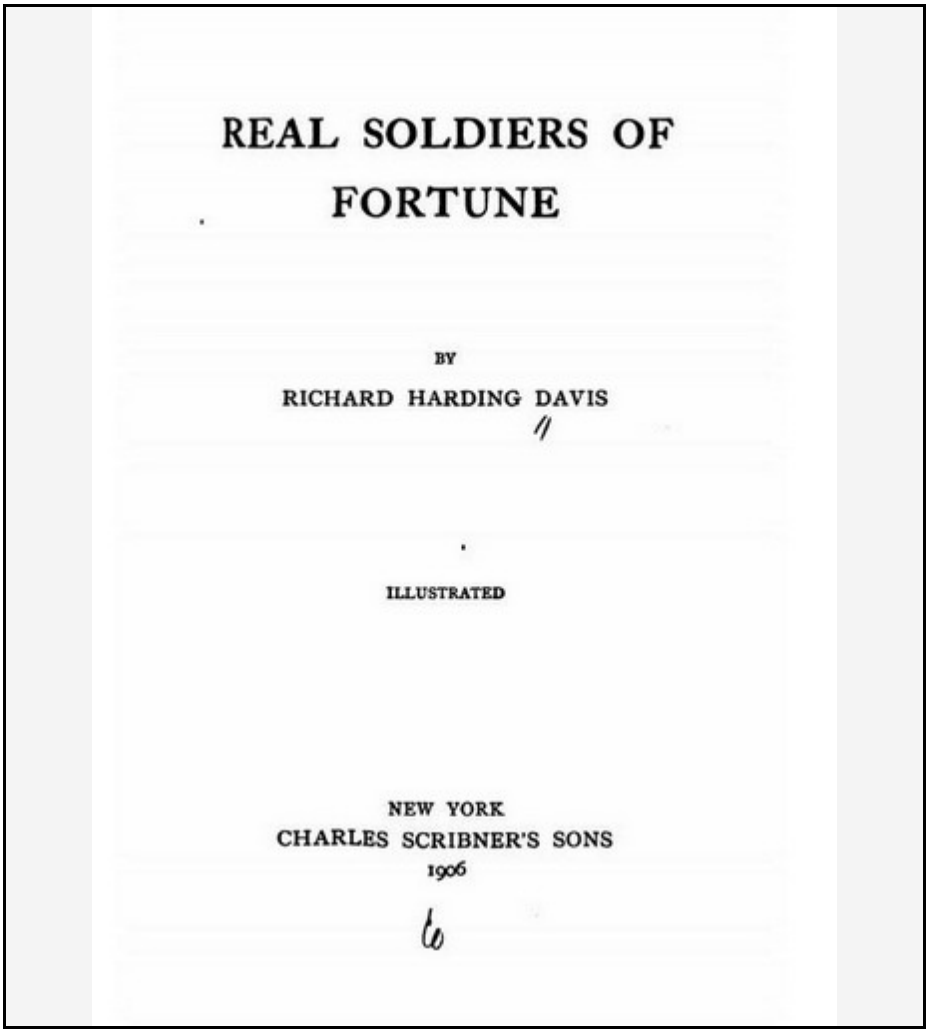
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185

- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193

Ричард Хардинг Дэвис
Настоящие солдаты удачи



REAL SOLDIERS OF
FORTUNE

BY

RICHARD HARDING DAVIS

ILLUSTRATED

NEW YORK
CHARLES SCRIBNER'S SONS
1906

Burnham and Commissioner Armstrong escaping after shooting the High-Priest Umlimo

Бёрнхем и комиссар Армстронг спасаются после убийства верховного жреца Умлимо

Содержание

I. Генерал-майор Генри Рональд Дуглас Макивер
II. Барон Джеймс Харден-Хикки
III. Уинстон Спенсер Черчилль
IV. Капитан Фило Нортон Макгиффин
V. Генерал Уильям Уокер, король флибустьеров
VI. Майор Бёрнхем, глава скаутов

Иллюстрации

Бёрнхем и комиссар Армстронг спасаются после убийства верховного жреца Умлимо (на фронтисписе)

Макивер в форме Мексиканской империи

Свидетельство сербского правительства о вручении генералу Макиверу Таковского креста

Макивер — бригадный генерал, в сербской форме

Генерал-майор Генри Рональд Дуглас Макивер в наши дни

Остров Тринидад возле Бразилии

Топографическая карта острова Тринидад

Орден Тринидадского креста

Барон Харден-Хикки, король Тринидада Джеймс I

Уинстон Черчилль в форме Четвёртого гусарского полка Её Величества, в возрасте двадцати двух лет, когда он сражался вместе с испанцами

Уинстон Черчилль в форме лейтенанта южно-африканской лёгкой кавалерии

Уинстон Черчилль — корреспондент в Южной Африки во время плена

Уинстон Черчилль после побега из бурского плена сходит в Дурбане с парохода «Индуна», приветствуемый комитетом по встрече

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль — заместитель министра по делам колоний

Капитан Макгиффин в день окончания Военно-морской академии, в возрасте двадцати трёх лет

Макгиффин — суперинтендант Китайского военно-морского колледжа в возрасте тридцати двух лет

Коммандер Макгиффин в госпитале после битвы при Ялу, в разорванной одежде после контузии

Генерал Уильям Уокер

Пути трёх флибустьерских экспедиций Уокера

Майор Ф. Р. Бёрнхем, фотография сделана в день вручения королём ордена «За выдающиеся заслуги»

Последний портрет Бёрнхема, фотография сделана в этом году в Мексике участником его экспедиции по реке Яки

I. Генерал-майор Генри Рональд Дуглас Макивер

Каждый солнечный день на Пятой авеню или за табльдотом в ресторанах на Юниверсити-плейс вы можете встретить солдата удачи, который является самым выдающимся из своих ныне живущих братьев по оружию. Вы обязательно обратите на него внимание: стройный привлекательный мужчина, одетый в стиле Луи Наполеона[1], с седыми волосами, пронзительными голубыми глазами и с сабельным шрамом на лбу.

Это Генри Рональд Дуглас Макивер[2] — прапорщик во время восстания сипаев в Индии[3], лейтенант у Гарибальди[4] в Италии, капитан у Дона Карлоса[5] в Испании, майор в армии Конфедерации в нашу Гражданскую войну, подполковник у императора Максимилиана[6] в Мексике, полковник у Наполеона III, инспектор кавалерии у египетского хедива[7], глава кавалерии и бригадный генерал в армии сербского короля Милана[8]. Это только некоторые из его военных чинов. В 1884 году он опубликовал книгу о своей жизни, она называлась «Под четырнадцатью флагами»[9]. Если сегодня генерал Макивер захочет её переиздать, она должна будет называться «Под восемнадцатью флагами».

Макивер родился в рождественский день 1841 года в Виргинии, недалеко от берега моря. Его мать Анна Дуглас была родом из того же штата; отец, Рональд Макивер был шотландцем, джентльменом из Россшира, младшим сыном вождя клана Макиверов. До десяти лет маленький Макивер играл в Виргинии в доме отца. Затем, чтобы он мог получить образование, его отправили в Эдинбург к дяде, генералу Дональду Грэхему. Через пять лет дядя добыл для него звание прапорщика в Британской Ост-Индской компании, и в шестнадцать лет, когда другие мальчики готовились в колледж, Макивер был в восставшей Индии, сражаясь не за флаг, не за страну, а как сражаются дикие животные — за свою жизнь. Он был ранен в руку и в голову. Для защиты от солнца мальчик вкладывал в свой шлем влажное полотенце. На следующий день это спасло его в сражении, но даже с такой защитой сабля прошла через шлем, полотенце и задела череп. Сегодня вы можете увидеть этот шрам. Он был в полушаге от смерти, и даже после того, как рану вылечили, провёл шесть месяцев в госпитале.

Такая суровая обработка в самом начале удовлетворила бы некоторых мужчин, но на следующую войну Макивер пошёл

добровольцем и носил красную рубашку Гарибальди. Он оставался на фронте всю кампанию, и в течение следующих нескольких лет не было кампании, в которой бы он не участвовал. Он был на Десятилетней войне в Кубе, в Бразилии, Аргентине, на Крите, в Греции, дважды в Испании во времена карлистских революций, в Боснии и четыре года служил под командованием генералов Джексона[10] и Стюарта[11] в нашу Гражданскую войну. В этой великой войне он был ранен четыре раза.

После капитуляции армии конфедератов он вместе с другими офицерами-южанами служил у Максимилиана в Мексике; затем в Египте и во Франции. Каждый раз, когда в какой-то части света начиналась война или только приходили слухи о войне, его образ действия был неизменно один и тот же. Он отправляется на фронт и по прибытии предлагает организовать иностранный легион. Командование таким отрядом всегда поручают ему. Но иностранный легион — это только начало. Скоро он показывает, что способен на большее, чем командовать группкой недисциплинированных добровольцев, и получает пост в регулярной армии. Это повторялось почти везде, где он служил. Иногда он видел лишь небольшие стычки, несколько раз ему угрожала смерть, причём каждый раз всё более неприятная. Хотя на войне главную опасность представляют пули, для солдата количество случайностей неисчислимо. И непредвиденные приключения — самые интересные в карьере генерала. Казалось бы, человек, который участвовал в восемнадцати кампаниях, должен быть застрахован от других рисков, но часто Макивер сталкивался с величайшей опасностью вне поля боя. Он участвовал в нескольких дуэлях, в двух из которых он убил своего противника; на него было совершено несколько покушений, а в Мексике его похитили враждебные индейцы. При возвращении из экспедиции с Кубы он был брошен в лодке в открытом море и несколько дней провёл без еды.

До знакомства с генералом Макивером я прочитал его книгу и слышал о нём от многих людей, которые встречали его в разных странах, занятым в самых разных делах. Некоторые из старейших военных корреспондентов близко знали его. Беннет Бёрли[12] из «Телеграф» был его другом, а Э. Ф. Найт[13] из «Таймс» был добровольцем в флибустьерской[14] экспедиции на Новую Гвинею, которую организовал Макивер. Позднее полковник Очилтри из Техаса, сослуживец Макивера по армии Юга, рассказывал мне истории о храбрости Макивера, а Стивен Бонсал[15] встречал Макивера, когда тот был консулом США в испанском городе Дения. Когда Макивер получил этот пост, бывший консул отказался покидать консульство, и Макивер хотел решить эту

проблему дуэльными пистолетами. Поскольку Дения небольшой город, местные жители испугались за свою безопасность, и Бонсал, который тогда был нашим поверенным в делах, был прислан из Мадрида для урегулирования этого дела. Ему удалось избавиться от бывшего консула без кровопролития, а Макивер позднее так расположил к себе денийцев, что они просили госдепартамент оставить его на этом посту до конца жизни.

До того, как генерал Макивер был назначен на высокий пост на Всемирной выставке в Сент-Луисе[16], я увиделся с ним в Нью-Йорке. Он жил в переулке, в старомодном особняке, из окна которого были видны задние дворы соседей и типичные нью-йоркские кусты сумаха; но когда генерал рассказывал, он забывал, что находится в квартале под эстакадой, и бродил по всему свету. На кровати он расстилал чудесные пергаменты со странными, варварскими надписями, с большими печатями, с выцветшими лентами. Они были подписаны султанами, военными министрами, императорами, флибустьерами. Это были военные назначения, посвящения в дворянство, патенты на ордена, инструкции и приказы от вышестоящих офицеров. Переведённые фразы гласили: «Как облечённого особым доверием…», «мы назначаем…», или «производим в звание…», или «объявляем…», или «В знак признания заслуг, оказанных нашей персоне…», или «стране…», или «делу…», или «За храбрость на поле боя мы вручаем Крест…»

Как и положено солдату, генерал путешествует налегке, и у него немного имущества. У него есть сабля, одеяло, чемодан и жестяные коробки, в которых он держит свои бумаги. Из этих коробок он, как фокусник, вынимает сувениры со всего света. Из вороха старых бумаг он достаёт старые фотографии, дагерротипы, миниатюры с портретами прекрасных женщин и предприимчивых мужчин — женщин, которые сейчас королевы в изгнании, и мужчин, которые, выпив абсента, через столик кафе рассказывают, как они вернут себе корону.

Однажды генерал написал бумагу, в которой оказал мне честь и сделал меня своим душеприказчиком, но поскольку он ещё молод и здоров, как я, мне никогда не придётся выполнять эту работу. Всё, что можно написать о нём, мир может прочитать в книге «Под четырнадцатью флагами» и в некоторых заметках, которые я скопировал из его альбома для вырезок. Этот альбом — чудесная книга, но по политическим и другим причинам из многих газетных вырезок я волен напечатать лишь некоторые. Но и здесь нелегко сделать выбор. Затруднительно в нескольких тысячах слов описать карьеру, которая развивалась под восемнадцатью флагами.

Вот одна история, рассказанная этим альбомом — она об экспедиции, которая провалилась. Она провалилась из-за британского кабинета министров. Если бы лорд Дерби[17] обладал воображением солдата удачи, Его Величество прибавил бы к своим владениями многие тысячи квадратных миль и многие тысячи чёрных подданных.

29 октября 1883 года в лондонской «Стандарт» появилось сообщение: «Объявляется о создании Ново-Гвинейской исследовательской и колонизаторской компании. Планируется, что первая экспедиция отбудет до Рождества. Каждый поселенец, который желает присоединиться к первой партии, должен внести сто фунтов на счёт Компании. В этот пай входит плата за проезд. Гарантируются провизия на шесть месяцев, палатки, оружие и защита. Каждый пайщик, внёсший сто фунтов, получит сертификат на владение одной тысячей акров».

Мнение о плане колонизации, взятое из «Таймс» за ту же дату, не такое лестное: «Самая последняя коммерческая сенсация — предложение захватить Новую Гвинею. Некий авантюрист привлёк сотню людей, имеющих деньги и вкус к буканьерству. Когда компания будет сформирована, её акционеры должны будут по-военному организоваться, на каком-нибудь судне доплыть до Новой Гвинеи, не спрашивая ничьего позволения, захватить остров и тут же, каким-то неясным путём, извлечь большую прибыль. Если эту идею нельзя сравнить с крупными проектами сэра Фрэнсиса Дрейка, то, по меньшей мере, она достойна капитана Кидда».

Если мы вспомним те способы, благодаря которым Великобритания добывала себе колонии, «Таймс» покажется слишком брезгливой.

В одной мельбурнской газете в июне 1884 года была напечатана статья:

«В конце 1883 года правительство Квинсленда установило флаг Великобритании на берегах Новой Гвинеи. Когда новость достигла Англии, она произвела сенсацию. Граф Дерби, министр по делам колоний, тем не менее, отказался санкционировать аннексию Новой Гвинеи, действуя при этом вопреки желаниям всех благонамеренных англосаксов, живущих под Южным Крестом.

В то время как между правительствами метрополии и Квинсленда продолжалась переписка, бригадный генерал Г. Р. Макивер организовал в Лондоне Ново-Гвинейскую исследовательскую и колонизаторскую компанию с целью создать поселение на острове. Компания, возглавляемая генералом британской армии Бересфордом и очень представительным и

влиятельным советом директоров, имела капитал в двести пятьдесят тысяч фунтов и отдала командование экспедицией в руки генерала Макивера. Несмотря на репутацию джентльменов, входящих в совет директоров и очевидно мирный характер экспедиции, его светлость уведомил генерала Макивера, что в случае высадки в Новой Гвинее, флот Его Величества в западной части Тихого океана откроет огонь по судну Компании. Это означает, что экспедиция рассматривается как флибустьерская».

В «Джуди» 21 сентября 1887 года появилась заметка:

«Мы все помним обращение бригадного генерала Макивера касательно аннексии Новой Гвинеи. С генералом, который похож на Писсаро с чертами Д'Артаньяна, лорд Дерби поступил самым подлым образом. Если бы Макиверу не мешали в его предприятии, вся Новая Гвинея теперь была бы под британским флагом, и мы не оказались бы нос к носу с немцами, как во многих других местах».

«Сосайети» 3 сентября 1887 года писала:

«Экспедиция на Новую Гвинею оказалась сорванной из-за близорукости тогдашнего правительства, и наибольшую ответственность несёт лорд Дерби. Но тем, что у нас есть небольшой опорный пункт в Новой Гвинее, мы, конечно, обязаны доблестным усилиям генерала Макивера».

Копия заявления, сделанного Дж. Ринтулом Митчеллом 2 июня 1887 года:

«В конце 1883 года, когда я был главным редактором «Инглишмен» в Калькутте, помощник секретаря в министерстве иностранных дел индийского правительства капитан де Дьё рассказал мне, что он получил телеграмму от лорда Дерби о том, что если генерал Макивер попытается высадиться на Новой Гвинее, вице-король лорд Рипон[18] должен будет использовать военно-морские силы, находящиеся под его командованием, чтобы изгнать генерала Макивера. Сэр Окленд Колвин[19] может это подтвердить, поскольку это обсуждалось на совете вице-короля».

Сразу после нашей Гражданской войны Макивер заинтересовался другой экспедицией, которая тоже не удалась. Её члены называли себя Рыцари Аравии, и их целью был остров, лежащий намного ближе к нашим берегам, чем Новая Гвинея. Макивер, говоря, что ему мешает клятва, никогда не рассказывал мне, какой это был остров, но у читателя есть выбор: Куба, Гаити или Гавайские острова. Чтобы захватить Кубу, колонизаторы должны были воевать не только с испанцами, но и с кубинцами, на стороне которых они вскоре сражались в Десятилетней войне, поэтому Кубу можно исключить. А поскольку экспедиция должна

была отплыть с атлантического берега, а не из Сан-Франциско, этим островом может быть только Чёрная республика. Из записей того времени следует, что большинство Рыцарей Аравии были ветеранами армии Конфедерации, и нет сомнений, что они намеревались поработить чернокожих гаитян и основать республику белых, в которой существовало бы рабовладение. Как один из лидеров этой флибустьерской экспедиции Макивер был арестован генералом Филом Шериданом[20] и некоторое время провёл в тюрьме.

Это задело генерала, но он философски рассудил, что тюремное заключение за флибустьерство, хотя и было утомительно, не опозорило его. И действительно, иногда вся разница между флибустьером и правительством заключается в том факте, что правительство воюет только с врагом, а флибустьер должен уворачиваться и от врага, и от своих соотечественников. Когда США пошли войной на Испанию, в тюрьмах сидело много флибустьеров, которые делали то, что правительство тайно поддерживало, а затем скопировало. И за попытку сделать то, за что доктор Джеймсон[21] был посажен в тюрьму Холлоуэй, двести тысяч человек сейчас носят медали.

Устав Рыцарей Аравии не оставляет сомнений, какова была их цель.

В уставе читаем:

«II. Мы, Рыцари Аравии, обязуемся помогать и защищать всех Рыцарей Аравии, особенно тех, кто будет ранен при выполнении нашего великого дела.

III. Большое внимание следует уделять тому, чтобы ни один неверующий, ни один посторонний не проник в тайны нашего Ордена.

IV. Кандидат должен уплатить главе общества сто долларов наличными и получить от секретаря вексель Рыцаря Аравии на сто долларов золотом, которые будут выплачены через девяноста дней после признания Республики… Соединёнными Штатами Америки или любым правительством.

V. Все Рыцари Аравии имеют право на сто акров земли на указанной территории, которые будут распределены по жеребьёвке, и продукты для выращивания — кофе, сахар, табак и хлопок».

Местный корреспондент нью-йоркской «Геральд» пишет об аресте Макивера:

«В настоящее время неизвестно, когда Макивера будут судить, так как его дело осложнилось дополнительными обстоятельствами. Он просит защиты Великобритании как подданный британской короны, и английский консул уже

отправил отчёт о его деле сэру Фредерику Брюсу[22] в Вашингтон, приложив копию устава. Генерал Шерман тоже отправил отчёт военному министру, приложив не только устав, но и очень важные документы, включая письма к Джефферсону Дэвису[23], госсекретарю Конфедеративных Штатов Бенджамину[24] и другим важным персонам мятежа, показывая, что Макивер пользовался большим доверием в Конфедерации».

Что касается последнего утверждения, то открытое письмо, которое я нашёл в старом альбоме Макивера, прекрасно это подтверждает: «Офицерам и членам «Ветеранов Конфедерации»[25]. Мне доставляет высочайшее удовольствие сказать, что предъявитель сего письма, генерал Генри Рональд Макивер был храбрым офицером в армии Конфедерации, служа под началом генералов Стоунуолла Джексона, Дж. Ю. Б. Стюарта и Э. Кирби Смита[26], и его послужным списком мог бы гордиться любой человек.

С уважением Маркус Дж. Райт[27], сотрудник «Коллекции конфедеративных отчётов».

Отдел военных отчётов, военное министерство, Вашингтон, 8 июля 1895 года».

В конце войны были нередки дуэли между офицерами двух армий. В альбоме есть статья об одной такой дуэли, отправленная из Виксбурга корреспондентом, который был очевидцем этого события. Она рассказывает о том, как майор Макивер с майором Гиллеспи встретили около Виксбурга капитана Томлина из Вермонта — добровольца из артиллерии США. Дуэль происходила на саблях. Макивер ранил Томлина в туловище. Корреспондент пишет:

«Офицер Конфедерации вытер саблю носовым платком. Через несколько минут капитан Томлин скончался. Один из секундантов майора Макивера обратился к нему: «Он мёртв. Вам нужно уходить. Эти джентльмены присмотрят за телом своего друга». Слуга-негр привёл лошадь, но до того, как сесть на неё, Макивер сказал секундантам капитана Томлина: «Мои друзья советуют мне спешить. Нет ли у вас ко мне претензий? Я надеюсь, вы считаете, что это дело улажено честно?»

Не получив ответа, конфедераты ускакали».

В сегодняшней газете было бы странно увидеть такое прозаичное описание такого трагического события.

MacIver in the Uniform of the Mexican Empire.

Макивер в форме Мексиканской империи

С юга Макивер поехал через Техас в Мексику, чтобы присоединиться к роялистской армии императора Максимилиана. Когда Макивер с другими офицерами-конфедератами был на пути из Галвестона в Эль-Пасо, его схватили индейцы. Они не обращались с ним жестоко, но три месяца держали как пленника, пока однажды ночью, когда индейцы разбили лагерь у Рио-Гранде, он не сбежал в Мексику. Здесь он предложил свои услуги роялистскому командиру генералу Мехия, который принял его на службу, после чего Макивер поучаствовал в нескольких стычках. У Монтерея Макивер принял крупное сражение и получил титул графа и Орден Гуадалупе. В июне, против всех правил войны, Максимилиан был казнён, и империи пришёл конец. Макивер сбежал на побережье, в Тампико и уплыл на паруснике в Рио-де-Жанейро. Через два месяца он надел форму другого императора, дома Педру II[28], и в звании подполковника командовал иностранным легионом в армиях Бразилии и Аргентины, которые

тогда вместе воевали против Парагвая.

Скоро Макивер набрал семьсот человек, но только половина из них прибыла на фронт. В Буэнос-Айресе разразилась холера, тридцать тысяч человек умерло, в том числе половина легиона. Макивер тоже заболел и провёл шесть месяцев в госпитале. В это время иностранный легион был отправлен на фронт под командованием младшего офицера, где легион расформировали. Возвращаясь в Глазго, Макивер встретился со старым другом Беннетом Бёрли, которого он знал, когда Бёрли был лейтенантом на флоте Конфедеративных Штатов. Хотя сегодня Бёрли известен как выдающийся военный корреспондент, в те дни он сам был кем-то вроде солдата удачи и занимался организацией экспедиции, чтобы помочь критским повстанцам против турок. Двое мужчин решили, что Макивер отправится на Крит и подготовит всё к её прибытию. Критяне с радостью приняли его, и он получил приказ от временного правительства, согласно которому получал «все полномочия, чтобы вести войну на суше и на море против врагов Крита и особенно против турецкого султана и турецких войск и жечь, уничтожать или захватывать любое судно, идущее под турецким флагом».

Разрешение уничтожать турецкий флот было более чем щедрым, поскольку критяне не имели своего флота, и до того, как начать разрушение турецких канонерок, следовало захватить и привести на свою пристань хотя бы одну.

После критского восстания Макивер сражался с разбойниками на границе Фессалии и Албании под началом полковника Коронеуса, который командовал критянами. Макивер три месяца охотился на разбойников и за свою службу в горах был представлен к высшей награде Греции.

Из Греции Макивер приехал в Нью-Йорк и почти сразу появился в экспедиции Гойкории-Кристо на Кубу, где командующим был Гойкория, а начальниками штаба — два знаменитых американских офицера, бригадный генерал Сэмюэл Уильямс и полковник Райт Шамберг.

В альбоме я нашёл «Приказ генерала № II Свободной армии Республики Куба, изданный в Сидар-Кис 3 октября 1869 года». В нём говорится, что полковник Макивер отвечает за офицеров, не зачисленных ни в в какое подразделение дивизии. И ещё:

«Приказ генерала № V, экспедиционная дивизия, Республика Куба, на борту "Лилиан"» объявляет, что место высадки изменено и что генерал Райт Шамберг приказывает «всем офицерам присоединиться к корпусу офицеров полковника Макивера».

На «Лилиан» кончился уголь и, чтобы раздобыть дрова, экспедиция остановилась в Сидар-Кис. Две недели патриоты

рубили лес и проходили обучение на пляже, а потом были схвачены британской канонеркой и привезены в Нассау. Здесь они были отпущены на свободу, но у них конфисковали оружие, лодки и припасы.

Макивер всё-таки достиг Кубы на паруснике и с Гойкорией, который произвёл успешную высадку, поучаствовал в сражении. Войска Гойкории были рассеянны, и Макивер спасся от испанских солдат на лодке, на которой попытался доплыть до Ямайки.

На третий день его подобрал пароход и снова доставил в Нассау, откуда он вернулся в Нью-Йорк.

В это время в городе жил очень интересный человек по имени Тадеус Ф. Мотт[29], который был офицером в нашей армии, а потом поступил на службу к хедиву Исмаил-Паше[30]. Хедив назначил его дивизионным генералом и дал поручение реорганизовать египетскую армию.

Он приехал в Нью-Йорк с целью привлечь на эту службу офицеров. Он прибыл в нужное время. Тогда город был полон мужчин, которые занимали командные должности на той или другой стороне в Гражданскую войну. Многие из них за четыре года солдатской службы отвыкли от любой другой работы и поэтому охотно соглашались принять назначения, которые Мотт имел право выдавать. Нью-Йорк был не достаточно велик, чтобы Макивер и Мотт не сумели встретиться, и скоро они пришли к соглашению. Договор между ними отражён в любопытном документе. Он написан на листах бумаги формата «дурацкий колпак», скрученных и перевязанных голубой лентой, как речи на церемонии вручения дипломов. В нём Макивер соглашается служить хедиву в звании полковника. Если опустить несколько официальных фраз, документ гласит следующее:

«Договор заключён в 24-й день марта 1870 года между правительством Его королевского Высочества и хедива Египта, представленными генералом Тадеусом Ф. Моттом, с первой стороны, и Г. Р. Д. Макивером из Нью-Йорка с другой стороны.

Участник с другой стороны, желая вступить на службу участнику с первой стороны в должности полковника кавалерии, обещает служить верой и правдой и подчиняться участнику с первой стороны в течение пяти лет с указанной даты. Участник с другой стороны отказывается от всех претензий на защиту, обычно оказываемую американцам консулами и дипломатическими агентами США, и прямо обязуется быть объектом приказов участника с первой стороны и решительно вести войну против всех врагов участника с первой стороны. Участник с другой стороны ни в коем случае не должен управляться или контролироваться каким-нибудь приказом,

законом, мандатом или воззванием, исходящим от правительства Соединённых Штатов Америки, запрещающим участнику с другой стороны служить участнику с первой стороны и вести войну при любых условиях, здесь содержащихся, тем не менее, совершенно ясно, что ничего из здесь содержащегося не может толковаться как обязанность участника с другой стороны поднимать оружие или вести войну против Соединённых Штатов Америки.

Участник с первой стороны обещает предоставить участнику с другой стороны лошадей и паёк, платить за его службу такое же жалованье, какое получают полковники кавалерии в армии Соединённых Штатов, и квартиру, соответствующую его положению в армии. Также он обещает, что в случае болезни, вызванной климатом, упомянутый участник может оставить службу и получить деньги на возвращение в Америку и оплату за два месяца. В течение своей действительной службы он получает одну пятую своего постоянного жалованья вместе с оплатой расходов любого характера, сопровождающих такое предприятие».

Договор так же предусматривает, что в случае его смерти сумма жалованья будет выплачена его семье или детям.

К этому Макивер добавил свою присягу:

«В присутствии вечноживущего бога я клянусь, что буду всегда честно и добросовестно соблюдать вышеперечисленные обязательства и стремиться соответствовать воле и пожеланиям правительства Его королевского Высочества, хедива Египта, связанным с содействием его процветанию и поддержкой его трона».

Когда Макивер прибыл в Каир, его назначили генерал-инспектором кавалерии и предоставили форму, описание которой тоже имеется: «Он состоит из голубого кителя с золотыми пуговицами и с вышитыми золотом рукавами и передней частью, плотно облегающих красных брюк, сапог из лакированной кожи и фески, завершающей яркий костюм».

Климат Каира не подходил Макиверу, и через шесть месяцев, несмотря на «яркий костюм», он оставил египетскую службу. Его почётное увольнение было подписано Стоун-беем[31], который стал фаворитом хедива, вытеснив генерала Мотта.

Любопытно, что, несмотря на своё нездоровье, Макивер оказался достаточно здоров, чтобы после отъезда из Каира тут же броситься во Франко-прусскую войну. Сражаясь в битве при Орлеане под началом генерала Шанзи[32], он был ранен. В этой войне он был полковником кавалерии во вспомогательных войсках.

Его следующей авантюрой было карлистское восстание в

1873 году. Он создал Карлистскую лигу и несколько раз передавал важные письма от «короля», как называли Дона Карлоса, к его единомышленникам во Франции и Англии.

Макиверу обещали, если Дон Карлос станет королём и если Макивер успешно выполнит некую возложенную на него миссию, то он получит титул маркиза. Поскольку Дон Карлос оставался претендентом, Макивер оставался генералом. Хотя Макивер в делах никогда не руководствовался личными пристрастиями, он искренне не любил турок, и скоро он оказался в Герцеговине, сражаясь против них вместе с черногорцами. А когда сербы объявили войну туркам, Макивер вернулся в Лондон и организовал кавалерийскую бригаду, чтобы воевать в сербской армии.

Об этой бригаде и о быстром возвышении Макивера к высочайшему званию и почёту в Сербии альбом говорит наиболее красноречиво. Кавалерийская бригада была названа Рыцарями красного креста.

В письме к редактору «Хаур» генерал говорит о ней в таких выражениях:

«Вашим читателям может быть интересно узнать, что сейчас происходит отбор в формирование с упомянутым названием, которое в дальнейшем направится в Левант. Оно будет охранять христианское население и особенно британских подданных, совершенно не обеспеченных надлежащей защитой от мусульманских религиозных фанатиков. Жизни христианских женщин и детей ежеминутно подвергаются опасности со стороны беснующихся орд. Тщательно отобранные Рыцари будут придерживаться строгой военной дисциплины, а командовать ими будет настоящий солдат с большим опытом службы в восточных странах. Приглашаются тамплиеры и другие крестоносцы, которые могут оказать помощь и содействие».

Очевидно, Макиверу не удалось набрать много Рыцарей, поскольку военный корреспондент, ожидающий начало войны в столице Сербии, пишет следующее:

«Шотландский солдат удачи, полковник Генри Макивер появился в Белграде с небольшим отрядом военных авантюристов. Пять недель назад мы встретились в Лондоне, на Флит-стрит и немного поговорили о его «экспедиции». Он получил приказ от сербского князя организовать и возглавить независимую кавалерийскую бригаду, а затем начал упорно вербовать добровольцев в отряд, именуемый «Рыцари красного креста». Боюсь, что некоторые крестоносцы из этого отряда уже заслужили больше почёта за атаки на бары Флит-стрит, чем заслужат на полях Сербии, но не будем предвосхищать события».

Другая статья рассказывает, что в конце первой недели своей службы в Сербии Макивер завербовал девяноста человек, но они были разбросаны в окрестностях города, у многих не было жилья и пайка:

«Он собрал своих людей в гостинице «Риалто», но, несмотря на официальные увещевания, люди промаршировали к министру — они маршировали по четыре в ряд, очень хорошо, получилось отличное представление. Военный министр был взят штурмом, и тут же выдал всё, что нужно. Это до самой высокой степени повысило популярность английского полковника».

ЊЕГОВА СВЕТЛОСТ
ПРЕМИЛОСТИВИ ГОСПОДАР И КЊАЗ НАШ
МИЛАН М. ОБРЕНОВИЋ IV.
ВРХОВНИ ЗАПОВЕДНИК ВОЈСКЕ,

Brevet Bestowing the Cross of Takova on General MacIver by the Servian Government

Свидетельство сербского правительства о вручении генералу Макиверу Таковского креста

Это из лондонской «Таймс»:

«Наш белградский корреспондент телеграфировал ночью:

"Сейчас здесь есть некий джентльмен по имени Макивер. Он приехал из Англии и предложил свои услуги сербам. Сербский военный министр назначил его полковником. Этим утром я видел, как он, сидя на лошади, обучает примерно сто пятьдесят отлично выглядящих парней, одетых в хорошую кавалерийскую форму"».

Затем это:

«Организованный здесь кавалерийский легион полковника

Макивера сейчас насчитывает примерно двести человек».

И ещё:

«Князь Ника, румынский кузин сербской княгини Натальи[33] присоединился к кавалерийской бригаде полковника Макивера».

Позднее, 28 октября 1876 года читаем в «Корт Джорнал»:

«Полковник Макивер, который несколько лет назад был хорошо известен в военных кругах Дублина, сейчас заметная фигура в сербской армии. В войне против турок он командует тысячью русско-сербских кавалеристов».

Скоро он получил новые награды:

«Полковник Макивер был назначен командующим кавалерией сербской армии и получил от генерала Черняева[34] Орден Таковского креста[35] и золотую медаль за доблесть на поле боя».

Позднее мы узнаём из «Дейли Ньюс»:

«Мистер Льюис Фарли[36], секретарь «Лиги помощи христианам в Турции»[37], получил из Белграда письмо, датированное 10 октября 1876 года:

«Уважаемый сэр!

Относительно флага, вышитого некоей английской дамой и отправленного Лигой полковнику Макиверу, я имею удовольствие сообщить следующие сведения. В воскресенье утром флаг, недавно освящённый архиепископом, с почётным караулом был препровождён во дворец, и полковник Макивер в присутствии князя Милана и многочисленной свиты от своего имени и от имени дарителя вручил его в руки княгини Натальи. Доблестный полковник по такому случаю оделся по полной форме как командир бригады и начальник кавалерии сербской армии и повесил на грудь золотой Таковский крест, который он получил после боёв 28–30 сентября за проявленный в эти знаменательные дни героизм. Красота награды дополнялась обстоятельствами его вручения: вечером тридцатого генерал Черняев подошёл к Макиверу, снял со своей груди Крест и повесил его на грудь полковника.

Подпись: Хью Джексон, член совета Лиги».

В Сербии и сербской армии Макивер достиг пика своей карьеры и переживал самый счастливый период своей жизни.

MacIver as General of Brigade, in Servian Uniform.

Макивер — бригадный генерал, в сербской форме

Он стал бригадный генералом, но не в том смысле, который нам известен: он командовал дивизией, как генерал-майор. Его любили и во дворце, и среди народа, жалованье было хорошим, битв было много, а в Белграде было весело и увлекательно. Из всех мест, которые он посетил, и всех стран, в которых служил, об этом балканском королевстве генерал говорил наиболее нежно и с большим чувством. Для королевы Натальи он был самым верным рыцарем, а с тем, кто, как ему казалось, не проявлял должного уважения к этой даме, он даже был готов решить спор на саблях или пистолетах. У него нашлись добрые слова даже для Милана.

После Сербии генерал создал ещё несколько иностранных легионов, планировал дальнейшие экспедиции, реорганизовывал небольшие армии небольших республик в Центральной Америке, служил консулом США и предложил свои услуги президенту Маккинли в войне с Испанией. Но в Сербии завершилась самая

активная часть жизни генерала, и остальное было повторением пройденного. Сейчас он делит своё время между Нью-Йорком и Виргинией, где ему предложили важный пост на приближающейся Всемирной выставке в Джеймстауне[38]. У него много друзей и поклонников и на Севере, и на Юге. Но его жизнь, как всегда бывает с такой профессией, это жизнь одиночки.

Пока другие люди сидят на одном месте, копят дома, сыновей, дочерей, деньги на старость, Макивер живёт, как перекати-поле, как кусок плавучих водорослей. Нынешний английский король нежно назвал его «этот бродячий солдат».

Для человека, который провёл жизнь в седле, ничего не значит слово «сосед», а слово «товарищ» очень часто означает того, кто скоро погибнет.

Major-General Henry Ronald Douglas MacIver as He Is To-day.

Генерал-майор Генри Рональд Дуглас Макивер в наши дни

Кроме США, которые дали ему гражданство, генерал сражался чуть ли не за все страны мира, но если в этих странах,

ради которых он терял здоровье и проливал кровь, не помнят о нём, это для него не важно. Генерал слишком горд, чтобы просить помнить о нём. Сегодня нет более интересной фигуры, чем этот человек, который, несмотря на годы, достаточно молод, чтобы вести за собой войска, и который пятьдесят лет продавал своё оружие и рисковал своей жизнью ради президентов, претендентов на престол, императоров и самозванцев.

Многое в мире сильно изменилось: Куба, за свободу которой он сражался, теперь свободна; южане, с которыми он сражался плечом к плечу четыре года, теперь носят синие мундиры; Мексиканская империя, за которую он сражался, теперь республика; Бразильская империя, за которую он сражался, тоже республика; та сербская династия, которой он обязан высочайшими почестями, исчезла. Ни одна из тех стран, которым он служил, не дала ему ни пенсии, ни прибежища, и в шестьдесят лет он чувствует себя как дома в любой стране, но настоящего дома у него нет.

Но у него есть его сабля, его одеяло, и в случае войны, чтобы получить какую-нибудь должность, ему достаточно открыть одну из жестяных коробок и предъявить те назначения, которые у него уже есть. В любой день, в новой форме, под девятнадцатым флагом генерал ещё способен одержать новые победы и заслужить новые почести.

И поэтому наш короткий очерк остаётся незавершённым. Закончим его так: продолжение следует…

II. Барон Джеймс Харден-Хикки

Это попытка рассказать историю барона Хардена-Хикки[39], человека, который сделал себя королём, человека, который родился не в своё время.

Читателя, что-то знающего о странной карьере Хардена-Хикки и удивляющегося, почему кто-то пишет о нём не с усмешкой, а с одобрением, просим не судить Хардена-Хикки по законам современности.

Харден-Хикки был такой же нелепой для нашей эпохи фигурой, как американец при дворе короля Артура. Он к ней не подходил так же, как Сирано де Бержерак к Торговой палате. По мнению авторов насмешливых статей, президентов железнодорожных компаний, дилетантских «государственных деятелей» из Вашингтона, он был анекдотом. Для досужих умов из деревни вернувшийся Рип Ван Винкль тоже был анекдотом. Люди нашего времени не поняли Хардена-Хикки, они считали его самозванцем, наполовину авантюристом, наполовину дураком. Но и Харден-Хикки не понимал их. Это доказывают его последние слова, обращённые к жене. Они таковы: «Я лучше умру джентльменом, чем буду жить мерзавцем, как твой отец».

На самом деле, его тесть, хотя и занимал высокий пост в компании «Стандарт Ойл», не был и не является мерзавцем, а к своему зятю относился с добродушием и терпением. Но дуэлянт и солдат удачи не мог симпатизировать человеку, самым большим риском для которого было прокатиться по собственной железной дороге. Тем не менее, из мнений двух мужчин мнение Джона Х. Флаглера[40] было, вероятно, более справедливым и благожелательным.

Харден-Хикки был одним из самых колоритных, доблестных и трогательных авантюристов нашей эпохи. Но Флаглер тоже заслуживает нашей симпатии.

Для лишённого воображения, погружённого в работу короля «Стандарт Ойл» было, конечно, трудно иметь Д'Артаньяна в качестве зятя.

Джеймс А. Харден-Хикки, Джеймс Первый Тринидадский, барон Священной Римской империи родился 8 декабря 1854 года. Насчёт даты все историки согласны, но в том, где произошло это важное событие, они расходятся. Его друзья считают, что он родился во Франции, но когда он умер в Эль-Пасо, сан-францисские газеты заявляли, что он уроженец Калифорнии. Все согласны, что его предки были католиками и роялистами, которые во времена Стюартов оставили Ирландию и нашли

прибежище во Франции. По наиболее вероятной версии, он родился в Сан-Франциско, где его отец, Э. С. Хикки, был хорошо известен как один из первых поселенцев, а в детстве мать отправила его в Европу для получения образования.

Там он учился в колледже иезуитов в Намюре, затем в Лейпциге, а потом окончил военную академию Сен-Сир.

Джеймс Первый относился к тем счастливым мальчикам, которые так и не повзрослели. Во всём, что он планировал, до самой смерти, вы найдёте следы ранних лет учёбы и раннего окружения: влияние великой Церкви, которая вскормила его, и города Парижа, где он жил. В эпоху Второй империи Париж был самым безумным, самым порочным и самым лучшим городом. Сегодня, при республике, без двора, с обществом, которое держится на капитале жён и дочерей наших бизнесменов, у него не осталось причин, по которым барон Осман[41] украсил его. Хороший Лубе[42], достойный Фальер[43], не делают Париж более весёлым, не считая того, что они становятся объектами насмешек карикатуристов. Но когда Харден-Хикки был мальчиком, Париж был беспечным и блестящим, он был переполнен жизнью, цветом, приключениями.

В ту эпоху «император сидел в ящике ночью»[44], а напротив сидела Кора Перл[45]. Ветераны кампаний в Италии, Мексике, пустынных боёв в Алжире хлебали сахарную воду в кафе «Тортони», «Дюран», «Рише», их сабли звенели о тротуары, на бульварах пестрели их разноцветные мундиры. Каждую ночь Вандомская площадь сияла от освещённых экипажей, перевозивших пашей из Египта, набобов из Индии, тёмных личностей из родственной Бразильский империи. Государственные экипажи с почётным караулом и форейторами в зелёных и золотых цветах императрицы мчались по Елисейским Полям, а в Бал-Бюлье и в Мабиль студенты и гризетки танцевали канкан. Людьми этой эпохи были Гюго, Тьер[46], Дюма, Доде, Альфред де Мюссе, блистательный мерзавец герцог де Морни[47] и великий, скромный Канробер[48], который стал маршалом Франции.

Над всем этим возвышался выскочка-император, в его приёмной толпились титулованные самозванцы со всей Европы, его двор сиял от графинь, получивших титул накануне. Но он был императором, со своей любовью к театральным жестам, к великолепным церемониям, с бесконечными поисками военной славы. Усталый, циничный авантюрист, которого мальчик из Сен-Сира взял себе за образец.

Харден-Хикки был роялистом по рождению и традиции. Он всегда таковым оставался, и двор в Тюильри захватил его

воображение. Бурбоны, которым он служил, надеялись когда-нибудь занять двор, а в Тюильри был двор прямо перед глазами. Бурбоны были приятными старыми благородными людьми, которые позднее охотно ему помогали и за которых он всегда так же охотно сражался, как мечом, так и пером. Но до самого конца он хранил при себе портрет второго императора, какого он знал мальчиком.

Можете ли вы представить себе будущего Джеймса Первого в детском комбинезончике, который с няней или священником останавливается и с благоговейным восторгом взирает на зуавов в красных шароварах, стоящих на страже в Тюильри?

«Когда я вырасту, — говорил маленький Джеймс самому себе, не зная, что он никогда не вырастет, — у меня будут зуавы для охраны моего дворца».

И двадцать лет спустя он установил законы своего маленького королевства, по которым офицеры в его дворце должны носить усы а-ля Луи Наполеон, а дворцовая стража должна быть одета в форму зуавов.

В 1883 году, когда Харден-Хикки учился в военной академии, его отец умер, и когда он с отличием окончил академию, он оказался сам себе хозяин. У него был небольшой доход, совершенное знание французского языка и репутация одного из лучших фехтовальщиков Парижа. Он не пошёл в армию, а вместо этого стал журналистом, романистом, дуэлянтом и частым гостем в Латинском квартале и на бульварах.

Что касается романов, то названия его книг сами говорят об их качестве. Вот некоторые из них: «Un Amour Vendeen», «Lettres d'un Yankee», «Un Amour dans le Monde», «Memoires d'un Gommeux», «Merveilleuses Aventures de Nabuchodonosor, Nosebreaker».

О Католической Церкви он писал всерьёз, очевидно охваченный глубокой убеждённостью и высоким восторгом. Защищая веру, он писал эссе, памфлеты, листовки. Он безжалостно атаковал парижских противников Церкви.

В награду за свою борьбу он получил титул барона.

В 1878 году, когда ему было всего двадцать четыре, он женился на графине Сен-Пери, у них было двое детей, мальчик и девочка. А три года спустя он начал выпускать «Трибуле». Эта газета сделала его известным на весь Париж.

Это был роялистский листок, финансируемый графом де Шамбором[49] и выражавший интересы Бурбонов. Харден-Хикки был его редактором до 1888 года, и даже его враги говорили, что он служил своим нанимателям весьма усердно. За семь лет, которые газеты развлекала Париж и раздражала республиканское

правительство, Харден-Хикки как её редактор был вовлечён в сорок два иска за оскорбления, потратил на штрафы триста тысяч франков и поучаствовал в несчётном числе дуэлей.

Своим собратьям-редакторам он задавал вопрос: «Вы предпочитаете встретиться на редакционной полосе или в Булонском лесу?» Среди тех, кто встречался с ним в Булонском лесу, были Орельен Шолл[50], Х. Левенбрион, М. Тэн, М. де Сион, Филипп де Буа, Жан Мореас[51].

В 1888 году из-за того, что умер покровитель Хардена-Хикки граф де Шамбор, и нечем было платить штрафы, и из-за того, что терпение правительства истощилось, «Трибуле» перестал существовать. Заявив, что газету запретили, а его изгнали, Харден-Хикки переехал в Лондон,

Отсюда он отправился в кругосветное путешествие, длившееся два года, а по пути открыл для себя островное королевство, первым и последним королём которого ему суждено было стать. Перед отъездом он развёлся с графиней де Сен-Пери, а сына и дочь отдал на попечение коллеге-журналисту, своему лучшему другу графу де ла Буасье, о котором мы ещё услышим.

Харден-Хикки начал путешествие на британском коммерческом судне «Астория», шедшем в Индию через мыс Горн под командованием капитана Джексона.

Именно тогда корабль остановился у необитаемого острова Тринидад[52]. Биографы Джеймса Первого говорят, что «Астория» искала там убежища от непогоды, но поскольку шесть месяцев в году на Тринидаде невозможно высадиться и вообще его следует избегать, более вероятно, что Джексон решил пополнить там запаса воды или добыть черепашьего мяса.

Или, может быть, капитан рассказал Хардену-Хикки о заброшенном острове, и Харден-Хикки уговорил капитана позволить ему высадиться на острове и исследовать его. По крайней мере, мы знаем, что на берег была отправлена лодка, Харден-Хикки сошёл на берег и до отплытия с острова, который не принадлежал никакой стране, на котором не было ни одного человека, Харден-Хикки объявил его своим и поднял на берегу флаг собственного изготовления.

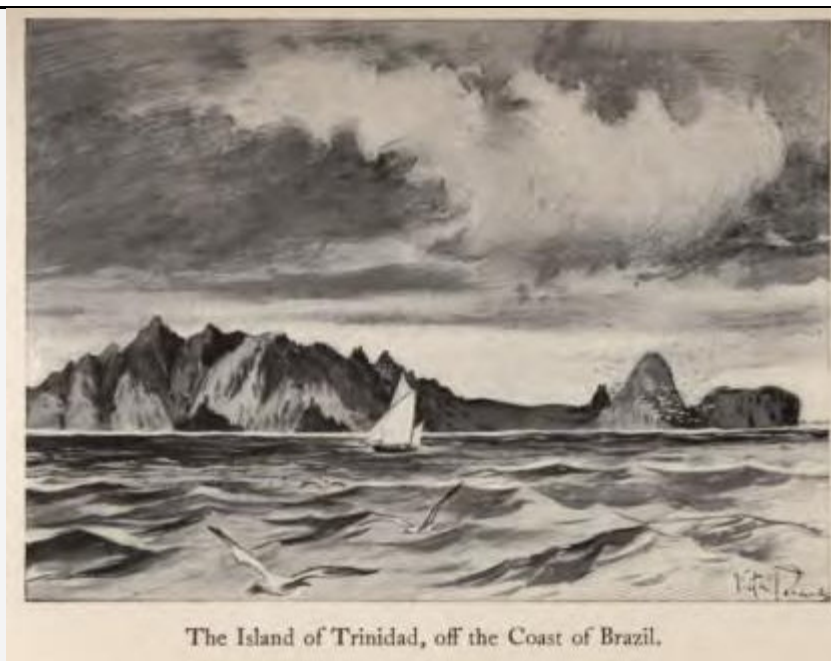
Не следует путать остров Тринидад, на который притязал Харден-Хикки, с более крупным Тринидадом, который располагается у Венесуэлы и принадлежит Великобритании.

Английский Тринидад — приветливый, мирный уголок в тропическом раю, это одно из самых прекрасных мест Вест-Индии. В любое время года гавань Порт-оф-Спейна открыта для кораблей любого водоизмещения. Губернатор в пробковом шлеме, крикет-клуб, епископ в гетрах и ботанический сад делают его

процветающей и успешной колонией. Но маленький заброшенный Тринидад, расположенный на 20°30′ ю. ш. и 29°22′ з. д. в семистах милях от берега Бразилии, всего лишь точка на карте. На многих картах его нет даже в виде точки. Там никто не живёт, кроме птиц, черепах и отвратительных сухопутных крабов. Против человека его берега укреплены ужасными грядами кораллов, зубчатыми известняковыми скалами и огромными прибойными волнами, которые даже в полный штиль возвышаются над берегом на много футов.

В 1698 году на острове побывал доктор Галлей[53] и сказал, что не обнаружил на нём никакой жизни, кроме голубей и сухопутных крабов: «Я видел в море много зелёных черепах, но из-за прибоя не смог поймать ни одной».

После Галлея, в 1700 году на острове поселились несколько португальцев из Бразилии. Руины их каменных домов всё ещё можно увидеть. Но Амаро Делано, который зашёл сюда в 1803 году, не упоминает португальцев. А когда в 1822 году на Тринидаде побывал коммодор Оуэн[54], он не нашёл ничего живого, кроме бакланов, буревестников, олуш, фрегатов и «черепах, весящих от пятисот до семисот фунтов».



The Island of Trinidad, off the Coast of Brazil.

Остров Тринидад возле Бразилии

В 1889 году Э. Ф. Найт, который потом представлял лондонскую «Морнинг Стар» во время Русско-японской войны,

прибыл на Тринидад на своей яхте, чтобы искать здесь сокровища.

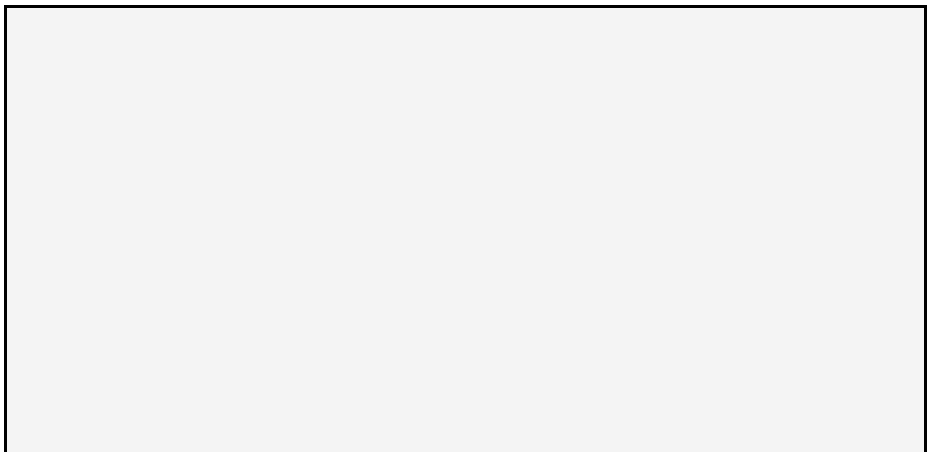
Александр Далримпл[55] в своей книге «Собрание путешествий, главным образом в южной части Атлантического океана» (1775) рассказывает, что в 1700 году[56] он «именем Его Величества, согласно жалованной грамоте короля, принял во владение остров, водрузив на нём Юнион Джек».

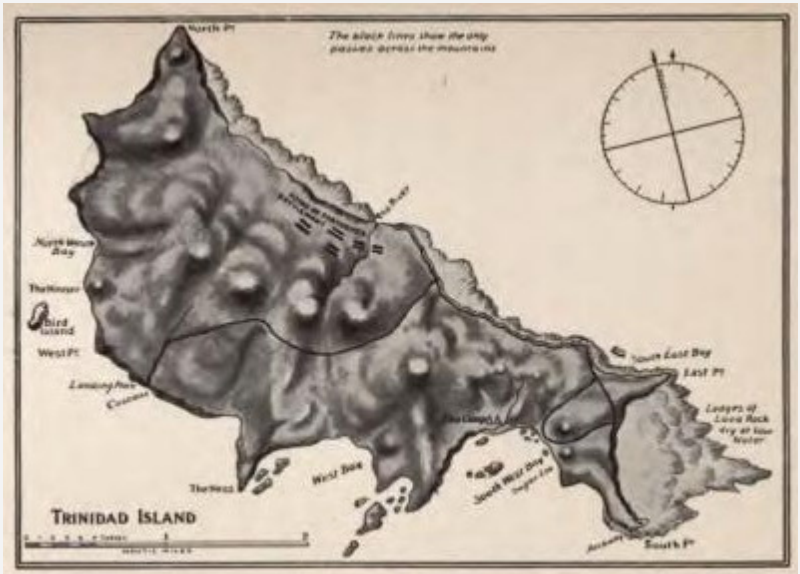
Получается, что до того, как Харден-Хикки захватил остров, он уже принадлежал Великобритании, а потом, благодаря португальским поселенцам, Бразилии. На эти притязания Харден-Хикки отвечал, что Англия никогда не создавала поселений на Тринидаде, а португальцы бросили его, следовательно, их право владения потеряло силу. В своём проспекте Харден-Хикки описывает его так:

«Тринидад примерно пять миль в длину и три мили в ширину. Несмотря на свой суровый и неприветливый вид, остров богат пышной растительностью.

Можно выделить особый вид фасоли, которая не только съедобна, но и очень вкусна. Окружающее море полно рыбы, которое до сих пор не знает рыболовного крючка. Легко можно выловить дельфинов, треску, бычков и каменных окуней. Морских птиц и черепах я рассматриваю как главный источник доходов. Тринидад — место размножения почти всех пернатых жителей Южной Атлантики. Только один экспорт гуано может привести мою небольшую страну к процветанию. Черепахи приплывают на остров, чтобы отложить яйца, и в определённое время года берег буквально кишит ими. Единственный недостаток моего королевства в том, что здесь нет хорошей гавани и остановиться можно только тогда, когда море спокойно».

Собственно говоря, иногда нужно ждать месяцы, чтобы высадиться на острове.





Topographical Map of the Island of Trinidad.

Топографическая карта острова Тринидад

Другим финансовым активом острова проспект считает закопанные сокровища. До того, как остров был захвачен Харденом-Хикки, эти сокровища уже прославили его. Вот эта легенда. В 1821 году пираты спрятали украденные из церквей Перу золотые и серебряные слитки возле холма Сахарная Голова на берегу, который известен как Юго-Западная бухта. Многие из этих слитков происходили из кафедрального собора в Лиме, и были увезены оттуда испанцами, которые бежали из страны во время войны за независимость. В пылу бегства они нанимали любые попавшиеся корабли, и эти невооружённые и неподготовленные к плаванию суда становились лёгкой добычей пиратов. Один из этих пиратов на смертном одре раскрыл секрет сокровища своему капитану. В 1892 году этот капитан был ещё жив и обретался в Англии, в Ньюкасле, и хотя его история напоминала многие другие истории о закопанных сокровищах, в ней были некоторые подробности, подтверждавшие рассказ пирата. Они привели к тому, что за двенадцать лет на острове побывало пять разных экспедиций. Две самые важные были осуществлены Э. Ф. Найтом и барком «Ауреа» из Тайна.

В своём «Путешествии на "Алерте"» Найт описывает остров и рассказывает о попытке найти сокровища. Он потерпел неудачу, поскольку обвал скрыл место, где они были закопаны.

Но книга Найта остаётся единственный источником информации о Тринидаде, и, сочиняя свой проспект, Харден-

Хикки, очевидно, многое из неё позаимствовал. Сам Найт говорил, что самое точное описание Тринидала он нашёл в «Морском офицере Франке Мильдмее» капитана Марриета[57]. Он так легко нашёл каждое место, упомянутое в романе, что верил, будто автор «Мичмана Изи» сам побывал на острове.

После захвата Тринидада Харден-Хикки обогнул мыс Горн и побывал в Японии, Китае и Индии. В Индии он заинтересовался буддизмом и оставался там целый год, общаясь со священнослужителями этой религии и изучая её историю и догматы.

Вернувшись в Париж в 1890 году, он познакомился в мисс Энни Харпер Флаглер, дочерью Джона Х. Флаглера. Через год, в День Святого Патрика 1891 года, в пресвитерианской церкви на Пятой авеню в Нью-Йорке мисс Флаглер стала баронессой Харден-Хикки. Их обвенчал преподобный Джон Холл.

Два года Харден-Хикки жил в Нью-Йорке, но так тихо, что кроме того, что он жил тихо, очень сложно найти какие-то другие сведения о нём. Человек, который несколько лет назад восхищал Париж ежедневными фельетонами, дуэлями, исками, который был заводилой на пирушках в Латинском квартале, жил в Нью-Йорке почти как отшельник и писал книгу о буддизме. Когда он был в Нью-Йорке, я работал репортёром «Ивнинг Сан», но не могу припомнить, что встречал его имя в газетах, а о нём самом слышал только два раза. Первый раз в связи с выставкой его акварелей в «Американской художественной галерее», а второй раз — как об авторе книги, которую я нашёл в магазине на Двадцать второй улице, к востоку от Бродвея, в тогдашнем здании издательства «Трут Сикер».

Это была ужасная компиляция, которая только что вышла из печати. Она называлась «Эвтаназия, или Этика самоубийства». Книга была апологией саморазрушения и призывом к нему. В ней барон описал те случаи, когда самоубийство оправдано и когда обязательно. Что поддержать свои аргументы и показать, что самоубийство — это благородный акт, он цитировал Платона, Цицерона, Шекспира и даже неточно цитировал Библию. Он дал список ядов и всего, что необходимо для самоубийства. Чтобы показать, как можно уйти из жизни без боли, он проиллюстрировал текст очень неприятными картинками, которые сам нарисовал.

Книга показала, как далеко Харден-Хикки отошёл от учения иезуитов из Намюра и от Церкви, которая сделала его «благородным».

Эти два года он несколько раз покидал Нью-Йорк. Он съездил в Калифорнию, в Мексику, в Техас и везде купил ранчо и

рудники. Деньги для этих вложений дал его тесть. Но не прямо. Всякий раз, когда ему нужны были деньги, он просил их получить или жену, или де ла Буасье, который был другом и Флаглера.

Его отношение к тестю сложно объяснить. Очевидно, что Флаглер не сделал ничего, чтобы оскорбить Хардена-Хикки. Он всегда говорил с ним со снисхождением и даже с почтением, как говорят с умным и капризным ребёнком. Но Харден-Хикки рассматривал Флаглера как врага, как корыстного дельца, который не может понять чувств и устремлений настоящего гения и джентльмена.

Непонимание между Харденом-Хикки и отцом его жены началось ещё до женитьбы. Флаглер был против этого брака, так как считал, что Харден-Хикки женится на его дочери из-за её денег. Поэтому Харден-Хикки женился на мисс Флаглер без приданого и в первые годы содержал её сам, без помощи её отца. Но его жена не привыкла к образу жизни, который ведёт солдат удачи, и скоро его доходы, а потом и весь его капитал истощились. Баронесса унаследовала некоторое состояние от своей матери. Наследством как душеприказчик управлял её отец. Когда собственные деньги Хардена-Хикки закончились, он стал добиваться перевода денег, принадлежащих его жене, на счёт жены или свой. На это Флаглер ответил, что Харден-Хикки не человек дела, а Харден-Хикки возражал, что это не так, и настаивал, что если деньги окажутся в его руках, то они будут расходоваться с большей пользой. Флаглер отказался вверять Хардену-Хикки заботу о деньгах жены, что привело к их разрыву.

Как я уже сказал, не нужно судить Хардена-Хикки по законам современности. Его идеи были совершенно не совместимы с людьми, среди которых он жил. Он должен был жить в эпоху «Трёх мушкетёров». Люди, которые считали, что он действует ради собственной выгоды, совсем его не понимали. Он был абсолютно честен и абсолютно лишён чувства юмора. Ему было невыносимо платить налоги, оплачивать счета из магазинов, просить помощи у полисмена. Он жил в мире собственного воображения. И однажды, чтобы сделать воображаемое реальным, чтобы сбежать из мира своего неромантичного тестя, из мира «Стандарт Ойл» и флоридских отелей, он выпустил воззвание и объявил себя королём Джеймсом Первым, правителем Княжества Тринидад[58].

Воззвание не привело к мировому кризису. Некоторые признали княжество Хардена-Хикки и его титул. Но, в целом, люди посмеялись, поудивлялись и забыли. Дочь Джона Флаглера, которая должна была править новым княжеством, усилила интерес к нему, и несколько недель её называли «американской

королевой».

Когда самого Флаглера спросили о новом королевстве, он показал свою непредвзятость.

«Мой зять очень решительный человек, — сказал он, — он сумеет осуществить любой план, который будет ему интересен. Он проконсультировался со мной, я был бы рад помочь деньгами или советом. Мой зять очень начитанный, изысканный, благовоспитанный человек. Он не ищет известности. Пока он жил в моём доме, он почти всё время проводил в библиотеке, переводя индийские книги о буддизме. Моя дочь не стремится стать королевой или ещё кем-то, помимо того, кем она является — обычной американской девушкой. Но мой зять хочет выполнить тринидадский план, и он его выполнит».

Харден-Хикки не мог жаловаться на то, что его тесть ему не сочувствует.

Остальная Америка развлекалась, а через неделю уже была равнодушна. Но Харден-Хикки с настойчивостью и серьёзностью продолжал играть роль короля. Его друг де ла Буасье, назначенный министром иностранных дел, устроил канцелярию в доме № 217 по Западной Двадцать Шестой улице в Нью-Йорке, и вскоре оттуда вышел циркуляр, или проспект, написанный королём и подписанный: «Le Grand Chancelier, Secretaire d'Etat pour les Affaires Etrangeres, M. le Comte de la Boissiere»[59].

Написанный по-французски документ, объявлял, что форма правления нового государства — военная диктатура, что на королевском флаге изображен жёлтый треугольник на красном поле, а на гербе — «d'Or chape de Gueules»[60]. В нём наивно утверждалось, что те, кто первыми поселились на острове, были, естественно, старейшими жителями, а значит, составляли аристократию. Но в этот избранный круг должны были войти только те, кто на родине занимали важное социальное положение и имели некоторое состояние.

Объявлялась государственная монополия на гуано, черепах и закопанные сокровища. И чтобы найти сокровища, и чтобы поощрить переселенцев обрабатывать землю, тому, кто найдёт сокровище, обещалась премия.

Тот, кто покупал десять облигаций на 200 долларов, имел право на бесплатный проезд на остров, а через год, по желанию, на бесплатное возвращение. Тяжёлую работу должны были выполнять китайские кули, а аристократия — жить в роскоши и, согласно проспекту, наслаждаться «vie d'un genre tout nouveau, et la recherche de sensations nouvelles»[61]

Чтобы наградить своих подданных за достижения в литературе, искусстве и науке, Его Величество основал

рыцарский орден. Официальный документ о создании этого ордена гласит:

«Мы, Джеймс, князь Тринидада решили в память о нашем вступлении на трон Тринидада учредить рыцарский орден, чтобы отмечать им литературные, промышленные, научные и человеческие достижения, и настоящим учреждаем Орден Тринидадского креста, сувереном которого станут наши потомки и преемники.

Дан в нашей канцелярии в восьмой день декабря одна тысяча восемьсот девяносто третьего года, в первый год нашего царствования.

Джеймс».

У Ордена было четыре степени: кавалер, командор, великий офицер и великий крест. Имя каждого члена Ордена было записано в «Золотой книге». Пенсия кавалера равнялась тысяче франков, командора — двум тысячам, великого офицера — трём тысячам. Великий крест представлял собой восьмилучевую бриллиантовую звезду с покрытым красной эмалью гербом Тринидада в центре. Лента была красно-жёлтого цвета.

В правилах Ордена читаем: «Костюм будет идентичен костюму камергера Тринидадского двора, за исключением пуговиц, которые будут иметь вид королевской короны».

Король Джеймс нанял ювелиров, чтобы они создали королевскую корону. Её конструкция напоминала корону, которая увенчивала Тринидадский крест. Её можно увидеть на фотографии этой награды. Король выпустил и набор почтовых марок с изображениями острова. Марки имеют различные расцветку и стоимость и ценятся коллекционерами.

Когда я хотел купить одну марку, чтобы показать в этой книге, я обнаружил, что они стоят намного дороже, чем указано на лицевой стороне.

The Order of the Cross of Trinidad.

Орден Тринидадского креста

Некоторое время дела у нового королевства шли хорошо. В Сан-Франциско король Джеймс лично нанял четыреста кули и снарядил шхуну, которую отправил в Тринидад для совершения регулярных рейсов между его княжеством и Бразилией. Представитель Хардена-Хикки развернул на острове строительство пристани и домов, а канцелярия министерства иностранных дел на Западной Двадцать Шестой улице готовилась принимать потенциальных поселенцев.

А затем переменчивая судьба внезапно и неожиданно нанесла удар по независимости королевства. От этого удара оно так и не оправилось.

В июле 1895 года Великобритания, прокладывая телеграфный кабель в Бразилию, обнаружила на своём пути остров и захватила его для телеграфной станции. Бразилия выразила возражение, и в Байе толпа забросала камнями дом английского генерального консула.

Англия притязала на остров по причине его открытия Галлеем. Бразилия притязала на него как на отколовшийся кусок континента. Мир ждал войны между соперниками, а о том факте, что остров на самом деле принадлежит нашему королю Джеймсу, все забыли.

Но министр иностранных дел был на посту. Он действовал

оперативно и энергично. Он обратился с нотой протеста ко всем правительствам Европы и к нашему госдепартаменту. В ноте было написано следующее:

«Великий канцлер Княжества Тринидад,

Западная Двадцать Шестая улица, 27, Нью-Йорк, США.

30 июля 1895 года.

Его превосходительству государственному секретарю республики Северо-Американских Соединённых Штатов, Вашингтон, округ Колумбия.

Ваше превосходительство! Я имею честь напомнить Вам:

1. Что в сентябре 1893 года барон Харден-Хикки официально объявил всем правительствам, что он владеет необитаемым островом Тринидад;

2. Что в январе 1894 года он снова объявил об этом правительствам и в то же время проинформировал их, что с этой даты территория должна называться Княжеством Тринидад; что он принял титул князя Тринидада, и царствует под именем Джеймса I.

После этих заявлений несколько правительств признали новое княжество и его князя, и, во всяком случае, никто не счёл необходимым выразить протест или несогласие.

С другой стороны, пресса всего мира часто знакомила читателей с этими фактами, предавая их всей возможной огласке. После выполнения этих формальностей права его светлости князя Джеймса I должны уважаться как действительные и неоспоримые, поскольку законы предписывают, что брошенные территории принадлежат тому, кто завладеет ими, и поскольку остров Тринидад, покинутый на многие годы, определённо относится к вышеупомянутый категории,

Тем не менее, как известно Вашему превосходительству, недавно английский военный корабль, несмотря на законные права моего августейшего суверена, высадил на Тринидаде вооружённый отряд и принял его во владение именем Англии.

После этого захвата бразильское правительство, напоминая о древнем португальском владении (давно недействующем), заявило, что английское правительство должно отказаться от острова в пользу Бразилии.

Я прошу Ваше превосходительство содействовать тому, чтобы правительство Северо-Американских Соединённых Штатов признало Княжество Тринидад как независимое государство и гарантировало свой нейтралитет.

Таким образом правительство Северо-Американских Соединённых Штатов окажет мощную поддержку делу добра и справедливости, которое не понимают Англия и Бразилия,

положит конец ситуации, которая грозит привести к нарушению мира, восстановит согласие между двумя великими державами, готовыми взяться за оружие, и, кроме того, подтвердит приверженность Доктрине Монро[62].

В ожидании ответа Вашего превосходительства выражаю вам глубочайшее уважение.

Великий канцлер, министр иностранных дел граф де ла Буасье».

В то время госсекретарём был Ричард Олни[63]. Его отношение к протесту и к джентльмену, который его написал, полностью подтверждает ту репутацию человека, не знающего хороших манер, которую она заработал на своём посту. Сказав, что не может разобрать почерк, которым написан протест, он поступил с ним так, как должен поступать каждый государственный деятель и каждый джентльмен. Он передал это письмо «чудака» вашингтонским журналистам. Можете представить, что они с ним сделали.

На следующий день нью-йоркские репортёры свалились на канцелярию и министра иностранных дел. Был август — «мёртвый сезон», настоящих новостей не было, и проблемы де ла Буасье заняли много места в газетах.

Они смеялись над ним и над его королём, над его канцелярией, над его ломаным английским, над его степенными придворными манерами, даже над его одеждой. Но, несмотря на насмешки, между строк вы можете прочитать, что для этого человека всё происходившее было ужасно серьёзно.

Впервые об острове Тринидад я услышал от двух знакомых, которые три месяца искали там сокровища, и когда Харден-Хикки объявил себя повелителем острова, я через газеты внимательно следил за его делами. Частично из любопытства, частично из сочувствия, я зашёл в канцелярию.

Она располагалась в доме из коричневого песчаника в грязных окрестностях Седьмой авеню, где сейчас отель «Йорк». Три недели назад я снова там побывал, и там ничего не изменилось. Во время моего первого визита на входной двери висел кусок бумаги, на которой рукой де ла Буасье было написано: «Chancellerie de la Principaute de Trinidad»[64].

Канцелярия находилась в совсем неподходящем месте. На ступеньках дети из трущоб играли прищепками. На улице торговец хриплым голосом предлагал увядшую капусту женщине в халате, которая свисала с пожарной лестницы. Запахи и жар летнего полуденного Нью-Йорка поднимался от асфальта. Омываемый волнами остров возле Бразилии был где-то очень далеко.

Де ла Буасье принял меня с недоверием. Утренние газеты сделали его осторожным. Но после нескольких обращений «Ваше превосходительство» и уважительных вопросов о «Его Королевском Высочестве» его доверие восстановилось. Он не видел ничего юмористического ни в ситуации вообще, ни даже в расписании отплытия судов на Тринидад, которое висело на стене. В расписании было указано две даты: 1 марта и 1 октября. На столе лежали копии королевских воззваний, почтовые марки нового правительства, тысячефранковые облигации и красно-золотые, покрытые эмалью кресты Тринидадского ордена в картонных коробках.

Он говорил о князе Джеймсе с искренностью и нежностью. Я больше не встречал человека из тех, что хорошо знали Хардена-Хикки, который говорил бы о нём с такой настойчивой преданностью. Если он и улыбался над эксцентричностью Хардена-Хикки, это была добрая улыбка. Было понятно, что де ла Буасье относится к нему его не только с дружеской привязанностью друга, но и с преданностью настоящего подданного. Он был так любезен, вежлив и утончён, что я почувствовал, как будто очень близко общаюсь с европейским премьер-министром.

А он, который после насмешек утренних газет встретил человека, серьёзно относящегося к его высокому посту и к его королю, наверное, был мне благодарен.

Я сказал ему, что хотел бы побывать на Тринидаде, и был в этом желании вполне серьёзен. История острова, наполненного закопанными сокровищами и управляемого королём, подданными которого были черепахи и чайки, обещала стать интересным репортажем.

Граф был очень доволен. Думаю, во мне он увидел первого честного поселенца, и когда я встал, чтобы уйти, он даже взял один из Тринидадских крестов и с сомнением посмотрел на него.

Если бы он знал, что из всех наград, это была единственная, которую бы я желал получить; если бы я сразу же забронировал себе место для поездки на остров или поклялся в верности королю Джеймсу, кто знает, может быть, сегодня я был бы кавалером, а моё имя было бы записано в «Золотой книге»? Но вместо того, чтобы встать на колени, я потянулся за шляпой. Граф положил крест в картонную коробку, и для меня момент был упущен.

Другим, более достойным этой чести, повезло больше. Из моих коллег-репортёров, которые, как я, пришли поглумиться, но ушли очарованные, был недавно умерший Генри Пен Дюбуа[65], блестящий художественный и музыкальный критик из

«Американ». Тогда он работал в «Таймс», а его редактором был Генри Н. Кэри, который сейчас работает в «Морнинг Телеграф».

Когда Дюбуа сообщил Кэри о своём задании, Дюбуа сказал:

«В этой истории нет ничего забавного. Она трогательна. Оба этих человека искренни. Они убеждены, что их права нарушены. Их единственная вина в том, что у них есть воображение, а у остальных его нет. Вот что поражает меня, и вот так об этом и нужно писать».

«Так и напиши», — сказал Кэри.

Вот так из всех нью-йоркских газет «Таймс» на короткий период стала официальным органом правительства Джеймса Первого, а Кэри и Дюбуа скоро были сделаны кавалерами Тринидадского креста и получили право носить форму, «идентичную костюму камергера Тринидадского двора, за исключением пуговиц, которые будут иметь вид королевской короны».

Атака, совершённая Великобританией и Бразилией на независимость княжества, сделала Хардена-Хикки королём в изгнании, но сразу же принесла ему другую корону, которая, по мнению тех, кто её предложил, имела несравненно более высокую ценность, чем корона Тринидада.

В первом случае человек искал корону, во втором случае корона искала человека.

В 1893 году в Сан-Франциско прославился Рэлстон Дж. Маркоу — адвокат и офицер артиллерии США, участник флибустьерской экспедиции, которая пыталась свергнуть правительство Доула[66] и вернуть трон королеве Лилиуокалани[67]. в Сан-Франциско Маркоу прозвали «князем Гонолулу», поскольку было ясно, что если бы Лилиуокалани вернула свою корону, он получил бы какой-то высокий пост. Но Маркоу уже потерял веру в Лилиуокалани, и думал, что у Хардена-Хикки больше качеств, нужных для короля. Поэтому через двадцать четыре дня после протеста, отправленного в госдепартамент, Маркоу решил перейти к Хардену-Хикки и обратился к нему с таким письмом:

«Сан-Франциско, 26 августа 1895 года.

Барону Харден-Хикки, Лос-Анджелес, Калифорния.

Монсеньор, Ваше письмо от 16 августа получено.

1. Я назначен роялистской партией для того, чтобы найти человека, способного занять этот пост при существующих обстоятельствах. Пока королева в тюрьме и отрезана от всех связей с её друзьями, не может быть и речи о том, чтобы вручить ей официальные полномочия.

2. Отчуждение какой-либо части территории не может

вызвать никаких вопросов к законности, по той причине, что законы в государстве находятся в таком сильном расстройстве, что только сильная рука может навести порядок, а реставрация приведёт к установлению сильного военного правительства. Если я отправлюсь в экспедицию, которую сейчас организую, то я смогу взять ситуацию под полный контроль и выполнить все обязательства.

3. Я предлагаю Вам стать независимым монархом на острове Кауаи.

4. Мой план заключается в том, чтобы последовательно занять все острова, оставив столицу напоследок. Когда всё будет захвачено, столица, будучи отрезана от всех ресурсов, может быть взята без всяких усилий. Во всяком случае, я не собираюсь строить укрепления, занимать оборону или взывать к местным жителям, поскольку я могу вызвать дополнительные силы в дополнение к тем, кто поедет со мной, хотя и этих будет достаточно, чтобы выполнить задачу без местных жителей.

5. Численность правительственных войск — примерно 160 мужчин и юношей, очень несовершенных в плане воинской подготовки, из них примерно сорок офицеров. Они составляют пехоту. Имеются также 600 граждан, записанных в резерв, которые могут быть призваны в случае опасности, и примерно 150 полицейских. Мы можем полностью полагаться на помощь всех полицейских и от четверти до половины остальных войск. Многие другие тоже ни при каких обстоятельствах не станут вступать в бой ради нынешнего правительства. Сейчас на острове достаточно людей и оружия, чтобы выполнить нашу задачу. Если моя экспедиция отплывёт нескоро, люди там сделают всё сами без нашей помощи, и не будут терпеть нескольких руководителей, которые причинили им больше зла, чем кто-либо другой.

6. Тоннаж судна — 146. Сейчас в его каюте есть места для двадцати человек, но в трюме можно установить койки ещё для 256 человек с обеспечением достаточной вентиляции. Судно имеет полный набор парусов и дополнительный набор рангоута. Остальную информацию о нём я получу завтра и тогда же отправлю Вам её. Думаю, Вам должно быть понятно, что сейчас у вас появилась возможность занять несравненно более высокое место, чем может предоставить Вам Тринидад. Надеюсь, что в ближайшее время я смогу побеседовать с Вами, с уважением

Рэлстон Дж. Маркоу».

Неизвестно, что Харден-Хикки думал об этом письме. Но поскольку за две недели до его получения он уже написал Маркоу, спрашивая, какие полномочия тот имеет от роялистов Гонолулу, кажется очевидным, что когда ему была предложена

корона Гавайев, он не отказался сразу.

Он был в странном положении, будучи свергнутым королём южноатлантического острова, который у него отняли, и избранным королём тихоокеанского острова, который пока ему не принадлежал.

Это было в августе 1895 года. За два года Харден-Хикки стал солдатом неудачи. Потеряв своё островное королевство, он не мог больше заниматься планами по его обустройству. Это была его игрушка. У него отняли эту игрушку, и эта потеря и последовавшие насмешки больно его ранили.

И он не мог найти покупателя для тех земель, которыми он действительно владел в Мексике и Калифорнии и которые он был вынужден продавать, чтобы обеспечить свою жизнь. А поссорившись с тестем, он потерял источник денег. Нужда жестоко терзала его.

Причина ссоры была достаточно характерна. Задетый нападением Великобритании на своё княжество, Харден-Хикки решился на ответный удар. Нужно помнить, что он всегда был более ирландцем, чем французом. Он организовал план вторжения в Англию из Ирландии — родины своих предков. Флаглер отказался дать деньги на эту авантюру, и Харден-Хикки разорвал с ним отношения. Его друзья говорят, что ссора была ссорой со стороны одного Хардена-Хикки.

Были и другие, более личные проблемы. Хотя он не развёлся с женой, они редко бывали вместе. Когда баронесса была в Париже, Харден-Хикки был в Сан-Франциско. Когда она вернулась в Сан-Франциско, он был в Мексике. Кажется, тут была его вина. Он увлекался симпатичными женщинами. Его дочь от первого брака, сейчас очень красивая девушка шестнадцати лет, проводила много времени с мачехой. И его сын, когда не жил на ранчо отца в Мексике, тоже месяцами жил у матери. Харден-Хикки одобрял это, но сам видел свою жену нечасто. Тем не менее, ранней весной 1898 года, баронесса арендовала дом на Брокстон-сквер в калифорнийском городе Риверсайд и хотела, чтобы её муж жил там вместе с ней. В это время он пытался избавиться от крупного участка земли в Мексике. Если бы он продал его, то на вырученные деньги смог бы обеспечить себя, несмотря на свои экстравагантные расходы. По крайней мере, он был бы независим от своей жены и её отца. До февраля 1898 года казалось, что он сумеет получить эти деньги.

Но в начале февраля последний перспективный покупатель передумал совершать сделку.

Нет никаких сомнений, что если бы Харден-Хикки тогда вернулся к своему тестю, то этот джентльмен открыл бы для него

счёт, как он и делал раньше.

Но князь Тринидада чувствовал, что не в силах больше просить деньги, даже принадлежащие его жене, у человека, которого он оскорбил. Он не мог больше просить свою жену выступать посредником. У него было своих денег и не было способов их добыть. От своей жены он не мог ожидать даже сочувствия, а для мира он был фальшивым королём, обречённым на насмешки как самозванец, как шут.

Солдат переменчивой удачи, дуэлянт и мечтатель, благочестивый католик и благочестивый буддист, он считал свою сорокалетнюю жизнь только местом встречи со многими фиаско.

Он мучился из-за мнимых ошибок, мнимых обид, мнимых провалов.

Этот молодой человек, который рисовал картины, писал книги, организовывал заморские колонии и срезал саблей пуговицы с жилета, забыл, что у него было двадцать лет хорошей жизни. Он забыл, что люди любили его за ошибки, которые он делал. Забыл, что в некоторых районах Парижа его имя всё ещё произносили с нежностью, что он всё ещё был там хорошо известен.

В своей книге «Этика самоубийства» он установил, как следует действовать в тяжёлые периоды жизни.

Поскольку он понял, что наступил один из таких периодов, он не стал просить других делать то, что должен был выполнить сам.

Из Мексики он отправился в Калифорнию, но не в приготовленный для него дом жены.

9 февраля 1898 года он сошёл с поезда в Эль-Пасо и зарегистрировался в отеле.

В 7:30 вечера он ушёл в свою комнату, а когда утром открыли дверь, то обнаружили на кровати его окоченевшее тело, а рядом с рукой — бутылку с ядом.

На кресле лежало письмо к жене:

«Моя дорогая! От тебя нет никаких вестей, хотя у тебя было много времени, чтобы написать. Харви написал мне, что так и не нашёл покупателя для моей земли. Что ж, я выпью чашу горечи до самого дна, но я не жалуюсь. Прощай. Я прощаю твоё отношение ко мне и верю, что ты способна простить моё. Я предпочту быть мёртвым джентльменом, чем живым мерзавцем, как твой отец».

И когда обыскали его открытый чемодан, чтобы опознать тело на кровати, то нашли корону Тринидада.

Представьте себе это: скромная комната отеля, военный с белым лицом и усами а-ля Луи Наполеон покоится на подушке,

испуганные коммивояжёры и горничные заглядывают из коридора, и хозяин, или коронер, или доктор с озадаченным лицом поднимает на всеобщее обозрение корону с позолотой и бархатом.

Другие актёры этой «монархической буффонады», как назвал её Гарольд Фредерик[68], до сих пор живы.

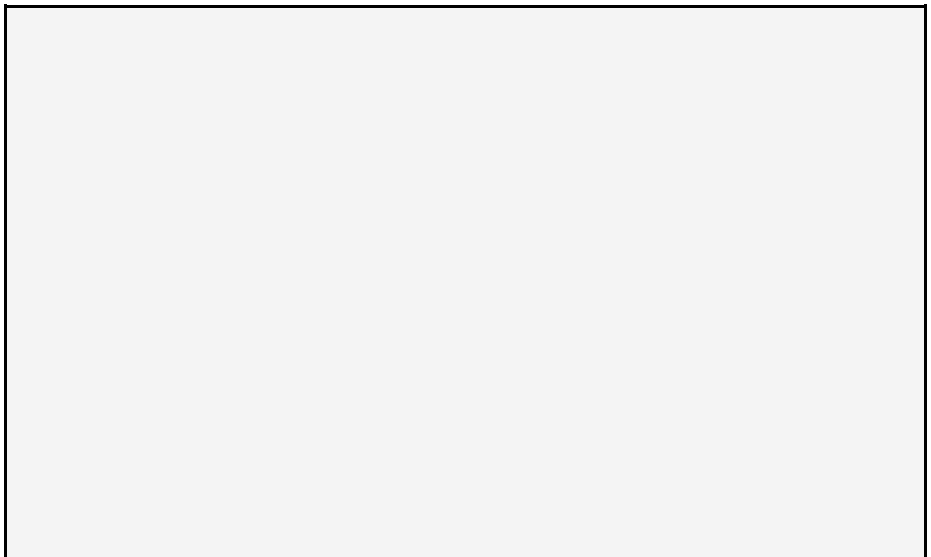
Баронесса Харден-Хикки строит свой дом.

Граф де ла Буасье, бывший министр иностранных дел, возглавляет французскую колонию в Нью-Йорке, теперь он процветающий коммерсант с конторами на Пятьдесят Пятой улице. По завещанию Хардена-Хикки де ла Буасье — душеприказчик его наследства, опекун его детей и, что более важно для этой статьи, в его руках находится будущее королевства Тринидад. Когда Харден-Хикки умер, статус острова обсуждался. Если бы молодой Харден-Хикки высказал свои притязания на остров, то обсуждение бы продолжилось. Между тем, де ла Буасье, по завещанию Джеймса Первого, является пожизненным регентом и душеприказчиком княжества.

Ему оставлен королевский декрет — с подписью и печатью, но пустой. В его воле заполнить пустое место, утвердив окончательное положение острова, который ему дарован.

Итак, через несколько дней он может объявить о вступлении на трон нового короля и продолжить жизнь королевства, о котором мечтал Харден-Хикки.

Но пока сын Хардена-Хикки, или его жена, или его дочь не заявят о своих правах, чего, скорее всего, не произойдёт, династию Джеймса Первого, барона Священной Римской империи можно считать законченной.



Baron Harden-Hickey, King James I. of Trinidad.

Барон Харден-Хикки, король Тринидада Джеймс I

Для мудрых людей Америки он был дураком, и они смеялись над ним. для более мудрых он был ловким мошенником, который придумал новую схему владения недвижимостью и грабил людей, и они его уважали. Для меня Харден-Хикки был самым мудрым из всех.

Если серьёзно, что может быть восхитительнее, чем быть королём на своём собственном острове?

Газетчики-юмористы, бизнесмены со своим строгим здравым смыслом, капитаны промышленности, которые смеялись над ним и над его источником национального дохода в виде закопанных сокровищ, черепашьих яиц и гуано, над его охранниками-зуавами и его великим крестом Тринидада, конечно, владели многими вещами, отсутствовавшими у Хардена-Хикки. Но у них, наоборот, отсутствовали те вещи, которые делали его счастливым: умение фантазировать, любовь к романтике, склонность к авантюрам, которые вели его за собой.

Мальчиками мы говорили: «Давайте притворимся, что мы пираты», — а взрослый мужчина Харден-Хикки просил: «Давайте притворимся, что я король».

Но проблема была в том, что другие мальчики выросли и не хотели притворяться.

Уход Хардена-Хикки напоминает мне последнюю реплику в пьесе Пинеро[69]. Когда авантюристка миссис Танкерей[70] кончает жизнь самоубийством, её добродетельный пасынок говорит: «Если бы мы были чуточку добрее!»

III. Уинстон Спенсер Черчилль

В точном смысле, «солдат удачи» — это человек, который воюет под флагом какой-либо страны ради денег или ради любви к приключениям.

В более широком смысле, это тип человека, который шагает по жизни в поисках удачи, который, завидев её, бросается к ней и обращает в свою пользу.

Кроме Уинстона Спенсера Черчилля[71] сегодня есть не очень много молодых людей — а он очень молодой человек, — которые часто встречали свою удачу, и никто, кроме него, так часто не склонял её в свою сторону. В тот момент ему было безразлично, была ли эта удача добром или злом, в конце она всегда становилась добром.

Юношей он уехал на Кубу и сражался с испанцами, когда другие субалтерн-офицеры играли в поло и посещали театр «Гейети». За такое нарушение дисциплины всякий другой офицер был бы предан военному трибуналу. Даже его друзья боялись, что такое безрассудство положит конец его армейской карьере. Вместо этого его выходка обсуждалась в Палате общин, и этот факт привёл к такой огласке, что «Дейли График» щедро заплатила ему за статью о Кубинской революции, а испанское правительство наградило его орденом «За военные заслуги».

В самом начале бурской войны он попал в плен. Это казалось огромной неудачей. Он надеялся в этой кампании выполнить свой долг, как и другие собратья-офицеры, и то, что он был вынужден без движения сидеть в Претории, казалось ужасным бедствием. Для других людей, которые долгие скучные месяцы томились бы в заключении, это так и осталось бы бедствием. Но через шесть недель плена Черчилль сбежал, после многих приключений вернулся в свои войска и обнаружил, что это бедствие сделало его героем.

Winston Churchill.

In the uniform of the Fourth Queen's Own Hussars, at the age of twenty-one, when he fought with the Spaniards.

Уинстон Черчилль в форме Четвёртого гусарского полка Её Величества, в возрасте двадцати двух лет, когда он сражался вместе с испанцами

Когда после сражения при Омдурмане[72] он в своей книге «Война на реке» напал на лорда Китченера[73], те, кто его недолюбливали, а таких было много, говорили: «Это конец Уинстона в армии. У него больше не будет возможности критиковать Китченера».

Но всего через два года такая возможность появилась, когда он, уже не субалтерн, а член Палаты общин, покровительствовал Китченеру, защищая его от нападок других.

Позднее, когда его споры с лидерами собственной партии закрыли для него консервативные дискуссионные клубы даже в своём избирательном округе, недоброжелатели снова говорили: «Это точно конец. Он насмехается над теми, кто занимает высокие посты. Он обидел своего кузена и покровителя герцога

Мальборо[74]. Без друзей в политике, без влияния и денег семьи Мальборо он политический ноль». Это было восемнадцать месяцев назад. Сегодня, в возрасте тридцати двух лет он один из лидеров правящей партии, заместитель министра по делам колоний и самый популярный молодой политик из либеральной партии.

На последнем рождественском банкете сэр Эдуард Грей[75], новый министр иностранных дел, сказал о нём: «Мистер Уинстон Черчилль достиг успехов, по меньшей мере, в пяти различных сферах: как солдат, как военный корреспондент, как лектор, как писатель и — последнее, но не по значению — как политик. Я даже не упоминаю о том, что как политик он был успешен дважды, с обеими партиями. Его первый успех с правящей партией был действительно выдающимся. Надеюсь, что второй будет ещё более выдающимся и более продолжительным. Замечательно, что он сумел добиться всего этого до шестидесяти четырёх лет — возраста, после которого политики уже не считаются молодыми».

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль родился тридцать два года назад, в ноябре 1874 года. По рождению он наполовину американец. Его отец — лорд Рэндольф Черчилль[76], мать — Дженни Джером из Нью-Йорка. Со стороны отца он был внуком седьмого герцога Мальборо[77], а со стороны матери — внуком Леонарда Джерома[78].

Тем, кто изучает наследственность, должно быть интересно выяснить, от каких из этих предков Черчилль получил те качества, которые в нём наиболее заметны и которые привели его к успеху.

Сложно переоценить то, чем он обязан своим отцу и матери, почти так же сложно, как переоценить то, чего он добился своими силами.

Он не был гениальным ребёнком, который родился у обычных родителей. Скорее, ему угрожала судьба навечно остаться сыном своего отца. И, конечно, был большой спрос с мальчика, который должен был превзойти своего отца, одного из самых видных, умных и эксцентричных государственных деятелей поздней викторианской эпохи, и свою мать, блестящую красавицу.

Американская жена не была просто украшением своего мужа. Всю его политическую карьеру она была его помощником, и как член Лиги подснежника[79], и как редактор «Англо-Саксон Ревью», и как глава госпиталя на корабле «Мэн» в жаркие дни в порту Дурбана, и везде она показывала острый ум и организаторские способности. Муж, а позднее и сын получали много голосов на выборах только благодаря этой очаровательной и остроумной

американке.

В начале жизни, если только не называть началом его нынешнее состояние, на Черчилля влияли две вещи: огромное восхищение отцом, из-за которого он стремился следовать по его пути, и дружба с матерью, которая относилась к нему не как мать, а, скорее, как сестра и товарищ.

Черчилль так рано развился, что я не могу припомнить того времени, когда он был достаточно юн, чтобы быть сыном леди Рэндольф. И, конечно, я не могу припомнить того времени, когда она была достаточно стара, чтобы быть его матерью.

Когда я впервые увидел его, он уже окончил школу Хэрроу и Сандхёрст[80] и служил вторым лейтенантом в Четвёртом гусарском полку. Тогда он выглядел моложе своих лет.

Он был невысоким, худощавым, хрупким юношей, хотя, на самом деле, он был очень силён. У него были голубые глаза, веснушки и почти рыжие волосы, которые сейчас утратили свою жёсткость. Когда он говорил, слышалась шепелявость, которая тоже исчезла и которая теперь кажется намеренной.

Он говорил нервно, нетерпеливо, отрывисто. Он сильно жестикулировал, и некоторые жесты напоминали его отца, о котором он постоянно говорил. Этим он отличался от большинства английских юношей, которые не любят вспоминать о выдающихся родителях.

Он копировал отца даже в привычках. Когда он стоял, то сжимал талию, закладывая руки за пальто сзади; когда сидел, то клал руки на подлокотники кресла и нервно сжимал и разжимал кулаки — это привычки, характерные для обоих.

У него была тогда обескураживающая манера задавать вопросы. Она обескураживала иногда потому, что вопросы были очень умные, а иногда потому, что они обличали его великое невежество.

Хотя ему было только двадцать пять лет, к тому времени этот юноша дважды обсуждался в Палате общин.

Это само по себе делало его заметным. Когда из четырёхсот миллионов подданных Великобритании, которые живут и умирают, не замеченные Палатой общин, вас замечают дважды, а вам ещё не исполнилось и двадцати пяти, кажется, что вас ожидает мрачное будущее.

Первый раз Черчилль побеспокоил высокое собрание, которое он скоро возглавит, когда «подшутил» над коллегой-субалтерном по имени Брюс и разрезал на куски его седло и снаряжение. Второй раз, когда сбежал на Кубу, чтобы воевать вместе с испанцами.

После этой кампании в первую ночь по прибытии в Лондон,

он произнёс свою первую речь. Он сделал это в месте не столь почтенном, как Палата общин, но везде в Великобритании и колониях про эту речь узнали и поддержали её. Это случилось в мюзик-холле «Эмпайр».

В то время миссис Ормистон Чант[81] выступала против присутствия в мюзик-холле девушек определённого типа и пыталась отобрать лицензию у мюзик-холла, если они не прекратят посещать фойе. В качестве компромисса руководство прекратило продажу алкоголя, и когда ночью Черчилль пришёл в мюзик-холл, то увидел, что бар забаррикадирован деревянными балками и полотняными занавесками. Мучимый тропической жаждой после Кубы, Черчилль попросил выпить, но ему отказали и объяснили, какой яростный крестовый поход начался в его отсутствие. Кто-нибудь другой не стал бы больше задавать вопросов и купил бы выпивку где-нибудь в другом месте. Но только не Черчилль. Его действия интересны потому, что очень характерны для него. Сейчас бы он так не поступил, тогда же ему был только двадцать один год.

Он взобрался на покрытую бархатом верхушку ограды, которая разделяла зрительный зал от фойе, и произнёс речь. Это было оправдание своих «сестёр, дам из мюзик-холла».

«Где англичанин в Лондоне всегда найдёт радушный приём? — спросил он у самих дам и у их сопровождающих, которые столпились внизу. — Куда он пойдёт в первую очередь, когда вернётся на родину, израненный в битвах или уставший после путешествия? Кто всегда встретит его здесь с улыбкой и выпьет вместе с ним? Кто всегда будет искренен с ним и верен ему? Дамы из мюзик-холла».

Смех и аплодисменты, слёзы самих дам, естественно, прервали его выступление, и люди в зрительном зале поднялись со своих мест.

Они увидели невысокого рыжего юношу в вечернем костюме, балансирующего на балке, и большую толпу вокруг него, хлопающую, кричащую и призывающую: «Продолжай!»

Черчилль с удовольствием повернулся к более обширной аудитории и с удовольствием повторил своё обращение. Здание затряслось от смеха и аплодисментов.

Швейцары и полицейские пытались снять его, однако добродушная, но очень решительная толпа хорошо одетых джентльменов и смеющихся девушек помешала им. Охваченный восторгом, Черчилль закончил речь призывом вести себя с женщинами честно и разрушить баррикады.

Разрушение было немедленно произведено, баррикады разломали, а перепуганное руководство приказало подать

выпивку своим победоносным клиентам.

Вскоре после этого выступления за свободу Черчилль организовал обед, который проиллюстрировал направление его мыслей в те годы и показал, какими ненормально высокими стали его амбиции. На обед были приглашены те его друзья и знакомые, которые были моложе двадцати одного года и которые через двадцать лет будут управлять судьбой Британской империи.

Я был приглашён присутствовать, хотя был на один год старше, но, видимо, Черчилль не рассматривал меня как одного из будущих правителей империи. Количество будущих строителей империи оказалось очень велико, они были очень счастливы, но, за исключением хозяина, никто не принял его идею всерьёз, и я бы не сказал, что этот вечер имеет исторический интерес. Интересно другое: из всех этих юношей до сих пор только хозяин сыграл видную роль в судьбе Великобритании. Хотя другие могут ответить, что из назначенных двадцати лет прошло только десять.

Когда Черчиллю было двадцать три, он получил увольнение из своего полка, и поскольку не было другого способа близко увидеть сражения, присоединился к Малакандской действующей армии в Индии.

Можно прямо сказать, что именно его приезд на это военное приграничье сделал его знаменитым. Его книга об этой кампании[82] — отличный военный репортаж. Штатские читатели получат от неё удовольствие, как от индийских рассказов Киплинга, а для писателей на военные темы она должна стать образцом. Но этому образцу могут следовать немногие, да и сам Черчилль уже не способен следовать по той причине, по какой человеку только раз в жизни бывает двадцать три года.

Живописные рукопашные схватки, ночные атаки, взятие крутых холмов, отступления с тяжёлыми потерями под непрерывным огнём, которым он был очевидцем и в которых сам принимал участие, — всё это он никогда больше не увидит таким свежим и восторженным взором. Тогда это было абсолютно новым, и очарование книги и ценность книги в том юношеском нетерпении, с каким он атакует зло, с которым более старшие примирились. В той юношеской бесхитростности, с какой он рассказывает о вещах, которые стали для опытного солдата неважными и которые он больше не способен увидеть из-за привычки.

В трёх более поздних военных книгах чудеса, ужас, восхищение храбрыми деяниями и рискованными мужчинами уступают место критическому взгляду военного эксперта — в «Войне на реке» и беглым впечатлениям журналиста — в двух

книгах о бурской войне. В последних книгах он рассказывает о битвах, которые он сам увидел, а в первой он заставляет вас увидеть битвы.

Во время службы в Малакандской действующей армии он получил памятную медаль с пряжкой за участие в кампании, а бригадный генерал Джеффрис в своей депеше хвалит «смелость и решительность лейтенанта Четвёртого гусарского полка У. Л. С. Черчилля, присоединившегося в качестве корреспондента "Пайонир"».

После операции в Малаканде Черчилль занял должность дежурного офицера у сэра Уильяма Локхарта[83] и прошёл с Тирахской экспедицией всю кампанию.

После этого на его индийской медали появилась вторая пряжка.

Это было в первой половине 1898 года. Несмотря на время, которое отбирали обязанности офицера и корреспондента, Черчилль закончил свою книгу о Малакандской экспедиции. Когда стало понятно, что Китченер собирается идти на Хартум, он примчался в Египет и, снова как военный корреспондент, принял участие в походе на этот город.

Таким образом, за один год он поучаствовал в трёх кампаниях.

В день битвы ему повезло. Китченер приписал его к Двадцать первому уланскому полку, а надо сказать, что главным событием битвы стала атака, произведённая именно этим полком. Это был не лёгкий галоп, не охота на кабанов. Это было трудное сражение с безумными последователями халифа, которые повисали на уздечках, перерезали лошадям сухожилия, размахивали саблями и стреляли в упор. Черчилль был в этой атаке. Он получил за неё медаль с пряжкой.

Затем он вернулся на родину и написал «Войну на реке». Эта книга — самое исчерпывающее описание кампании в верховьях Нила: от гибели Гордона[84] в Хартуме до захвата этого города Китченером. Она рассказывает историю о множестве доблестных схваток, об утомительных переходах, о множестве экспедиций в жаркую, бескрайнюю пустыню, о долгом, медленном походе к последней победе в Судане.

Книга произвела определённую сенсацию. Такую книгу мог бы написать генерал-лейтенант, который после многих лет службы в Египте поменял бы свой клинок на перо, чтобы написать историю всей своей жизни. Для второго лейтенанта, который провёл на Ниле не больше времени, чем нужно для получения пустынного загара, она была откровением. Как вклад в военную историю она была так ценна, что у автора возникло много

поклонников, но из-за критики вышестоящих офицеров стала причиной появления и многих врагов.

Вот один из примеров, взятый из этой книги, который довёл многих отставных армейских офицеров до апоплексии:

«Генерал Китченер никогда не жалеет себя, но ещё меньше заботится о других. Он относится к людям, как к машинам — от рядовых солдат, приветствиями которых он пренебрегает, до офицеров, которыми он строго руководит. Он сразу разрывает отношения с товарищем, который служил с ним и под его началом многие годы, был рядом в мире и на войне, как только тот перестаёт быть полезным. Раненый египтянин и даже раненый британский солдат не пробуждают в нём интереса».

Когда в клубах военнослужащих опытные офицеры задавали друг другу их любимый вопрос, куда катится армия, они указывали на то, что двадцатичетырёхлетний лейтенант выговаривает главнокомандующему, и к собственному удовольствию отвечали, что армия катится ко всем чертям.

Они писали в газеты сотни страстных, разъярённых писем на клубной бумаге под собственными подписями, а сами газеты, кроме обычных рецензий, печатали редакционные похвалы или осуждения.

Такое же отвращение выражали и более младшие офицеры. Они переименовали книгу Черчилля в «Советы субалтерна генералам», а самого автора называли «Охотником за медалями». Охотник за медалями — это офицер, который, узнав, что начинается война, оставляет своих подчинённых, и с помощью важных лиц присоединяется к экспедиционным силам, чтобы получить медаль за кампанию. Но Черчилль никогда не был охотником за медалями. Казарменная рутина угнетала его, и в других частях он служил стране намного лучше, чем в своей части, где только командовал неуклюжими солдатами и ходил в горные патрули. На самом деле, военное министерство могло бы завалить медалями человека, который написал «Историю Малакандской действующей армии» и «Войну на реке», и всё равно осталось бы перед ним в долгу.

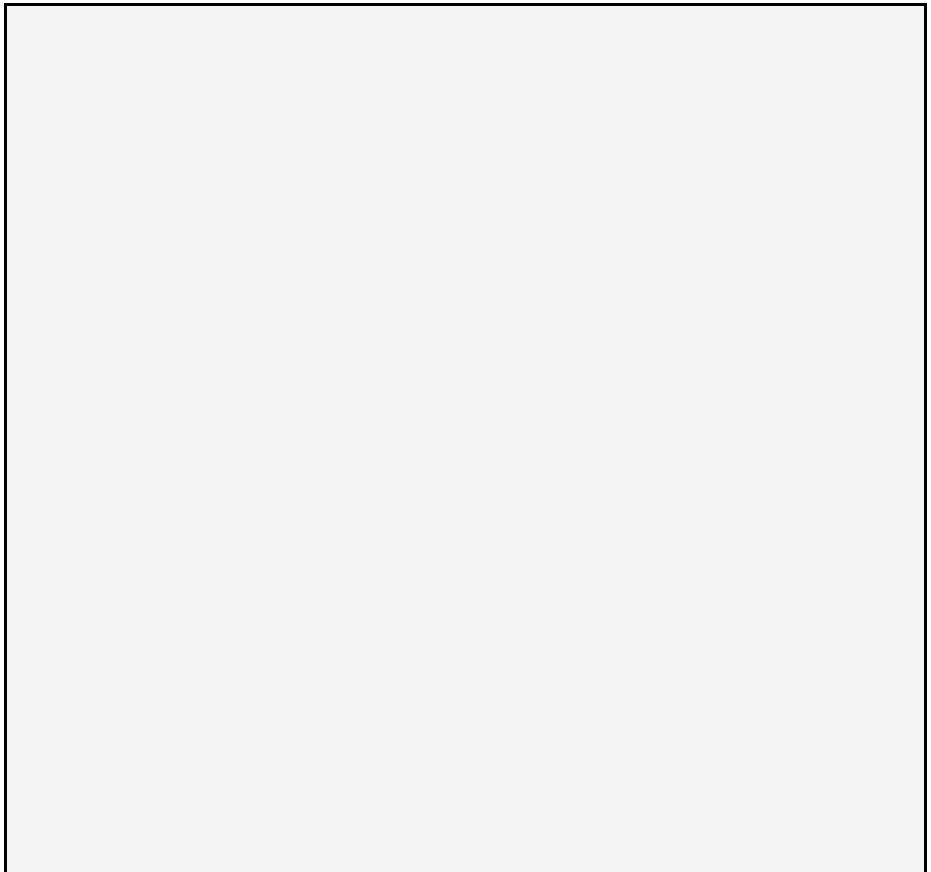
В октябре 1898 года, через месяц после битвы при Омдурмане Черчилль дебютировал как политический оратор на небольших собраниях в Дувре и Ротерхайте. Нельзя сказать, что эти первые речи вошли в историю. Зимой он закончил и опубликовал «Войну на реке», а следующим летом, в августе 1899 года, он принял участие в выборах в парламент от Олдхема.

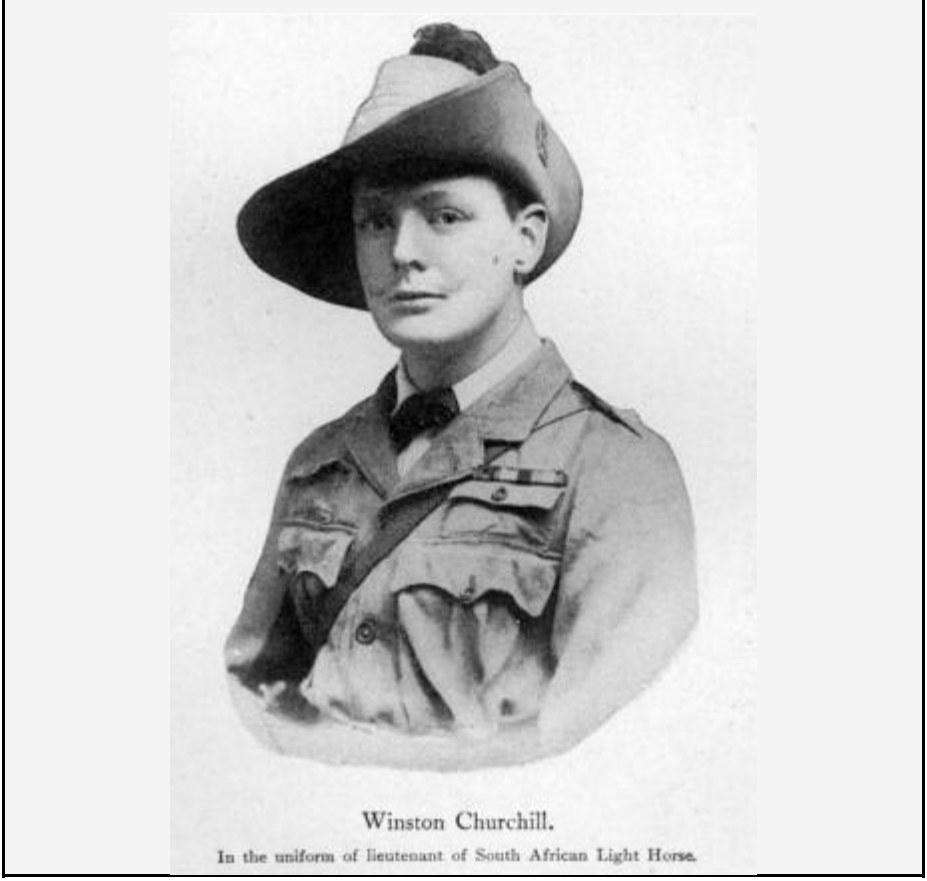
Его письма в «Дейли Телеграф» о трех компаниях в Индии и Египте сделали его имя известным, и у многих появилось желание услышать и увидеть его. Жители Олдхема ожидали, что

тот, кто нападал на Китченера Хартумского, будет дюжим, бородатым ветераном с командным голосом. Когда к ним привели невысокого, рыжего, шепелявого юношу, они не приняли его всерьёз. В Англии молодость не прощается. В последнее время Кёрзон[85], Черчилль, Эдуард Грей, Хью Сесил[86] сделали её менее предосудительной. Несмотря на сильную предвыборную кампанию, в которой активно участвовала и леди Рэндольф, Олдхем решил, что не готов дать молодому Черчиллю место в парламенте. Позднее он прославил Олдхем.

Через неделю после поражения он уплыл в Южную Африку, где надвигалась война с бурами. Он уволился из полка и поехал на юг как военный корреспондент «Морнинг Стар».

Позже, в ходе войны он получил должность лейтенанта в нерегулярном полку южноафриканской лёгкой кавалерии и служил при разных генералах как дежурный и адъютант. Против такого совмещения разных дел возражали и его собратья-офицеры, и его коллеги-журналисты. Но, как и в других кампаниях, он сыграл эту двойную роль, давление критиканов воспринимал как должное и не обращал на него внимания.





Winston Churchill.

In the uniform of lieutenant of South African Light Horse.

Уинстон Черчилль в форме лейтенанта южно-африканской лёгкой кавалерии

Война была объявлена 9 октября. А уже через месяц, бронепоезд Черчилля, на котором он ехал по железнодорожной линии между Питермарицбургом и Коленсо, был остановлен, и Черчилль попал в плен.

Поезд состоял из трёх платформ, двух бронированных вагонов, локомотива со скотообрасывателем[87] и тендером[88].

На всём протяжении пути буры не показывались, а как только англичане проехали станцию Фрер, буры выкатили на рельсы валун так, чтобы он был не виден за поворотом. На обратном пути, когда англичане приблизились к повороту, буры открыли артиллерийский огонь. Машинист, желая скорее уехать, завернул за поворот и, как ожидали буры, на полной скорости врезался в валун. Три передних вагона сошли с рельсов, а один встал на путях, мешая спастись локомотиву и двум задним вагонам. Из вагонов капитан Холдейн с отрядом дублинцев стреляли по врагу, а Черчилль занимался очисткой путей. Ему помогали отряд

добровольцев из Наталя и рабочие из ремонтной бригады, которые не сбежали из поезда.

«После железнодорожной катастрофы мы недолго оставались в относительной безопасности, — писал Черчилль в своей статье. — Бурские пушки, быстро сменив свою позицию, снова открыли огонь с расстояния в тысяча триста ярдов до того, как мы успели прийти в себя. Ружейный треск распространялся вдоль холмов, пока не окружил место крушения с трёх сторон, а с возвышенности на противоположной стороне линии вступила в дело третья полевая пушка».

Для бурских стрелков с маузерами и пушками потерпевший крушение поезд с расстояния в тысяча триста ярдов представлял такую же удобную мишень, как руки первого бейсмена для питчера[89], и пока локомотив пыхтел, а незащищённая кучка людей отдирала от вагонов массивные балки, пули и снаряды падали рядом с ними.

«За последние четыре года я видел много необычного, — продолжает молодой Черчилль, — но не было ничего увлекательнее этого. Ждать и бороться посреди этих лязгающих, трясущихся железных коробок, с непрерывными разрывами снарядов, свистящими в воздухе и ударяющимися в вагоны. С пыхтящим локомотивом — несчастная, терзаемая машина, в которую попало, по меньшей мере, дюжина снарядов, и каждый из них, попав в котёл, привёл бы к всеобщему концу. С предчувствием гибели, с осознанием своего бессилия… всё это в течение семидесяти минут, за четырьмя дюймами железа, с одной стороны которого опасность, плен, позор, а с другой свобода».

«Защищённый» поезд оказался смертельной ловушкой, и к тому времени, как пути были очищены, каждый четвёртый был убит или ранен. Уйти смог только локомотив с тяжелоранеными, размещёнными в будке машиниста и на скотообрасывателе. Один «Томми» из тех, что остался, без приказа поднял платок на винтовке, и буры тут же прекратили огонь и поскакали вперёд, чтобы принять капитуляцию. Все в панике бросились бежать. Увидев, что лейтенант Франклин пытается остановить своих людей, Черчилль, который был в безопасности в локомотиве, спрыгнул и побежал к нему на помощь. Вот его собственный рассказ о том, что было дальше:

«Едва локомотив скрылся, я оказался один в неглубокой канаве, и не было видно никого из наших солдат, которые уже сдались. Неожиданно на путях в конце канавы появились двое мужчин не в форме. «Путевые рабочие, — подумал я, а потом пришло понимание: — Буры». В моей памяти сохранилось изображение этих высоких, подвижных людей, одетых в тёмную

свободную одежду и широкополые фетровые шляпы, опирающихся на ружья в сотне ярдов от меня. Я повернулся и побежал по шпалам, а в голове была только одна мысль: «Бурская меткость».

Всего в футе от меня пролетели две пули, по одной с каждой стороны. Я кинулся к берегу канавы. Но он не давал укрытия. Я ещё раз оглянулся на буров; один встал на колено и прицеливался. Я снова рванулся вперёд. Ещё две пули просвистели в воздухе, но не задели меня. Я должен был убираться из канавы, из этого проклятого коридора. Я выполз на берег. Передо мной расстилалась бескрайняя земля, пуля задела мне руку, но возле канавы было крохотная впадина. Я скорчился в ней, пытаясь отдышаться. С другой стороны железной дороги появился всадник, окликнул меня и помахал рукой. Он был меньше, чем в сорока ярдах. Я бы мог легко застрелить его из винтовки. Я ничего не знал о белом флаге, а пули разъярили меня. Я протянул руку с своему маузеру. А ведь я оставил его в будке локомотива. Между мной и всадником была проволочная изгородь. Снова бежать? Но меня остановила мысль об ещё одном выстреле с такого близкого расстояния. Передо мной стояла смерть, мрачная и угрюмая, смерть без своего беспечного компаньона — шанса. Поэтому я поднял руки и, как лисы мистера Джоррокса[90] крикнул: «Сдаюсь». Затем меня с другими пленниками согнали в жалкую кучку, и тут я обратил внимание, что из моей руки идёт кровь. Начался дождь.

Два дня назад я написал домой одному офицеру: "В этой войне слишком многие сдавались в плен, и я надеюсь, что люди, которые так поступали, не будут поощряться"».

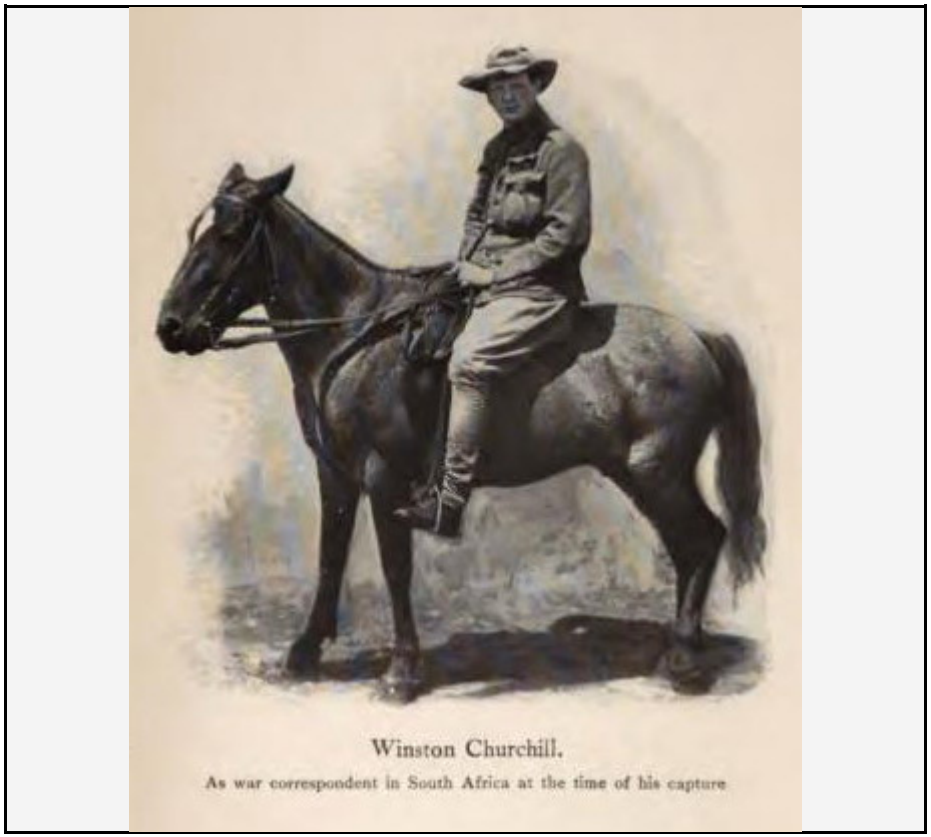
Черчилля вместе с другими офицерами поместили в Государственную образцовую школу, расположенную в самом центре Претории. Очень характерно, что в первый же день заключения он начал составлять план побега.

Для начала нужно было потерять свою шляпу, которая слишком очевидно выдавала в нём английского офицера. Бюргер, которому он дал денег для покупки новой, с простодушием принёс ему бурское сомбреро.

До того, как представился шанс бежать, прошёл месяц, и возможность, которая тогда появилась, была даже возможностью не бежать, а получить пулю.

Возле Государственной образцовой школы были спортплощадки, окружённые высокой стеной, и ночью они освещались яркими электрическими фонарями. После долгих ночей наблюдения Черчилль обнаружил, что, пока часовые обходили территорию, один кусок стены оставался в темноте. На

другой стороне стены стоял частный дом посреди сада, полного кустарника. За домом была улица.



Winston Churchill.

As war correspondent in South Africa at the time of his capture

Уинстон Черчилль — корреспондент в Южной Африки во время плена

Перелезть стену было несложно. Настоящая опасность заключалась в том, что не было достаточно времени убежать от часовых дальше, чем на пятнадцать ярдов, и существовала великолепная возможность быть застреленным одним из них. Черчилль поведал о своих намерениях другому офицеру, и вместе они решили, что однажды ночью, когда часовые повернутся спиной к тёмному пятну на стене, они перелезут через стену и спрячутся среди кустов в саду. А что они будут делать после того, как достигнут сада — если они достигнут его живыми — они не знали. Как они пройдут по улице и выберутся из города, как они пройдут неузнанными под множеством фонарей и витрин, как уклонятся от встречи с патрулями, как найдут дорогу к португальской территории и к побережью через двести восемьдесят миль дикой Южной Африки, через совершенно

незнакомую, недружественную малонаселенную землю, — всё это они оставили на волю случая. Но, надеясь на удачу, они думали пройти всё расстояние за две недели, просить еду у кафров, отсыпаться днём, а идти под покровом темноты.

Они хотели совершить попытку 11 декабря, но в ту ночь часовые не отходили от единственной части стены, которая была в тени. Следующей ночью компаньон Черчилля почему-то задержался, и Черчилль решился пойти на эту авантюру в одиночку. Он пишет:

«Вторник, 12 декабря. Всё что угодно будет лучше этой неизвестности. Снова наступила ночь. Снова прозвучал колокол на обед. Выжидая удобный случай, я прошёл через площадку и спрятался в одной из контор. В щель я наблюдал за часовыми. Полчаса они оставались бесстрастными и осторожными. Затем неожиданно один повернулся, подошёл к своему товарищу и они стали разговаривать. Они повернулись ко мне спиной.

Я выскочил из своего убежища, подбежал к стене, схватился руками за верх и подтянулся. Два раз я спускался в болезненных сомнениях, а на третий решил забраться наверх. Верх стены был плоским. Лёжа на ней, я бросил прощальный взгляд на часовых, которые до сих пор разговаривали, до сих пор стояли ко мне спиной, но, повторяю, они до сих пор находились всего лишь в пятнадцати ярдах. Затем я спустился в соседний сад и скорчился в кустах. Я был свободен. Первый шаг был сделан, и он был необратим».

Черчилль обнаружил, что дом, в сад которого он так бесцеремонно вторгся, ярко освещён и что у хозяина был званый ужин. Один раз двое гостей вышли в сад и встали на дорожке в нескольких ярдах от него, куря и болтая.

Думая, что его компаньон ещё может присоединиться к нему, Черчилль час прятался в кустах, пока не услышал из-за стены голос своего друга и ещё одного офицера.

«Всё кончено!» — прошептал его друг. Черчилль осторожно кашлянул. Два голоса приблизились. Чтобы запутать часовых, которые могли их услышать, один офицер сказал какую-то шутку, громко рассмеялся и процитировал фразу на латыни, а второй в это время тихо и отчётливо произнёс: «Я не могу уйти. Часовой что-то подозревает. Всё кончено. Ты можешь вернуться?»

Вернуться было невозможно. Черчилль чувствовал, что его всё равно поймают, и решил бежать, как он выразился, для своего удовольствия.

«Я пойду один», — прошептал он.

Он услышал, как его друзья удаляются по спортплощадке. В тот же миг он решительно зашагал по саду мимо открытого окна

и по гравийной дорожке вышел на улицу. В пяти ярдах от ворот стоял часовой. Большинство охранников в здании школы знали его в лицо, но Черчилль отвернулся, и нельзя было сказать, узнал его часовой или нет.

Первые сто футов он шагал как по льду и внутренне содрогался, ожидая резкого оклика и треска маузера. Сердце выскакивало из груди, спина взмокла от пота. Преследуемый страхом, он ускорил шаг и оказался на одной из главных улиц Претории. На тротуарах толпились бюргеры, но не один не обратил на него внимания. Возможно, это случилось потому, что буры не носили особой формы, а в их коммандос воевали многие англичане, которые были одеты в галифе цвета хаки, а также многие американцы, французы, немцы, русские, и каждый в своей одежде.

Видимо, Черчилль был принят за такого добровольца, и сама нескрытность его передвижений спасла его от подозрений.

Так он прошёл через весь город и достиг пригорода, открытого вельда и железной дороги. Поскольку у него не было ни карты, ни компаса, он понимал, что это его единственный проводник. Но он знал, что через Преторию проходят две железные дороги — одна, на которой его и схватили, шла в Питермарицбург, а другая вела к побережью и свободе. Он не имел представления, на какую из двух дорог он наткнулся, но, не желая упускать свой шанс, он в сотне ярдов от станции стал ждать отходящий поезд. Примерно в полночь остановился товарный поезд, и как только он отошёл от станции, но ещё не успел набрать скорость, Черчилль запрыгнул в него и растянулся на куче угля. Всю ночь поезд неуклонно двигался на восток, и Черчилль понял, что это был нужный поезд и что он на пути к нейтральной португальской территории.

Сразу после рассвета, когда поезд поднимался по крутому склону, Черчилль, опасаясь дня, спрыгнул в кусты. Он скрывался весь день, а следующей ночью пошёл вперёд. Он прошёл очень мало. Поскольку все станции и мосты охранялись, он должен был их обходить, а тропический лунный свет мешал ему идти по открытой местности. Таким образом, отсыпаясь днём, шагая ночью, выпрашивая еду у кафров, он провёл пять дней.

К тому времени его отсутствие было уже обнаружено, и буры сделали всё, чтобы его найти. По всем железным дорогам были отправлены телеграммы с его описанием, было распространено три тысячи его фотографий, был обыскан каждый вагон каждого поезда, а в разных частях Трансвааля попали под арест несколько похожих на него людей. Говорили, что он сбежал, переодевшись в женское платье или в форму трансваальского полицейского,

которого он подкупил. Говорили, что он вообще не покидал Претории, а, маскируясь под слугу, жил в доме у кого-то, кто сочувствовал британцам. На основании этого слуха были обысканы дома всех подозрительных людей.

В газете «Фолькштен» указывался любопытный факт: за неделю до побега Черчилль взял в библиотеке эссе Милля[91] «О свободе».

В Англии и в британской Южной Африке побег вызвал такой же большой интерес, как и в Претории. Из-за того, что Черчилль проявил смелость и сумел провести врага, он стал народным героем, и принёс своим соотечественникам столько же радости, сколько огорчения — бурам.

Но поскольку о нём уже много дней ничего не было слышно, восторги уступили место тревогам, стали говорить, что он потерялся в горах Мачадодорп, или погиб от голода, или от лихорадки в джунглях по пути к побережью.

Тревоги были оправданы, поскольку Черчилль в это время чувствовал себя очень плохо. За месяц в тюрьме он мало двигался. Нехватка еды и воды, холод по ночам и ужасная жара днём, долгая запинающаяся ходьба в темноте измучили его, а необходимость прятаться от людей почти довела его легковозбудимую нервную организацию до полного расстройства.

Даже если бы он достиг нейтральной португальской территории, то в таком изможднённом состоянии не рискнул бы переходить тамошние обширные болота. Ослабев и телом, и духом, он не видел другого способа выжить, кроме того, чтобы сдаться.

Но прежде, чем так поступить, он придумал легенду, с помощью которой, как бы невероятно это ни казалось, он надеялся и скрыть свою личность, и попасть на поезд, чтобы пересечь границу.

Однажды ночью после многих дней странствий он оказался на окраине небольшой деревни возле границы Трансвааля и португальской территории. Совершенно не имея сил продолжать путь, он подошёл к ближайшей крытой цинковыми пластинами хижине и, готовый сдаться, постучал в дверь. Дверь открыл бородатый гигант грубоватого вида — первый белый человек за многие дни, к которому Черчилль рискнул обратиться.

Черчилль слабо пробормотал те слова, которые придумал заранее. Мужчина недоверчиво выслушал его. Он уставился на Черчилля с нескрываемым подозрением. Неожиданно он схватил молодого человека за плечо, ввёл в дом и запер дверь на засов.

«Не нужно мне врать, — сказал он. — Вы Уинстон Черчилль, а я единственный англичанин в этой деревне».

Остаток приключения был относительно лёгким. Следующим вечером друг Черчилля, инженер по имени Говард, скрыто провёл его в товарный поезд и скрыл под мешками с какими-то товарами.

В Коматипоорте, станции на границе, поезд восемнадцать часов простоял на солнцепёке на запасных путях. Прежде, чем снова тронуться, он был обыскан, но человек, который производил поиск, поднял только верхние мешки, и через несколько минут Черчилль услышал грохот поезда, проезжающего по мосту, и понял, что он пересёк границу.

Даже тогда он ничего не предпринял, и ещё два дня прятался на полу вагона.

Когда он наконец появился в Лоуренсу-Маркеше, он сразу нашёл английского консула, который сначала принял его за кочегара одного из тех кораблей, что стояли в порту, а потом предоставил ему выпивку, ванну и обед.

Черчиллю повезло — как раз этим вечером в Дурбан уходил пароход «Индуна». С помощью англичан с револьверами, которые помешали бурским агентам снова захватить его, он благополучно взошёл на борт. Два дня спустя он появился в Дурбане, и его встречал мэр, толпа народа и духовой оркестр, игравший: «Никогда, никогда, никогда британцы не будут рабами!»[92]

Весь месяц Черчилля бомбардировали письмами и телеграммами, со всех концов света, один приглашал его возглавить флибустьерскую экспедицию, другой отправил ему шерстяные одеяла, третий прислал фотографии Черчилля, чтобы Черчилль поставил автограф, третий — фотографии самого себя, чтобы Черчилль полюбовался ими, четвёртый прислал стихи, пятый — бутылки виски.

Один поклонник писал: «Я преклоняюсь перед вашими чудесными, прославленными деяниями, которые вызовут такую бурю гордости и энтузиазма в Великобритании и Соединённых Штатах Америки, что англосаксонская раса станет непобедимой».

Чтобы предложение сделать англосаксонскую расу непобедимой не вскружило голову субалтерна, ему отравили из Лондона такую телеграмму:

«Лучшие друзья здесь надеются, что вы больше не будете выставлять себя таким ослом.

Макнейл».

Winston Churchill.

Landing from the steamer "Induna" at Durban after his escape from the Boer prison. He is acknowledging the cheers of the reception committee.

Уинстон Черчилль после побега из бурского плена сходит в Дурбане с парохода «Индуна», приветствуемый комитетом по встрече

Однажды в лагере мы посчитали цену за слово в этой телеграмме, и Черчилль обрадовался, узнав, что человек, который её отправил, заплатил пять фунтов.

В первый же день прибытия в Дурбан, когда ещё не затихли приветственные крики, Черчилль сел на поезд и отправился на фронт. Другой мог бы задержаться. После месяца плена и лишений побега, он мог бы остаться хотя бы на двадцать четыре часа, чтобы попробовать, каковы на вкус популярность и еда в отеле «Куин». Но тот, кто внимательно читает эту краткую биографию, понимает, что Черчилль был не из таких. Черчилль никогда не останавливается, и эта черта принесла ему успех. У него нет времени на задержки, он не хочет почивать на своих лаврах.

В качестве военного корреспондента он был с Буллером[93] до снятия блокады с Ледисмита и с Робертсом[94] до падения Претории. Он принимал участие во всех крупных операциях и уехал с войны с медалями за шесть битв.

Вернувшись в Лондон, он потратил лето, чтобы закончить вторую книгу о войне, а в октябре в том же Олдхеме снова принял участие в выборах как кандидат от «хаки» — так называли тех,

кто выступал за войну. На этот раз ему помогла военная слава, и он вырвал у либералов одно из двух мест от Олдхема. В первый раз ему не хватило тысячи трёхсот голосов для победы, сейчас он был избран большинством в двести двадцать семь голосов.

Несколько месяцев между выборами и открытием парламента Черчилль потратил на лекционное турне по Англии, США и Канаде. Темой лекций были война и его побег из Претории.

В нашей стране многие люди сочувствовали бурам и не желали слышать британскую версию событий. Его менеджер, который организовал для него выступления в разных городах, использовал для рекламы имена знаменитых людей и, не спрашивая у них разрешения, включил их в организационные комитеты.

Некоторые из них написали возмущённые письма в газеты, говоря, что хотя они уважают самого Черчилля, они возражают против использования их имён для рекламы антибурских выступлений.

Хотя здесь не было вины Черчилля, который ничего не знал об этом, пока не приехал в эту страну, это не стало хорошей рекламой ни для него, ни для его турне.

Я был с Черчиллем в войсках генерала Буллера во время боёв у Ледисмита. Потом, когда я присоединился к бурской армии, то в битве у реки Занд армия, в которой он был корреспондентом, пятьдесят миль преследовала армию, в которой я был корреспондентом. Я был одним из тех, кто отказался вступать в комитет по встрече Черчилля в Дурбане, и он приехал в эту страну с поручением от двадцати офицеров пристрелить меня на месте. Но на своей лекции он использовал фотографии, которые я сделал на месте его побега и которые отправил ему из Претории как сувенир, а я ждал его в отеле, чтобы приветствовать его приезд. И в тот вечер мы засиделись до трёх ночи, и когда он уходил в метель, то с трудом передвигался от еды и выпивки. Разве может такая ерунда, как война, помешать дружбе?

В этом турне, кроме отелей, вагон-салонов и лекториев, он почти не видел ни страны, ни её жителей, а жители почти не видели его. За путешествие, которое длилось примерно два месяца, он заработал десять тысяч долларов. Для молодого человека, почти полностью зависящего от журналистской работы и от продажи книг, лекции принесли неплохой доход. По возвращении в Лондон он занял место в новом составе парламента.

По случайному совпадению он попал в парламент в том же возрасте, что и его отец. Он оказался одним из трёх самых молодых — один его коллега был на шесть дней младше —

членов новой Палаты общин.

Этот факт, кажется, не смущал его. В Палате общин есть традиция, что молодые и амбициозные члены сидят внизу зала заседаний, а более скромные и менее уверенные в себе занимают места наверху, самой дальней точке от руководителей.

Было интересно посмотреть, какое место выберет Черчилль в день приведения к присяге. Сам он, очевидно, не сомневался. После того, как он присягнул, поставил подпись и пожал руку спикеру, он без колебаний сел на скамью рядом с министром. Газеты описывают, что десять минут спустя он уже заломил шляпу, засунул руки в карманы брюк и развалился на скамье, с неодобрением поглядывая на опытных членов Палаты.

Его первая речь была произнесена в мае 1901 года в ответ на слова Дэвида Ллойда Джорджа[95], который нападал на поведение британских солдат в Южной Африке. Черчилль защищал их так, что заслужил всеобщее восхищение. В ходе дебатов он зачитал очень уместное письмо, которое пятнадцать лет назад было написано его отцом лорду Солсбери[96] Редактор «Дейли Ньюс» Г. У. Мэссингхем[97] преисполнился восторга от того, как ловко Черчилль использовал это письмо. Он заявлял, что в парламенте не было более умной тактики с тех пор, как умер мистер Гладстон[98]. Он утверждал, что Черчилль будет премьером. Лидер националистов Джон Диллон[99] сказал, что ещё не видел молодого человека, который после первого же усилия попал в разряд первых парламентских ораторов. Он уверял, что ирландские члены парламента не сомневаются в способностях и чистоте намерений Черчилля. Среди тех, кто заметил восходящую звезду, был и Т. П. О'Коннор[100], который сам долгие годы был одной из ярчайших звёзд на парламентском небосклоне. Он писал в газете «Эм-Эй-Пи»: «Я склонен думать, что доля американской крови, которую он получил от матери, пошла ему на пользу, и он способен стать более сильным и успешным политиком, чем его отец».

То, что в начале парламентской работы Черчилля темой дебатов стало поведение на войне, тоже было частью его везения.

В те первые дни в Палате общин он, не колеблясь, ринулся в дебаты на скользкую тему, только потому, что это была тема, в которой он разбирался. По сравнению с более старшими членами Палаты, которые были вынуждены опираться на слухи или на газетные сообщения, Черчилль имел преимущество возразить: «Вы только читали об этом. Я был там. Я всё видел сам».

В Палате он сразу стал одним из самых заметных и живописных персонажей, одним из любимчиков карикатуристов и одним из тех чужаков, которые всегда обращают на себя

внимание. Его называли «избалованный ребёнок Палаты», и было несколько выдающихся джентльменов, которые сожалели, что отменены телесные наказания. Среди них был военный министр Бродрик[101]. О нём и его новобранцах в Южной Африке Черчилль говорил с ужасной откровенностью анфан-терибля. Но если к ним он испытывал, скорее, сочувствие, чем гнев, то Бальфуру[102] и Чемберлену[103] он ежедневно давал советы, а простым генералам и фельдмаршалам, вроде Китченера и Робертса, он устраивал публичные выволочки и кратко, но сурово отчитывал. Даже если он видел, что ошибается сам лорд Солсбери, то он считал своим долгом вмешаться и мягко проинструктировать премьер-министра, как следует вести дела.

Это не прибавляло ему популярности, но, несмотря на непопулярность, он так убедительно говорил о расточительности государства, что заставил правительство против его воли создать комитет по исследованию нужд экономики. Для новичка это был настоящий триумф.

Вместе с лордом Хью Сесилом, лордом Перси[104], Йеном Малколмом[105] и другими умными молодыми людьми он входил в небольшую группу внутри Консервативной партии, которая по своим независимым, обструкционистским[106] методам напоминала «Четвёртую партию»[107] его отца. Из-за флибустьерской, партизанской тактики её лидеров называли «хьюлиганами». Хьюлиганы были самыми активными критиками правительства и своей собственной партии. Как члены Лиги свободного продовольствия[108] они резко нападали на налоговые предложения мистера Чемберлена. Когда Бальфур боролся против Чемберлена за свободную торговлю, то есть за то, что должны защищать консерваторы, критерии партийности начали разрушаться, и больше не было консерваторов или либералов, а были протекционисты[109] и фритредеры[110].

Черчилль ежедневно протестовал против Чемберлена, против его планов, против того, чтобы эти планы были приняты партией тори. По традиции, по наследству, по инстинкту Черчилль был тори.

«Я тори, — сказал он, — и у меня больше прав в этой партии, чем у кого бы то ни было, и тем более чем у некоего человека из Бирмингема[111]. Нас нельзя вышвырнуть, и мы, тори — сторонники свободной торговли, имеем больше прав диктовать политику Консервативной партии, чем реакционные сторонники справедливой торговли[112]». К 1904 году Консервативная партия уже поняла, что Черчиллем невозможно управлять. Сразу после пасхальных каникул, когда он встал к трибуне, коллеги-однопартийцы провели против него примечательную

демонстрацию, поднявшись и покинув Палату.

Оставшимся либералам он сообщил, что если его точка зрения противна его избирателям, то он готов сложить полномочия. Уже тогда было очевидно, что он перейдёт в Либеральную партию. Некоторые считали, что он предвидел, какая будет приливная волна, и вместо того, чтобы оставаться на берегу и зарываться в песок, он предпочёл оседлать эту волну. Другие думали, что он оставил консерваторов из-за того, что не смог переварить налоги на продовольственные товары, предложенные мистером Чемберленом.

Так или иначе, если он и был виновен в смене одной партии на другую, то в этом он следовал примеру таких выдающихся людей, как Гладстон, Дизраэли[113], Харкорт[114] и его отец.

За этот переход его называли «самым ненавидимым человеком в Англии», но либералы радостно приняли его, и Национальный либеральный клуб в качестве поощрения дал банкет в его честь, что бывало не часто. На банкете присутствовало двести членов клуба. Банкет доказал очевидную важность Черчилля в политической жизни. Он произошёл через год после того, как Черчилль предсказал: «Через девять месяцев по Англии и Шотландии пройдёт волна, которая смоет всё и произведёт столь необходимую уборку на Даунинг-стрит[115]».

Когда волна прошла, то мистер Бальфур проиграл выборы Черчиллю в Манчестере, а когда было сформировано новое правительство, то волна вынесла Черчилля на место заместителя министра по делам колоний.

Winston Leonard Spencer Churchill.
British Under-Secretary for the Colonies.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль — заместитель министра по делам колоний

В то время, как пишутся эти строки, газеты сообщают, что в течение месяца он получит повышение. Для молодого человека около тридцати единственное возможное повышение — это место в кабинете министров, в котором молодыми считаются почтенные особы около пятидесяти.

Карьера Черчилля очень яркая. Может быть, это самая яркая карьера из всех, которые мы видели за последние несколько лет. И то, что он наполовину американец, даёт нам возможность считать, что это и наш успех.

IV. Капитан Фило Нортон Макгиффин

Битва при Ялу[116] во время Японо-китайской войны стала первой битвой между военными кораблями современного типа. И никто, ни те, кто делали их, ни те, кто сражались на них, не знали всех возможностей таких кораблей. Потом многие флоты построили эти новые машины войны, и битвами, в которых они проверялись, интересовался весь мир. Но эта битва имела для американцев особый интерес, человеческий, семейный интерес, поскольку одной китайской эскадрой, которая противостояла таким же кораблям, что позднее выметут Россию из моря, командовал молодой выпускник американской военно-морской академии[117]. Этим молодым человеком, которому во время битвы при Ялу, было тридцать три года, был капитан Фило Нортон Макгиффин[118]. Так случилось, что пять лет спустя наш флот одержал победу в Манильской бухте[119] под началом другого выпускника Аннаполиса, но Макгиффин, который был на двадцать лет младше, чем адмирал Дьюи[120] в 1898 году, командовал кораблём, намного превосходившим «Олимпию» Дьюи по тоннажу, вооружению и численности экипажа.

Макгиффин, который родился 13 декабря 1860 года, — потомственный воин. Его семья в Шотландии происходит из клана Макгрегоров и клана Макальпинов.

«У клана Макальпинов есть настоящие воины,
А я, саксонцы, Родрик Ду»[121]

Прадед Макгиффина родился в Шотландии, эмигрировал в нашу страну и поселился в «Маленьком Вашингтоне» возле Питтсбурга в Пенсильвании. Он был солдатом во время Войны за независимость. Другие родственники принимали участие в Англо-американской войне 1812 года, один из них дослужился до майора. Отец Макгиффина был полковником в Американо-мексиканскую войну, и подполковником Восемьдесят пятого пенсильванского добровольческого полка в Гражданскую войну. Вот так Макгиффин унаследовал любовь к оружию.

В Вашингтоне он окончил школу и проучился один год в Колледже Вашингтона и Джефферсона. Но жизнь в тихом, прелестном городе Вашингтона не прельщала его. Чтобы повидать мир, он написал своему конгрессмену и попросил его помочь с поступлением в Аннаполис. Конгрессмену понравилось письмо, и он написал полковнику Макгиффину, спросив, одобряет ли тот желание сына. Полковник Макгиффин не

возражал, и в 1877 году его сын стал курсантом академии. Я знал Макгиффина ещё мальчиком, когда мы вместе охотились на енотов в окрестностях Вашингтона. Для своего возраста он был очень высоким, и в своей курсантской форме казался мне, ребёнку, самым умным и невероятно смелым.

Его личное дело в Аннаполисе ничем не отличается от других. Но как говорят его однокашники, с которыми я встречался, он был очень популярен, он хорошо учился по практическим предметам, таким как морское дело, артиллерийское дело, навигация и пароходная механика, и всегда был одним из лидеров в рискованных и бесшабашных выходках. Соблюдать дисциплину было для него чрезвычайно утомительно. Он мог поддерживать её у других, но сам от такой необходимости впадал в скуку. В Академии стояла пирамида из пушечных ядер — реликвия войны 1812 года. Она стояла возле лестницы, и однажды ночью, когда Макгиффин не мог уснуть, он решил сделать то, чего никто ещё не делал, — скатить их вниз. Ядра сорвали перила, проломили ступени и упали на нижний этаж. Если бы кто-то в этот момент поднимался по лестнице, он мог бы пострадать от такой бомбардировки. Подошедший сзади офицер поймал Макгиффина и отправил его на тюремный корабль «Санти». Там он подружился со своим тюремщиком, старым моряком по имени Майк. Многие офицеры, которые служили на «Санти», хорошо помнят Майка. Макгиффин так расположил к себе Майка, что когда покидал корабль, Майк дал ему шесть пороховых шашек. Этими шашками Макгиффин зарядил шесть больших пушек, захваченных в Мексиканской войне и стоявших на газоне возле Академии, и устроил салют накануне 1 июля. Салют поднял на ноги весь гарнизон, а потом целую неделю стекольщики вставляли стёкла в окна.

В 1878–1879 годах в Ирландии разразился голод. Жители Нью-Йорка собрали еду для голодающих, а для перевозки её Ирландию правительство назначило старый корабль «Констелейшн». Курсанты должны были поставить себя на место капитана «Констелейшна» и написать рапорт о подготовке к плаванию, погрузке судна и размещении припасов. Это было упражнение для тренировки курсантов: во-первых, в морском деле, во-вторых, в написании официальных рапортов. В то время было очень сложно вытащить пушку из орудийного порта судна, если пушка стояла на крытой палубе. В первой части рапорта Макгиффин предлагал новый метод снятия пушки с лафета и выгрузки её через порт. Этот план был настолько замечателен, настолько прост и остроумен, что он используется всякий раз, когда нужно снять пушку со старого парусного корабля. Но

сделав такое хорошее предложение в начале работы, Макгиффин завершил её рассказом о том, как погрузить припасы по отсекам, а среди припасов оказалась очень популярная в то время игра «пятнашки». Рапорт завершался описанием той радости, которую голодные ирландцы получат от этой игры. В другой раз курсанты писали рапорт о подавлении восстания в Панаме. Макгиффин заслужил большую похвалу за военные распоряжения и размещение своих подчинённых. Но в том же рапорте он предложил использовать новое оружие, известное как «Риторика» Бейнса[122], и рассказал о том опустошении, которое он произведёт в рядах врага, когда будет стрелять из этого оружия, заряженного сравнениями, метафорами и гиперболами.

Конечно, после каждой выходки такого рода его отправляли на «Санти» поразмышлять над своим поведением.

Как-то раз один из инструкторов прочитал лекцию, а потом попросил, чтобы курсанты написали всё, что они запомнили из его лекции. В этом изложении нельзя было ничего зачёркивать или вставлять между строк, а если кто-то делал ошибки в словах, он должен был заключить эти слова в скобки, причём написанное в скобках не считалось частью изложения. Макгиффин написал превосходный конспект, но пересыпал его поставленными в скобках словами «аплодисменты», «смех», «свист», «гул». Поскольку слова в скобках не засчитывались, это было отличным предлогом, что его нельзя наказывать за ошибочно написанные слова, которые он по всем правилам уничтожил с помощью, как он их назвал, знаков забвения.

Он не только проказничал. Однажды, когда загорелся дом преподавателя, Макгиффин побежал прямо в огонь и вынес двоих детей, за что получил поощрение от военно-морского министра.

Своей карьере солдата удачи Макгиффин обязан акту Конгресса. Это был очень несправедливый акт, по которому назначение получали столько выпускников, сколько было действительных вакансий. В ту эпоху, в 1884 году наш флот был очень маленький. Сегодня вряд ли есть корабль, который полностью укомплектован офицерами, и сложность заключается не в том, чтобы избавиться от выпускников-офицеров, а в том, чтобы как-то заполучить новых. Акт был просто нечестен по отношению ко многим юношам, которые четыре года учились в Академии и два года служили в море. Из курса примерно в девяноста человек только первые двенадцать получили назначения, а оставшиеся восемьдесят были уволены и оказались в неопределённом состоянии гражданских лиц. Каждому, как подачку, вручили тысячу долларов.

Макгиффин не был в избранной дюжине. После последнего

экзамена он был близок к концу списка. Но даже будучи последним в списке, он всё-таки кое-чему выучился в Аннаполисе. К тысяче долларов он за шесть лет получил образование лучшей военно-морской академии мира. Его образование было его единственной ценностью, и если в своей стране он не мог его выгодно продать, он стал искать покупателей за рубежом.

Captain McGiffin on Graduation from the Naval Academy at twenty-three.

Капитан Макгиффин в день окончания Военно-морской академии, в возрасте двадцати трёх лет

В то время в Тонкине[123] разразилась война между Францией и Китаем, и он решил, пока она не кончилась, предложить свои услуги последователям Жёлтого Дракона. В ту эпоху это было

намного более рискованное дело, чем сейчас. Сегодня Восток так же близок, как Сан-Франциско. Русско-японская война, наша оккупация Филиппин, действия наших отрядов в подавлении боксёрского восстания[124] сделали китайские дела частью ежедневного чтения. Сейчас вы можете лечь в кровать на Сорок четвёртой улице, через четыре дня лечь в другую кровать на тихоокеанском побережье и ещё через двенадцать дней катиться на рикше по йокогамской дамбе. Люди ездят в Японию на зимние каникулы так же спокойно, как в Каир.

Но в 1885 году это было нелёгкое предприятие, тем более для молодого человека, который вырос в тихой атмосфере далёкого от моря города, где поколения его семьи и других семей жили, не выезжая за пределы своей местности.

В феврале 1885 года Макгиффин появился в Сан-Франциско, имея в кармане несколько долларов из тысячи. Письма к его семье показывают нам здорового, добродушного молодого человека, который волнуется только о том, чтобы его мать и сестра не беспокоились за него. В нашей стране почти каждой семье известна эта домашняя трагедия, когда сын и наследник порывает с домом и начинает зарабатывать. И если влюблённого любит весь мир, то юноше, который ищет работу, он, по крайней мере, сочувствует. Юноша, который ищет работу, может считать иначе, но все, кто пересекаются с ним, если даже ничего для него не делают, хотя бы желают удачи. Письма Макгиффина этого периода у тех, кто имел честь их прочитать, пробуждают к нему самые тёплые чувства.

Они наполнены тем же весёлым оптимизмом, тем же затушёвыванием проблем, теми же домашними шутками, той же наглой уверенностью в том, что всё будет хорошо, как и все остальные письма, которые юноша, уходящий в мир, отправляет своей матери.

«Я чувствую себя просто отлично, так что не волнуйся за меня. Я уже достаточно большой, чтобы как-то перебиться, и голодать я не буду».

Он с гордостью отправляет матери своё имя, написанное китайскими иероглифами, как только обучается им у китайского генерального консула в Сан-Франциско, и прибавляет рисунок двух слонов. «Я хочу привезти тебе двух таких же», — пишет он, не зная, что в странной и чудесной стране, в которую он отправляется, слоны так же редки, как в Питтсбурге.

Он достиг Китая в апреле, и на пути из Нагасаки в Шанхай за пароходом, на котором он плыл, погнались две французские канонерки. Но, очевидно к его величайшему разочарованию, пароход скоро от них оторвался. Хотя он тогда этого не знал, но

это была первая и последняя встреча с врагом, с которым он приехал сражаться. В воздухе уже витал мир.

О том, как, несмотря на мир, он получил желаемую работу, он рассказывает в письме домой:

«Тяньцзинь, Китай, 13 апреля 1885 года.

Милая мама! У меня не было настроения писать, поскольку я не знал, что должно случиться. Я потратил кучу денег на проезд, а когда добрался сюда, то мне казалось, что, если что-нибудь не изменится, то я пропал. Мы прибыли в крепости Дагу в воскресенье вечером, а следующим утром отправились дальше. Канал очень узкий и весь усеян минами. Мы ударились об одну — электрическую, — но она не взорвалась. Мы подошли к Тяньцзиню в 10:30 вечера, до него тридцать миль по прямой, но почти семьдесят по реке, ширина которой всего сто футов, и мы десять раз садились на мель.

И вот, мы наконец пришвартовались и сошли на берег. Инженер Брейс Гёрдл и я пошли в отель, и первое, что мы услышали: объявлен мир! Я вернулся на борт корабля и долго не мог уснуть — никогда мне не было так плохо. Я знал, что если они мне откажут, я тут же сыграю в ящик, потому что никак не смогу уехать из Китая. Я всю ночь промучился без сна, и утром чувствовал себя избитым. Наверное, я потерял фунтов десять. В десять утра я пошёл к американскому вице-консулу и переводчику Петику, чтобы он передал письмо для Ли Хунчжана[125]. Он сказал, что сможет их передать. Потом я вернулся на корабль, и когда капитан отправился к Ли Хунчжану, я в отчаянии пошёл с ним. Мы вошли во дворец наместника, нас провели по коридору к великому Ли, усадили, дали чай и табак, и начался разговор через переводчика. Когда дошла очередь до меня, Ли спросил: «Зачем вы приехали в Китай?» Я сказал: «Чтобы поступить на китайскую службу и воевать». «Каким образом вы думали поступать на службу?» «Я думал, что вы дадите мне назначение!» «У меня нет для вас места». «Мне кажется, есть. Ради этого я проделал весь путь из Америки». «Чего бы вы хотели?» «Я хотел бы, чтобы вы дали мне новый торпедоносец и послали на Янцзы в блокадную эскадру». «Вы это выполните?» «Конечно».

Он немного подумал и сказал: «Посмотрю, что можно сделать. Вы согласны на 100 долларов в месяц для начала?» Я сказал: «Может быть». (Конечно, я был согласен.) И вот, после переговоров он назначил меня на флагманский корабль и обещал, что повысит, если я буду хорошо выполнять работу. Потом он посмотрел на меня и спросил: «Сколько вам лет?» Когда я сказал, что мне двадцать четыре, он чуть не упал в обморок, ведь в Китае

мужчина до тридцати — это ещё мальчик. Он сказал, что я ещё ребёнок. Я не смог его убедить, но, в конце концов, он пошёл на компромисс: я должен пройти экзамены по всем предметам в военно-морской академии, а потом получу представление. На том мы и разошлись. Я явился для экзамена на следующий день, но экзамен отложили. Но сегодня мне сказали придти, я сел за стопку бумаг и выдержал довольно суровый экзамен. Я только что оттуда. Я сдал экзамены по морскому делу, артиллерийскому делу, навигации, мореходной астрономии, алгебре, геометрии, тригонометрии, коническим сечениям, построению кривых, дифференциальным и интегральным уравнениям. Я должен был отвечать на три вопроса из пяти по каждому предмету, но по первым трём предметам я ответил на все пять вопросов. После этого экзаменатор сказал, что мне не нужно продолжать, он полностью удовлетворён. Я всё сдал на отлично, и он завтра доложит наместнику. Он проверил мои документы и сказал, что они превосходны, так что мои дела пойдут на лад, не нужно волноваться. Я рассказал консулу, и он был очень рад — он замечательный человек.

Сейчас я чувствую себя прекрасно — после обеда и с хорошей манильской черутой[126]. Я писал почти весь день, исписал пятнадцать листов бумаги, сделал примерно дюжину рисунков и очень устал.

Я кое-как добился этой работы, буквально вырвал её зубами. Думаю, сейчас я пойду спать — сегодня буду спать хорошо.

Я не получал известий от военно-морского министра, поэтому вчера утром пошёл в адмиралтейство и послал ему свою визитку. Он хорошо принял меня — сказал, что я «великолепно сдал экзамены»; что он рекомендовал меня наместнику, который был очень рад; что директор военно-морского колледжа приглашает меня, но согласен ли я пойти к нему сейчас же? Конечно, я был согласен. Колледж примерно в пяти милях. Мы с одним человеком, который тут лучший всадник, устроили скачки с препятствиями на пони — мы переправились через Хайхэ на небольшом пароме, а потом долго скакали. Здесь есть дорога — но Притчард настаивал на взятии всех канав. Когда мой пони прыгал, как кошка, мне сначала было не очень приятно, но я не жаловался и держался в седле и, в конце концов, стал получать удовольствие. Наверное, я куплю себе лошадь. Вместе с содержанием она стоит 7 долларов в месяц, это 5,6 долларов в наших деньгах, а пони и слугу легко найти.

И вот мы прибыли в Арсенал — укреплённое место, где производятся все виды оружия — патроны, ядра и снаряды и всё остальное. Военно-морской колледж находится внутри, он

окружён рвом и стеной. Я подумал, что они не удержат курсанта, если он захочет провернуть здесь такие штуки, как я в Академии. Я проехал несколько ярдов, пока меня не ввели в комнату, отделанную чёрным деревом, в которой директор очень тепло приветствовал меня. Он сидел на помосте — это такой китайский стиль. Довольно скоро пришёл переводчик, один из китайских преподавателей, который очень хорошо образован, и мы стали разговаривать и пить чай. Он сказал, что имеет полномочия от наместника взять меня на место преподавателя морского дела и артиллерийского дела. Он добавил, что если понадобится, я могу преподавать навигацию и мореходную астрономию или учить курсантов строевой подготовке, стрельбе и фехтованию. Я буду получать ежегодно 1800 долларов в наших деньгах золотом. Кроме того, мне дадут меблированный дом и, если я покажу некоторые знания, значительно увеличат мою оплату. Они просили наместника дать мне 130 лянов (примерно 186 долларов), но наместник сказал, что я всего лишь мальчик, что я ничего не видел в своей жизни, что я приехал сюда только неделю назад без всяких рекомендаций и вообще могу быть мошенником. Но он всё-таки рискнёт дать мне 100 лянов, а если в колледже меня будут хвалить, я смогу получать больше — это условие действует в течение трёх лет. Несколько месяцев я должен командовать учебным кораблём — броненосцем. Он сейчас стоит в сухом доке, пока не приехал капитан английского флота, назначенный им командовать.

Так что теперь я двадцатичетырёхлетний капитан военного корабля — лучше любого, на который я мог бы рассчитывать на нашем флоте. Конечно, он дан мне на время, но дома я бы ещё очень долго не смог командовать таким кораблём. В течение недели я приступлю к своим обязанностям, и так же быстро приведут в порядок мой дом. Я видел его — у него длинная, очень широкая веранда, рядом роскошный сад, абрикосовые деревья и т. д., которые только что зацвели, большой холл, передняя комната 18x15, 13-тиметровый потолок. Задняя комната ещё больше, с куполообразной стеклянной крышей, там я собираюсь поставить полку с цветами. Правительство предоставило дом с кроватью, столами, стульями, сервантами, креслами и кухонной плитой. В комнате есть камин, но он мне не нужен. Зимой тут есть снег и лёд, но термометр никогда не показывает температуру ниже нуля. Мне дают посуду. Мне дают двух слуг и повара. Для начала я ограничусь только одним слугой и поваром — их плата от 4 до 5,50 долларов в месяц, и это очень мало. Я неплохо устроился, как ты считаешь? Я прошу тебя упаковать в ящики и прислать мне мои книги по

артиллерийскому делу, топографии, морскому делу, математике, астрономии, алгебре, геометрии, тригонометрии, коническим сечениям, исчислению, механике и вообще все мои книги, а заодно прислать любые фотографии и т. д., потому что у меня нет ничего, связанного с тобой, с папой, с семьёй (включая Кэрри).

А ведь я вовремя здесь появился. Ещё неделя, и было бы уже поздно. Мои средства иссякали, скоро у меня ничего бы не осталось. Американский консул, генерал Бромли очень доволен. Переводчик говорит, что всё это из-за правильного поведения во время интервью с наместником.

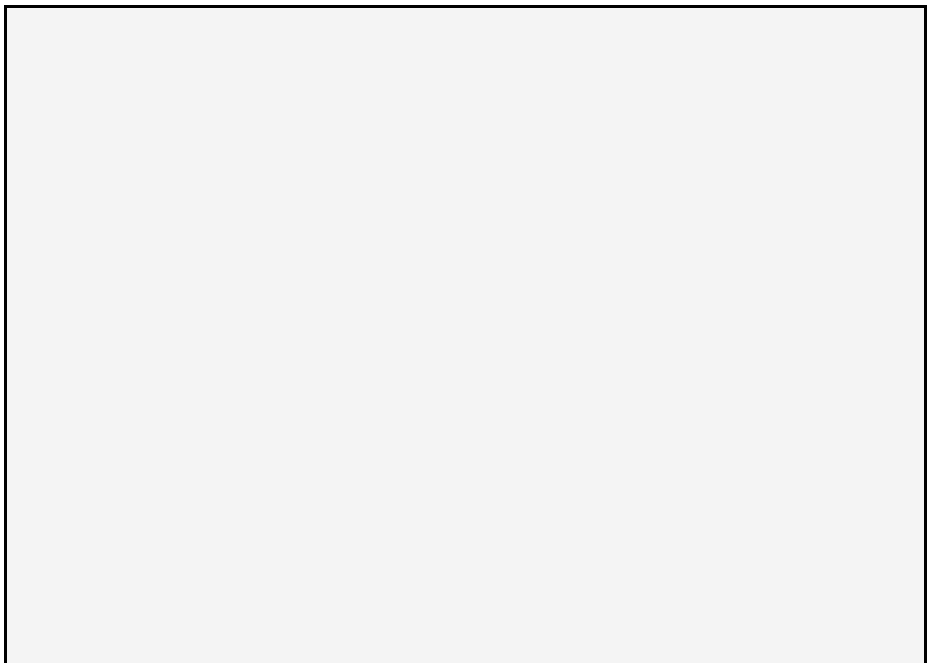
У меня будет возможность поехать в Пекин и на тигриную охоту в Монголию, но сейчас я собираюсь учиться, работать и выбивать из этих мандаринов повышение. Я единственный инструктор по морскому и артиллерийскому делу, поэтому должен знать всё, и практику, и теорию. Это пойдёт мне на пользу. Если бы кто-нибудь донёс до министра, что здесь я приобрету большой профессиональный опыт — больший, чем смог бы приобрести на корабле, — я согласился бы служить на нашем флоте за половину или за четверть платы. Или вообще без платы, лишь бы мне сохранили звание.

Я ещё напишу об этом. Всех люблю».

Характерно, что в одном и том же письме Макгиффин объявляет о поступлении на иностранную службу и планирует вернуться в свою страну. Эта надежда никогда не оставляла его. Во всех его последующих письмах вы найдёте эту ностальгию по палубе американского корабля. Один раз в Конгрессе рассматривался закон о восстановлении всех обманутых выпускников. Макгиффин часто упоминал его как «наш закон». «Он может пройти, — писал он, — но я устал надеяться. Я так долго надеюсь. И если он пройдёт, — добавил он с тревогой, — то, возможно, будет назначен ограниченный срок для возвращения, поэтому сообщите мне о нём так быстро, как сможете, чтобы я не опоздал». Но закон не прошёл, и Макгиффин так и не вернулся в тот флот, из которого его уволили. Он жил в Тяньцзине и учил курсантов производить топографическую съёмку. Почти все офицеры, которые участвовали в Японо-китайской войне, были его учениками. Когда флот увеличился, Макгиффин занял более важную должность. Он получил ещё больше мексиканских долларов, ещё больше слуг, большой дом и знаки отличия разнообразных расцветок, а взамен создал в Китае современный военно-морской колледж по образцу американского. В ту эпоху и в Китае, и в Японии было много таких иностранных советников. Сегодня в Японии остался только один наш человек — достопочтенный Г. У. Деннисон из министерства иностранных

дел, а в Китае нет никого. Из всех советников никто не служил своим нанимателям так верно, как Макгиффин. Когда все остальные официально грабили жителей и правительство, когда шантаж и взятки были признаны честным приработком, Макгиффин оставался чист. Снаряды, купленные им для правительства, не были заряжены чёрным песком, а винтовки — железными трубками. Раз в год, на ужин в День благодарения он приглашал тех китайских офицеров, которые хоть что-то знали об Америке. Это было важное событие, и чтобы насладиться участием в нём, офицеры приезжали из Порт-Артура, Шанхая и Гонконга. Офицеры так хотели отдать дань уважения усилиям хозяина, что перед ежегодным ужином ничего не ели в течение двадцати четырёх часов.

Десять лет Макгиффин служил военным инженером и преподавателем артиллерийского и морского дела и давал в море практическое уроки по управлению современными кораблями. В 1894 году он подал прошение об увольнении, и оно было принято. Но до того, как он успел уехать домой, была объявлена война с Японией, и он отозвал прошение. Он был назначен помощником командира на военный корабль «Чжэньюань», который имел водоизмещение семь тысяч тонн и принадлежал к тому же типу, что и «Динъюань» — флагманский корабль адмирала Дина Жучана[127] В памятный день 17 сентября 1894 года произошла битва при Ялу, в которой китайский флот получил такой удар, что прекратил своё существование.



McGiffin as Superintendent of the Chinese Naval College, at the age of thirty-two.

Макгиффин — суперинтендант Китайского военно-морского колледжа в возрасте тридцати двух лет

С самого начала успех был на стороне японцев. Китайцы были лучше вооружены тяжёлыми орудиями, но японцы намного превосходили их в скорострельности. Хотя китайские корабли «Динъюань» и «Чжэньюань», каждый водоизмещением в 7430 тонн, превосходили любой японский корабль, самые крупные из которых имели водоизмещение 4277 тонн, общий тоннаж японского флота был 36000 тонн против 21000 тонн китайского. С обеих сторон в бою участвовали ровно двенадцать кораблей, но в самом начале, до получения серьёзных повреждений «Цзиюань» (2335 тонн) и «Гуанцзя» (1300 тонн) сбежали, а «Чаоюн» и «Янвэй», не успев вступить в дело, были подожжены и ушли к ближайшему берегу. Так что в битве участвовали восемь китайских кораблей против двенадцати японских. Главными

участниками битвы с китайской стороны были флагман «Динъюань» под командованием адмирала Дина и «Чжэньюань», которым четыре часа командовал Макгиффин, и поэтому они попали под огонь всей японской эскадры. К концу битвы, которая продолжалась пять часов без перерыва, японцы даже не обращали внимания на более мелкие вражеские корабли, а плавали вокруг двух броненосцев и расстреливали их. Японцы свидетельствовали, что два этих корабля не теряли боевого порядка. Когда флагман был в опасном положении, «Чжэньюань» прикрывал его корпусом и артиллерийским огнём и, хотя не смог предотвратить тяжёлые потери на флагмане, фактически спас его от полного уничтожения. Во время боя «Чжэньюань» почти постоянно находился под огнём, и в него четыреста раз попали снаряды всех типов оружия — от тринадцатидюймовых пушек Кана до винтовок. Сам Макгиффин был так сильно контужен, так обожжён и так изранен стальными осколками, что его здоровье и зрение были навсегда повреждены. Но он привёл свой корабль в Порт-Артур, а с ним остатки флота.

Из-за потери здоровья он был уволен с китайской службы и вернулся в Америку. Четыре года он жил в Нью-Йорке, страдая от невыносимых мучений. Его письма к семье того периода показывают огромное мужество. На разгромленном «Чжэньюане», когда на палубе разрывались снаряды, а в трюме горел огонь, он демонстрировал своим подчинённым мужество белого человека, который понимает, что он ответственен за них и за честь их страны. Но ещё больше мужества он демонстрировал, находясь один в своей комнате или в отдельной палате больницы.

В письмах, которые он диктует, он беспокоится только о том, чтобы родственники не волновались. Он успокаивает их ложью, подшучивает над их страхами, рассказывает дурацкие истории о людях, которых видит из окна больницы. Он просит отправить свои китайские почтовые марки какому-то доброму мальчику. Он планирует поехать с ними в путешествие, когда поправится, зная при этом, что никогда не поправится. Врачи настаивают на операции, а он пишет друзьям: «Мне просверлят в черепе кусок в три квадратных дюйма и вырежут нерв из середины мозга, а ещё вынут мой глаз (всего на пару часов, если не потеряют). Доктор и его свита плохо помнят провалы. Мне говорили, что в результате этой операции некоторые умирают, а другие сходят с ума. А некоторые теряют зрение».

Commander McGiffin in Hospital After the Battle of the Yalu.

Showing damage to clothes due to concussion.

Коммандер Макгиффин в госпитале после битвы при Ялу, в разорванной одежде после контузии

Находясь под угрозой сумасшествия и полной слепоты, ежеминутно страдая от боли, с которой не могут справиться лекарства, он диктует в «Сенчури Мэгэзин» единственный полный отчёт о битве при Ялу. В письме к мистеру Ричарду Уотсону Гилдеру[128] он пишет: «…у меня проблемы с глазами. Я не вижу даже то, что сейчас пишу, и статья движется с большим трудом. Надеюсь, что смогу передать её вам 21-го, но если со зрением станет хуже…»

«Если со зрением станет хуже…»

Незаконченная фраза стала мрачным пророчеством.

Незаметно для персонала больницы он спрятал в коробке для писем свой служебный револьвер. Утром 11 февраля 1897 года он попросил эту коробку и под каким-то предлогом выпроводил сестру из палаты. Когда из палаты донёсся звук выстрела, сестра прибежала и обнаружила, что измученное болью тело навсегда успокоилось, и усталые глаза навсегда закрылись.

В статье о битве при Ялу для «Сенчури» Макгиффин писал:

«Самый лучший человек из тех, кто умер за свою страну —

это адмирал Дин Жучан, доблестный солдат и настоящий джентльмен. Преданный своими соотечественниками, не имевший никаких шансов на победу, он на переговорах с врагом сумел спасти жизни своих офицеров и матросов. Свою собственную жизнь он спасать не захотел, зная, что его страна окажется менее милосердной, чем его благородный враг. Горько думать о старом, израненном герое в тот полночный час, когда он выпил чашку с ядом, которая принесла ему покой».

И горько думать о молодом израненном американце, который из-за скупости своей страны был лишён права зарабатывать деньги, служа ей, и отдал свои лучшие годы и свою жизнь, сражаясь под чужим флагом за чужой народ.

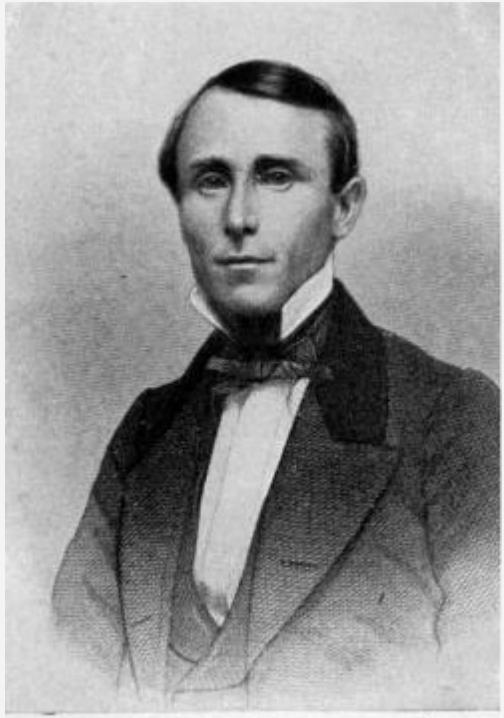
V. Генерал Уильям Уокер, король флибустьеров

Нужно сказать, что представителям молодого поколения имя Уокера[129] абсолютно ничего не скажет. У них имя «Уильям Уокер» не вызовет гордости за свою расу или за свою страну. Им оно не намекнёт на поэзию или приключения. Уильям Уокер — самый выдающийся из всех американских солдат удачи, единственный из своих соотечественников, кто в одиночку добился самых высоких результатов, но даже для того, чтобы попасть в эту книгу, он должен был ждать очереди после авантюристов из других стран и юношей-офицеров из собственной. И если бы этот человек с простым именем, именем, которое сегодня ничего не значит, сделал бы, всё что задумал, он решил бы проблему рабства на континенте, установил бы империю в Мексике и Центральной Америке и, между прочим, втянул бы нас в войну во всей Европой. Вот что он сделал бы.

В дни золотой лихорадки в Сан-Франциско Уильям Уокер был одним из самых знаменитых, самых колоритных и популярных «людей сорок девятого года»[130]. Его современниками были игрок Джек Оукхёрст, дуэлянт полковник Старботл, кучер дилижансов Юба Билл. Брет Гарт был одним из самых горячих поклонников Уокера и сделал его героем двух своих сюжетов, скрыв его под более привлекательными именами[131]. Когда позднее Уокер приехал в Нью-Йорк, в его честь весь Бродвей от Баттери до Мэдисон-сквер был украшен флагами. «Были розы, розы вокруг»[132]. Крыши домов качались и колыхались[133].

В Новом Орлеане он появился в ложе в опере, и представление было прервано на десять минут, пока зрители стояли и приветствовали его.

Это происходило менее пятидесяти лет назад, и люди, которые мальчиками подражали Уокеру Никарагуанскому, всё ещё активно влияют на общественную жизнь Сан-Франциско и Нью-Йорка.



General William Walker.

Генерал Уильям Уокер

Уокер родился в 1824 году в Нэшвилле в штате Теннеси. Он был старшим сыном шотландского банкира, человека глубоко религиозного, занимавшегося делом, которое максимально удалено от профессии военного. Жизнь немногих людей подтверждает тот факт, что генералами рождаются, а не становятся. Рождение, семейная традиция и образование указывали на то, что Уокер станет представителем «учёной» профессии. По желанию отца он должен был стать священником пресвитерианской церкви, и его учили, исходя из такой перспективы. Сам он предпочёл изучать медицину, и после окончания Университета Теннеси он прослушал курс в Эдинбурге и два года путешествовал по Европе, посетив многие знаменитые больницы.

Затем, получив хорошую практику как врач, он, после короткого возвращения в родной город и такой же короткой остановки в Филадельфии, бросил эту карьеру и отправился в Новый Орлеан, чтобы учиться на юриста. Через два года он был принят в коллегию адвокатов Нового Орлеана. Из-за того, что у него было мало клиентов, или из-за того, что адвокатская канцелярщина была ему не по духу, он через год бросил

адвокатуру, как ранее бросил церковь и медицину, и стал журналистом новоорлеанской газеты «Кресент». Спустя год неугомонность, которая восставала против степенных профессий, привела его на золотые поля Калифорнии и в Сан-Франциско. В 1852 году он стал редактором сан-францисской газеты «Геральд» и начал жить настоящей жизнью, которая скоро закончилась катастрофой и славой.

К двадцати восьми годам ничто, за исключением его неугомонности, не предвещало, что его ожидает. Ничто не указывало, что он будет тем человеком, ради которого тысячи людей во всех мировых столицах готовы отдать свои жизни.

Бросив три разных поприща, дав понять, что его вообще не привлекает профессиональная карьера, Уокер проявил какие-то особые черты личности. Но он не давал никакого намёка на то, что под высоким лбом молодого доктора и адвоката скрываются планы создания империй и амбиции, ограниченные только двумя великими океанами.

Первая авантюра Уокера, несомненно, вызвана подражанием одному человеку, который к появлению Уокера в Сан-Франциско был близок к своему гибельному концу. Это был де Бульбон[134] со своей экспедицией в Мексику. Граф Гастон Рауль де Рауссе-Бульбон — молодой французский аристократ и солдат удачи, chasseur d'Afrique[135], дуэлянт, журналист, мечтатель, который приехал в Калифорнию, чтобы добывать золото. Барон Харден-Хикки, который родился в Сан-Франциско и в возрасте тридцати лет застрелился в Мексике, тоже был вдохновлён завоеваниями этого джентльмена-авантюриста.

Бульбон был молодым человеком с большими идеями. В быстром росте Калифорнии он видел угрозу для Мексики и предложил правительству Мексики создать французскую колонию в штате Сонора как буфер между двумя республиками. Сонора — мексиканский штат, который непосредственно граничит с югом нашего штата Аризона. Бульбон заключил договор с президентом Мексики и в 1852 году со ста шестью хорошо вооружёнными французами высадился в Гуаймасе в Калифорнийском заливе. Мнимым предлогом для вторжения на иностранную землю, ради которого Бульбон от имени президента нанял своих людей, была защита иностранных рабочих на копях «Рестаурадора» от нападений индейцев апачи из нашей Аризоны. На самом деле, за Бульбоном стояло французское правительство, и он пытался в малом масштабе сделать то, что позднее пытался сделать Максимилиан при поддержке французских войск и Луи Наполеона — установить в Мексике империю под французским протекторатом. И флибустьера, и императора ждал один и тот же

конец: расстрел у церковной стены.

В 1852 году, за два года до гибели, когда завершалась вторая экспедиция в Сонору, Бульбон писал другу в Париж: «Европейцы обеспокоены ростом США. И правильно. Пока она (то есть Франция) разобщена, пока над ней возвышается такой сильный соперник, Америка с помощью коммерции, торговли, населения, географического положения между двух океанов, становится правительницей мира. Через десять лет Европа не рискнёт сделать выстрел без её разрешения. Когда я пишу эти строки, пятьдесят американцев собираются плыть в Мексику и, вероятно, их ждёт победа. Voila les Etats-Unis[136]».

Этими пятьюдесятью американцами, которые, по мнению Бульбона, угрожали Европе, руководил бывший врач, бывший адвокат, бывший редактор Уильям Уокер, двадцати восьми лет. Уокер пытался заключить с мексиканским правительством такой же договор, какой заключил Бульбон, но потерпел неудачу. Поэтому он поплыл без договора, заявив, что, просило его мексиканское правительство или нет, но он хочет защитить женщин и детей на границе Мексики и Аризоны от кровожадных индейцев. Нужно напомнить, что когда доктор Джеймсон совершил свой рейд в Трансвааль, он тоже хотел защитить «женщин и детей» от кровожадных буров. Сам Уокер так оправдывал свою экспедицию в письме одному человеку: «То, что увидел и услышал Уокер, убедило его в том, что относительно малое число американцев может держать позиции на границе с Сонорой и защищать семьи от индейцев. Такие действия — это действия человеколюбивые, санкционированы они мексиканским правительством или нет. Ситуация в северной части Соноры была и до сих пор остаётся (это было написано через восемь лет, в 1860 году) позором для цивилизованных людей континента, и жители США несут самую большую ответственность за нападения апачей. Фактически северная Сонора управляется индейцами, а не законами Мексики, и дань индейцев собирается более регулярно, чем налоги. Само положение этого района — лучший предлог для любого американца, который захочет поселиться здесь без согласия Мексики. Хотя после создания колонии, конечно же, произойдут политические изменения, они оправданы тем, что любая социальная организация, не важно, как она образовалась, предпочтительнее, чем организация, где личность и семья зависят от милости дикарей».

Кровожадных буров, которые бы угрожали женщинам и детям, во время рейда Джеймсона было так же много, как змей в Ирландии[137]. Но во время рейда Уокера женщинам и детям действительно угрожали индейцы, которые, как вскоре выяснил

Уокер, были врагами безжалостными и опасными.

Тем не менее, Уокер хотел завоевать штат Сонора вовсе не для спасения женщин и детей. Во время его экспедиции остро стоял важный вопрос рабства. И если Союз[138] был близок к отмене рабства, то, как казалось этому государственному деятелю двадцати восьми лет, Юг должен был расширить свои границы и найти рынки сбыта своих рабов на новой территории. С помощью завоевания Соноры можно было расширить границы Аризоны до Техаса. Стратегически место, избранное Уокером для своих целей, было идеально. Нужно помнить, что источником всех его дел была мечта об империи, где было бы признано рабство. Его мать владела рабами. Он родился и вырос в Теннеси среди рабов. Его юность и зрелость прошли в Нэшвилле и Новом Орлеане. Он искренне, фанатично верил в право владеть рабами, так же, как его отец верил в движение ковенантеров.[139]. Любопытно сегодня читать его аргументы в защиту рабства. Обращение Уокера к человеколюбию его читателя, к его душе, к его чувству справедливости, к его страху перед богом и его вера в Библию не отменяет рабства, но продолжает его, что нынешнему поколению покажется смешным, как бессмыслица Гилберта[140] или Шоу. Но для самого молодого человека рабство было священным институтом, предназначенным для улучшения человечества, богом данная польза чернокожему и богом данное право его белого хозяина.

Белые братья на юге, руководствуясь, видимо, менее восторженными мотивами, собрали деньги для экспедиции Уокера, и в октябре 1852 года он с пятьюдесятью пятью соратниками высадился на мысе Сан-Лукас — крайней точке Нижней Калифорнии. Нужно помнить, что Нижняя Калифорния, несмотря на название, не часть нашей Калифорнии, а была и остаётся частью Мексики. То, что Уокер наконец оказался на вражеской земле, заставило его отбросить всё притворство. Вместо того, чтобы торопиться защищать женщин и детей, он проплыл на несколько миль вверх по побережью в Ла-Пас. Со своими пятьюдесятью пятью соратниками он захватил город, посадил губернатора в тюрьму и создал республику с собой в качестве президента. В воззвании он объявил жителей свободными от мексиканской тирании. Жители не хотели быть свободными, но Уокер так решил, и, нравилось им или нет, они оказались в независимой республике. Через несколько недель Уокер на бумаге аннексировал штат Сонора, хотя пока не был там, и дал обоим штатам название Республика Сонора.

Как только весть об этом донеслась до Сан-Франциско, друзья Уокера принялись искать ему поддержку, и скоро искатели

приключений и авантюристы всех стран были записаны в «эмигранты» и поплыли к нему на барке «Анита».

Через два месяца, в ноябре 1852 года к Уокеру присоединились триста человек. Это была банда отчаянных подонков, похожих на тех, которые грабили шлюз, избивали китайцев или стреляли в «мексикашек». Когда они поняли, что ими командует всего лишь юноша, они составили план напасть на склад, где хранится запас пороха, забрать всё в лагере и двинуться на север, по пути грабя ранчо. Уокер узнал об их плане, предал зачинщиков военно-полевому суду и расстрелял их. С таким недисциплинированным войском это действие требовало очень большого мужества. Именно это качество и уважали люди, которые были с ним. Они поняли, что их руководитель может и стрелять, и карать. Большинству не нужен был руководитель, который готов карать, поэтому когда Уокер попросил поднять руки тех, кто хочет идти с ним в Сонору, с ним осталось только первые пятьдесят пять человек и сорок позднейших новобранцев. С менее чем девятьюстами человек он начал движение на Сонору вдоль залива через всю Нижнюю Калифорнию.

С самого начала флибустьеров сопровождали несчастья. Мексиканцы и их союзники-индейцы неожиданно нападали с флангов и сзади. Почти ежедневно встречались изуродованные тела попавших в руки индейцев людей. Отставшие и дезертиры закапывались в землю и подвергались пыткам. Раненые флибустьеры погибали от нехватки медикаментов. Единственные инструменты, которые у них имелись для вытаскивания наконечников стрел, были клещи, сделанные из пары шомполов. Единственной едой были коровы, которых они убивали по пути. Армия шла босиком, кабинет министров носил лохмотья, президент Соноры обувал на одну ногу ботинок, а на другую сапог.

Не имея возможности продолжать путь, Уокер вернулся на Сан-Винсент, где оставил оружие и боеприпасы дезертиров и арьергард из восемнадцати человек. Никого из них он больше не видел. Двенадцать человек дезертировали, а остальных мексиканцы переловили своими лассо и запытали до смерти. Сейчас у Уокера было только тридцать пять человек. Даже если бы к нему шло подкрепление из Сан-Франциско, ждать его было невозможно. Он решил форсированным маршем достичь границы с Калифорнией. От безопасного места его отделяли мексиканские солдаты, охраняющие дороги, и индейцы, скрывающиеся с флангов. У Сан-Диего, когда до границы оставалось три мили, полковник Мелендрес, который командовал мексиканскими войсками, предложил выжившим участникам экспедиции сдаться,

пообещав сохранить жизни всем, кроме руководителя. Но люди, которые целый год сражались и голодали с Уокером, не согласились бросить его в трёх милях от дома.

Тогда Мелендрес попросил майора Маккинстри, который командовал военным постом армии США в Сан-Диего, чтобы тот приказал Уокеру сдаться. Майор Маккинстри отказал. Пересечение границы для него означало нарушение нейтралитета. На мексиканской земле он не мог ни схватить бывшего президента Соноры, ни помочь ему. Но он понимал, что если флибустьеры доберутся до американской земли, мексиканцы и индейцы не последуют за ними.

Поэтому он поставил свой отряд на границе и как беспристрастный арбитр ждал исхода событий. Скрытые за скалами и кактусами, через жаркую, обжигающую равнину флибустьеры могли видеть американский флаг и развевающиеся пёстрые штандарты кавалерии. Вид флагов дал им силы для последнего отчаянного рывка. Мелендрес тоже понял, что настал момент для решающей атаки. После атаки Уокер, потерпев поражение, отступил, но оставил среди скал арьергард из двенадцати человек. Когда Мелендрес попал в эту засаду, двенадцать стрелков выбили из сёдел много мексиканцев и индейцев, и те в панике бежали. Через полчаса, небольшая группа, которая отправилась основать империю рабовладельцев, измученная голодом и усталостью, перешла границу и сдалась войскам США.

Джеймс Джеффри Рош[141] пишет об этой экспедиции в «Дорогах войны» — самой интересной и полной книге об Уокере: «Много лет спустя пастух-пеон или бродячий индеец кокупа на горной тропе будет натыкаться на белеющий скелет безымянного человека, место упокоения которого не отмечено ни крестом, ни курганом. Но кольт, лежащий рядом с костями, говорит о его стране и его занятии, — и это всё, что осталось от конкистадора девятнадцатого века».

При поручительстве генерала Вуда, командующего американскими войсками на Тихом океане, флибустьеров на паруснике отправили в Сан-Франциско, где их лидер был предан суду и оправдан.

Первая экспедиция Уокера завершилась провалом, но она дала ему огромный опыт, поскольку настоящая служба лучше всех военных академий, а для того типа войны, которую он вёл, это была лучшая подготовка. Она не была бесславной, и все выжившие товарищи Уокера вместо того, чтобы, как это бывает, поносить своего лидера в барах, готовы были драться с любым, кто сомневался в способностях или мужестве их лидера. Позднее,

через пять лет многие из тех самых людей, даже будучи старше его на десять-двадцать лет, последуют за ним на смерть, и никогда не будут оспаривать его приказов или его право командовать.

В это время в Никарагуа произошла очередная революция. С юга стороны поддерживала Коста-Рика, с севера Гондурас поставлял оружие и людей. Там не было ни законов, ни правительства. Дюжина политических партий, дюжина главнокомандующих и ни одного сильного человека.

Уокер в редакции сан-францисской «Геральд» водил пальцем по карте в поисках новых территорий для завоевания и остановился на Никарагуа.

В неразберихе Никарагуа он увидел возможность прийти к власти, а в её тропических красотах, в лени и некомпетентности её жителей — более великую, более яркую, более благополучную Сонору. Из Сан-Франциско он мог подкреплять свою армию людьми и оружием, а из Нового Орлеана он мог, когда придёт время, снабжать свою империю рабами.

В войне в Никарагуа участвовали две партии — легитимисты и демократы. Не нужно знать, почему они воевали. Наверное, Уокер этого не знал. Скорее всего, они и сами этого не знали. Но лидер демократов предложил Уокеру заключить договор: Уокер должен был прислать в Никарагуа триста американцев, каждому из которых давалось по несколько сотен акров земли и которые именовались «колонистами, подлежащими военной службе». Этот договор Уокер показал генеральному прокурору штата и генералу Вуду, которые уже однажды спасли его от обвинения в флибустьерстве. Эти федеральные офицеры не увидели ни одной причины, чтобы препятствовать Уокеру. Но остальные жители Сан-Франциско были менее доверчивы, и «колонисты», которые присоединились к Уокеру, прекрасно понимали, что они едут в Никарагуа не для того, чтобы выращивать кофе и собирать бананы.

В 1855 году, ровно через год после того, как Уокер и тридцать три его последователя сдались американским войскам в Сан-Диего, Уокер с пятьюдесятью новобранцами и семью участниками прошлой экспедиции отплыли из Сан-Франциско на бриге «Веста». Через пять недель утомительного штормового путешествия они высадились в Реалехо. Здесь калифорнийцев тепло встретил временный председатель демократов.

Уокера назначили полковником, Ахиллеса Кьюена, который воевал вместе с Лопесом[142] на Кубе, подполковником, а Тимоти Крокера, который был с Уокером в сонорской экспедиции, майором. Отряд имел независимое командование и назывался «La

Falange Americana». Первым приказом Уокера было разбить врага, который держал путь к Карибскому морю.

Через неделю после высадки Уокер с пятьюдесятью семью американцами и ста пятьюдесятью местных солдат отплыл на «Весте» в порт Брито, откуда прошёл до Риваса — города с семью тысячами жителей и гарнизоном в тысяча двести человек.

Первое сражение закончилось полным и катастрофическим фиаско. Местные солдаты сбежали, а американцы после трёхчасовой обороны в нескольких кирпичных бараках, атак врагов и попыткой спастись в джунглях сдались шестьюстам солдатам-легитимистам. Американцы понесли тяжёлые потери, и погибли двое человек, на которых Уокер, в основном, надеялся: Кьюен и Крокер. Легитимисты положили тела раненых, которые были ещё живы, и убитых на груду брёвен и сожгли их. После мучительного ночного перехода Уокер на следующий день прибыл на побережье, в Сан-Хуан и захватил обнаруженную в порту коста-риканскую шхуну. В этот момент, хотя люди Уокера были разбиты, изранены и спасались бегством, два американца — «техасец Гарри Маклауд и ирландец Питер Бёрнс» — попросили разрешения присоединиться к ним.

«Солдат воодушевило, — писал Уокер, — что кто-то, кроме них, не считал их дело проигранным, и это маленькое пополнение подняло их моральный дух, и сделало отряд сильнее».

Иногда, читая историю, кажется, что первое условие успеха — это полное отсутствие чувства юмора и абсолютно серьёзный взгляд на всё происходящее. С пятьюдесятью соратниками Уокер планировал завоевать Никарагуа — страну с населением в двести пятьдесят тысяч человек, такую же большую, как Массачусетс, Вермонт, Род-Айленд, Нью-Гэмпшир и Коннектикут вместе взятые. И даже через семь лет он без тени улыбки пишет о том, что двое бродяг подняли «моральный дух» его армии. И очень характерно, что в тот момент, когда он радуется этому прибавлению, он отдаёт приказ расстрелять двух американцев за несоблюдение дисциплины. Слабовольный человек мог бы отречься от двух американцев, которые, по сути, не были членами его Фаланги, и утверждать, что он не отвечает за их преступления. Но основой успеха Уокера была строгая дисциплина. Он судил этих людей, и они признали свою вину. Один сбежал, и поскольку можно было подумать, что Уокер способствовал его побегу, второй человек не получил никакой пощады. Когда читаешь о том, какими суровыми были наказания Уокера, как часто он применял смертную казнь к своим последователям, удивляешься, что такие независимые и

непривычные к ограничениям люди, как его первые добровольцы, признавали его лидерство. Это можно объяснить только личными качествами Уокера.

Из всех этих бесшабашных, бесстрашных преступников, которые презирали своих союзников и доказали, что один американец с винтовкой может одолеть дюжину никарагуанцев, Уокер был единственным человеком, который не увлекался выпивкой и игрой, который даже не ругался, который никогда не смотрел на женщин, а в денежных вопросах был бескорыстен и скурпулёзно честен. Его последователи знали, что в бою он может рискнуть ради них своей жизнью так же, как он может ради поддержания своей власти отдать приказ о расстреле любого из них.

Предательство, трусость, мародёрство и оскорбление женщин он карал смертью. Но к раненым, даже если это были враги, он был добр, как сестра милосердия, а храбрость и умение немедленно вознаграждал поддержкой и повышенной платой. Он не был демагогом. Он не старался снискать расположение своих людей. У него не было любимчиков среди офицеров его штаба. Он обедал один и всегда держался сам по себе. Он говорил мало и не знал смущения. Перед лицом несправедливости, вероломства или физической опасности он всегда оставался спокоен, собран, бесстрастен. Но говорят, что в редких случаях, когда гнев овладевал им, его пронзительные серые глаза угрожающе сверкали, и те, кто сталкивался с ним, вскоре видели дуло его кольта.

По тому впечатлению, которое остаётся от его действий, от его сочинений, от сочинений тех, кто воевал вместе с ним, он был тихим, похожим на студента молодым человеком, фанатично верящим в свою судьбу. Но во всех делах, не касавшихся его самого, он проявлял мрачное чувство юмора. По фразам его людей, которые он записывал, хорошо видно, что он уважал брет-гартовский стиль юмора. Например, когда он хотел сделать одного калифорнийца барабанщиком, тот протянул: «Нет, спасибо, полковник. Первое, что я всегда видел на поле боя, это мёртвый барабанщик с продырявленным барабаном».

У Уокера полностью отсутствовало тщеславие — качество, столь характерное для солдата удачи. В стране, где даже капитан украшает себя как фельдмаршал, Уокер носил брюки, заправленные в сапоги, гражданский синий сюртук и шляпу с единственным украшением — красной лентой демократов. Его власть не зависела от позументов или пуговиц, а свою саблю он брал только тогда, когда собирался в бой. Он был хрупкого телосложения, скорее низкого, чем среднего, роста, гладко

выбритый, с глубоко посаженными серыми глазами. Очевидно, что глаза были заметной частью его внешности, и за них он получил своё прозвище.

Его последователи называли его «Сероглазый человек судьбы», и под таким прозвищем он был позднее известен в США.

С самого начала Уокер понял, что для закрепления в Никарагуа он должен оставаться на связи с новобранцами, прибывающими из Сан-Франциско и Нью-Йорка, а для этого нужно контролировать транспортные пути из Карибского моря в Тихий океан. В то время было три морских пути к золотым приискам: на паруснике вокруг мыса Горн, через Панамский перешеек и самый короткий, через Никарагуа. По договорённости с никарагуанским правительством перевозка пассажиров через Никарагуа контролировалась компанией «Эксессори Транзит», президентом которой был первый Корнелиус Вандербильт[143]. Его компания владела пароходными линиями и на тихоокеанской стороне, и на атлантической. Пассажиры, которые отправлялись на золотые прииски из Нью-Йорка, высаживались в Грейтауне на западном берегу Никарагуа и на небольших судах плыли вверх по реке Сан-Хуан до озера Никарагуа. Здесь их встречал большой пароход и переправлял на Виргинский залив. Отсюда они двенадцать миль ехали на повозках и на мулах до порта Сан-Хуан-дель-Суд[144] на тихоокеанском берегу, где садились на пароходы компании и плыли в Сан-Франциско.

За время пребывания Уокера в Никарагуа через страну проезжало, в среднем, около двух тысяч пассажиров в месяц.

Чтобы взять под контроль этот путь, сразу после первого поражения Уокер вернулся в Сан-Хуан-дель-Суд, в быстрой стычке разгромил врага и овладел Виргинским заливом, где останавливались пассажиры, следующие с востока на запад.

Войска Уокера были в пять раз меньше вражеских, но он потерял только трёх местных убитыми и нескольких американцев ранеными. Легитимисты потеряли шестьдесят убитыми и сто ранеными. Эта пропорция потерь показывает, насколько эффективнее был револьверный и винтовочный огонь калифорнийцев. И это было так необыкновенно, что когда через много лет я побывал в городах, захваченных флибустьерами, то обнаружил, что меткость фалангистов Уокера вошла в легенды. Теперь, благодаря флибустьерам, если человек из Штатов попадает в Центральной Америке в беду, то ему достаточно показать своё оружие. Ни один местный не станет ждать, пока оно выстрелит.

После боя у Виргинского залива Уокер получил из Калифорнии пятьдесят новобранцев — крайне необходимое

пополнение, и поскольку сейчас в его распоряжении были сто двадцать американцев, триста никарагуанцев, возглавляемых местным генералом Валье, и две пушки, он решил снова напасть на Ривас. Ривас стоит у озера, севернее Виргинского залива. Дальше располагается Гранада — центр легитимистов.

Боясь, что Уокер нападёт на Ривас, легимитистские войска поторопились из Гранады к этому городу, оставив Гранаду почти беззащитной.

Уокер узнал об этом из перехваченных писем и решил ударить по Гранаде. Ночью на одном из озёрных пароходов он прошёл вдоль берега и на рассвете высадился возле города. Накануне легитимисты одержали победу, и, благодаря удаче или судьбе Уокера, ночью вся Гранада праздновала это событие. После множества весёлых танцев и множества выпитого агуардиенте[145] горожане спали пьяным сном. Гарнизон спал, часовые спали, весь город спал. Но когда монастырские колокола позвали народ на раннюю мессу, воздух разорвали резкие выстрелы, которые казались легитимистам непривычными и пугающими. Это были не громкие взрывы их собственных мушкетов и не гладкоствольное оружие демократов. Звуки были резкими, свирепыми, как щёлканье кнута. Часовые, поняв ужас происходящего, сбежали со своих постов. «Флибустьеры!» — кричали они. Впереди галопом скакали Уокер и Валье, а за ними — люди из ужасной Фаланги, которых местные уже научились бояться: бородатые гиганты в фланелевых рубашках, которые в Ривасе шли с револьверами против пушек, которые в Виргинском заливе выхватывали из-за голенищ сапог сверкающие ножи Боуи и метали их, как стрелы, и ножи попадали в цель с точностью ястреба, пикирующего на квохчущую курицу.

После короткой ожесточённой схватки на площади враг был полностью разгромлен. Как обычно, местные демократы немедленно приступили к мародёрству. Но Уокер воткнул саблю в первого встреченного мародёра и приказал американцам арестовать всех остальных и вернуть уже украденное имущество. Уокер выпустил более сотни политических заключённых, с которых были быстро сняты цепи и ядра. Больше двух третей из них тут же перешли под знамёна Уокера.

Сейчас он мог диктовать мир врагам на своих условиях, но фатальный промах Паркера Г. Френча[146], лейтенанта в войске Уокера, отсрочил мир на несколько недель и привел к ненужным репрессиям. Френч без приказа совершил неудачное нападение на Сан-Карлос на восточном берегу озера, а легитимисты в ответ убили в Виргинском залив несколько мирных пассажиров и обстреляли пароход. Хотя легитимисты оправдывались тем, что

озёрные пароходы использовал Уокер, но они не могли не знать, кто в них сейчас едет — люди Уокера или нейтральные пассажиры. Поскольку Уокер не мог покарать настоящих виновников, он возложил ответственность за их действия на их министра иностранных дел, который после взятия Гранады оказался в числе пленников. Уокер судил и расстрелял «жертву нового толкования принципов конституционного правительства». Это действие Уокера до предела растянуло понятие об ответственности и немедленно привело к встрече между генералами двух политических партий. Таким образом, через четыре месяца после прибытия Уокера и его последователей в Никарагуа, военные действия были прекращены, и сторона, за которую воевали американцы, пришла к власти. Уокер стал главнокомандующим армии в тысяча двести человек и получил жалованье в шесть тысяч долларов в год. Временным президентом был назначен человек по фамилии Ривас[147].

Этот перерыв в войне пришёлся Уокеру очень кстати. Он дал возможность набрать новобранцев и лучше организовать своих людей для достижения тех целей, ради которых Уокер приехал в Никарагуа. Сейчас под его началом было значительное войско, одно из самых эффективных во всей военной истории. Организация, которой он командовал, была так же не похожа на Фалангу из пятидесяти восьми авантюристов, отосланную в Ривас, как последователи Фальстафа[148] — на полк, набранный полковником Рузвельтом[149]. Сейчас вместо недисциплинированных, не подчиняющихся закону калифорнийских старателей в его войске состояли ветераны Мексиканской войны, молодые южане по рождению и по духу и солдаты удачи из всех великих армией Европы.

Среди тех, кто участвовал в скоро разразившейся Гражданской войне, а потом служил египетскому хедиву, было несколько офицеров Уокера, и через много лет после его смерти не было ни одной войны, где бы ни отличились люди, обученные Уокером в никарагуанских джунглях. Англичанин, генерал Чарльз Фредерик Хеннингсен[150] писал в своих мемуарах, что, хотя он принимал участие в нескольких величайших битвах Гражданской войны, он бы поставил тысячу человек Уокера против пяти тысяч солдат Конфедерации или Союза. И генерал знал, о чём говорил. Прежде, чем присоединиться в Уокеру, он служил у Дона Карлоса[151] в Испании, у Кошута[152] в Венгрии, а также в Болгарии.

Он командовал полком у Уокера и писал о его людях: «Я часто видел, как они шли с одной сломанной или перевязанной рукой, а стреляли другой рукой. Те, раны которых были

неизлечимы, застреливались. Такие люди не возвращаются в обыденную жизнь, и, думаю, что я никогда таких больше не увижу. Вся военная наука рухнула, когда они с револьверами в руках напали на орудийную батарею».

Другим выпускником армии Уокера были капитан Фред Таунсенд Уорд[153], уроженец Сейлема, штат Массачусетс, который после смерти Уокера организовал и возглавил победоносную армию, подавившую восстание тайпинов[154], и совершил множество славных подвигов, приписанных на счёт Китайского Гордона. Сегодня в Шанхае стоят два храма, построенных в память об этом флибустьере.

Хоакин Миллер[155] — поэт, золотоискатель, солдат, который ещё недавно жил в отеле в Саратога-Спрингс, был одним из молодых калифорнийцев, которые были с Уокером, а потом в своих стихах сохранил имя любимого командира. А. Джеймисон, ныне живущий в Гатри, штат Оклахома, был капитаном у Уокера. Когда снова началась война, не прошло и четырёх месяцев, как эти люди сделали Уокера президентом Никарагуа.

Четыре месяца он был президентом по всем признакам, кроме титула. Его признавали, и его боялись. В феврале 1856 года ему, а не Ривасу, объявила войну соседняя республика Коста-Рика. Эта война с переменным успехом продолжалась три месяца, пока костариканцев не прогнали за границу.

В июне того же года Ривас объявил о выборах президента и о своём выдвижении от демократов. Другими претендентами от демократов были Салазар и Феррер. Легитимисты, понимая, что страной в действительности правит их бывший враг, выдвинули Уокера. Уокер был избран подавляющим большинством, получив 15835 голосов против 867 голосов за Риваса. Салазар получил 2087, Феррер — 4447.

Теперь Уокер был и фактическим, и законным правителем страны, и никогда в своей истории эта страна не управлялась так справедливо, так мудро, так хорошо, как при Уокере. Но в его успехах соседние республики видел угрозу своей независимости. Флаг флибустьеров с пятиконечной кроваво-красной звездой и девизом «Пять или ничего» пугал остальные четыре республики Центральной Америки. Его значение было слишком очевидно и слишком неприятно. Коста-Рика на юге, Гватемала, Сальвадор и Гондурас на севере вместе с никарагуанскими оппозиционерами тут же объявили войну иностранному узурпатору. Уокеру противостояла 21000 союзников. Количество его войск постоянно колебалось. На выборах президента основой его армии было великолепно обученные опытные солдаты численностью 2000 человек. Позднее численность увеличилась до 3500, и, скорее

всего, никогда не превышала этот уровень. Списки личного состава и больничные списки показывают, что, пока он правил в Никарагуа, под его знамёнами было, в общей сложности, 10000 человек. В то же время от вражеской пули или от лихорадки погибло 5000 человек.

Описывать битвы с союзниками долго и скучно. Они все были похожи: долгие, безмолвные ночные переходы, внезапная атака на рассвете, бой с целью занять стратегическую позицию — или казармы, или кафедральный собор на площади, рукопашная схватка на баррикадах и возле хижин. Исходы этих битв были различны, но всё складывалось так, что, если бы не было внешних помех, каждая республика Центральной Америки по очереди оказалась бы под властью пятиконечной звезды.

В Коста-Рике есть статуя, изображающую республику в виде молодой женщины, у ног которой стоит коленопреклонённый Уокер. Однажды ночью какой-нибудь правдолюбивый американец положит у подножья статуи динамит и отойдёт подальше. Самостоятельно ни Коста-Рика, ни другая центральноамериканская республик не смогли бы изгнать Уокера со своей земли. Его падение произошло из-за его собственных людей и из-за его собственных действий.

Когда Уокер стал президентом, он узнал, что компания «Эксессори Транзит» не согласна с условиями, которые предлагает никарагуанское правительство. Его усилия по сохранению этих условий привели к разрыву. «Эксессори Транзит» согласилась платить Никарагуа десять тысяч долларов ежегодно и десять процентов чистой прибыли. Но компания, чью историю американский дипломат Сквайр[156] охарактеризовал как «позорный успех обмана и мошенничества», так манипулировала своими бухгалтерскими книгами, что выходило, будто она вообще не получает никакой прибыли. Не веря этому, Уокер отправил в Нью-Йорк комиссию для расследования. Комиссия обнаружила подлог и потребовала вернуть двести пятьдесят тысяч долларов. Когда компания отказалась платить, Уокер в счёт долга захватил её пароходы, пристани и склады и заключил новый договор с двумя управляющими компании — Морганом и Гаррисоном, которые работали в Сан-Франциско против Вандербильта. Хотя он был в своём праве, но, сделав это, он совершил смертельную ошибку. Он сделал Вандербильта своим врагом и остался без связи с США. Взбешённый наглостью флибустьера-президента, Вандербильт закрыл свою пароходную линию. Уокер остался без людей и боеприпасов, как на необитаемом острове. Он захватил лодки Вандербильта на реке Сан-Хуан и озере Никарагуа, но их можно было использовать

только для местного сообщения.

Он оказался в позиции человека, удерживающего центральный пролёт моста, когда пролёты справа и слева разрушены.

Вандербильт не остановился на том, что закрыл линию, он продолжил войну в Центральной Америке, поддержав костариканцев деньгами и людьми. Из Вашингтона с Уокером боролся госсекретарь Марси[157], который стал верным орудием Вандербильта.

Спенсер, Уэбстер и другие солдаты удачи, нанятые Вандербильтом, перекрыли пути с карибского берега, а военный корабль «Сент-Мерис» под командованием капитана Дэвиса[158] был отправлен к Сан-Хуану на атлантическом берегу. Капитану Дэвису дали инструкции помочь союзникам изгнать Уокера из Никарагуа. Уокер заявил, что эти приказы были даны Марси Вандербильтом, а Марси передал их своему другу, коммодору Мервину[159], а тот уже донёс их до Дэвиса. Дэвис заявил, что он действует исключительно в интересах человеколюбия и хочет спасти Уокера. Уокер, войска которого поредели от вражеской стрельбы, лихорадки и дезертирства, укрылся в Ривасе, который осадили союзнические армии. В городе не было ни куска хлеба. Люди ели корм для лошадей и мулов. Не было соли. Больница была переполнена ранеными и лихорадочными.

Капитан Дэвис во имя человеколюбия потребовал, чтобы Уокер сдался США. Уокер сказал, что сдаваться не будет, но когда придёт время бежать, он сделает это на своей небольшой шхуне «Гранада», которая составляла весь его флот, и, как свободный человек, поплывёт куда ему угодно. Затем Дэвис сообщил Уокеру, что войско, которое Уокер отправил, чтобы отбить Грейтаун, разгромлено янычарами Вандербильта; что пароходы из Сан-Франциско, которые везли Уокеру пополнение, тоже сняты с линии, и что, наконец, у него есть «неизменное и осознанное намерение» захватить «Гранаду». Последний пункт он выполнил. «Гранада» была последним транспортом Уокера. Он надеялся сделать вылазку, сесть на корабль и бежать из страны. Но без корабля, без возможности дальше выдерживать осаду союзников ему оставалось только сдаться войскам США. Уокер договорился с Дэвисом об уходе за больными и ранеными, о защите после его отъезда местных жителей, которые воевали вместе с ним, и о перевозке в США себя и своих офицеров.

При появлении в Нью-Йорке он был встречен так, как позже встречали Кошута, а в наши дни адмирала Дьюи. Город был украшен флагами, повсюду в его честь устраивались банкеты, торжества, публичные собрания. Уокер сдержанно относился к

этим проявлениям радости и при каждом удобном случае объявлял, что хочет вернуться в страну, президентом которой он являлся и из которой его насильно выдворили. В Вашингтоне, куда он приехал сделать свои заявления, он не получил большой поддержки. Его протест против капитана Дэвиса был отослан в Конгресс, где благополучно заглох.

За месяц Уокер организовал экспедицию, чтобы вернуться в Никарагуа, и, поскольку в новой конституции этой страны он аннулировал закон о запрете рабства, он нашёл у рабовладельцев Юга достаточно денег и новобранцев, чтобы тут же уехать из США. С отрядом в сто пятьдесят человек он отплыл из Сан-Франциско и высадился в Сан-дель-Норте на карибском берегу. Пока он устраивал лагерь на берегу реки Сан-Хуан, один из его офицеров поднялся вверх по реке с пятьюдесятью людьми и, захватив город Кастильо-Вехьо и четыре парохода компании «Эксессори Транзит», почти овладел всеми сообщениями. В этот момент на сцене появился фрегат «Уобаш» и Хайрем Полдинг[160], который высадил войско из трёхсот пятидесяти матросов с гаубицами и повернул пушки фрегата на лагерь президента Никарагуа. Капитан Энджел, который представил Уокеру условия сдачи, сказал ему: «Генерал, мне жаль видеть вас здесь. Такой человек, как вы, должен командовать более достойными людьми». Уокер мрачно ответил: «Если бы у меня была хотя бы треть от того числа, которое имеете вы, я бы вам показал, кто из нас командует более достойными людьми».

Третий раз в своей жизни Уокер сдался вооружённым силам собственной страны.

По прибытии в США Уокер, держа слово, данное Полдингу, сразу же появился в Вашингтоне как военнопленный. Но, хотя Полдинг сообщил о действиях Уокера, президент Бьюкенен[161], не подтвердил полномочия Полдинга, и своём послании Конгрессу заявил, что этот офицер совершил большую ошибку и создал опасный прецедент.

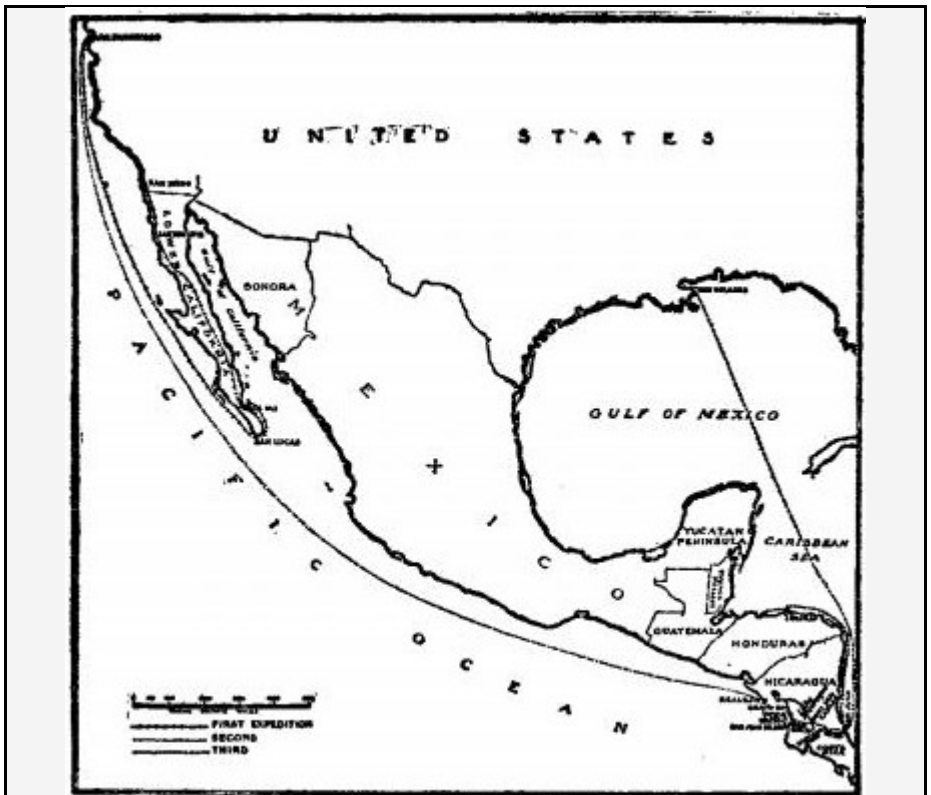
Уокер потребовал, чтобы правительство США возместило его убытки и чтобы оно обеспечило перевозку его и его офицеров прямо к тому лагерю, из которого его забрали. Как и предвидел Уокер, это требование не было принято всерьёз, и с войском в сто человек, среди которых было много его старых соратников, он снова отплыл из Нового Орлеана. Чтобы помешать его возвращению, сейчас с каждой стороны перешейка стояли американские и британские военные корабли, поэтому Уокер, желая достичь Никарагуа по суше, остановился в Гондурасе. В войне с Уокером гондурасцы были столь же неистовы в атаках, как костариканцы. Когда после высадки Уокер обнаружил, что его

бывшие враги погружены в революцию, он заявил, что встаёт на сторону слабейшего, и занял морской порт Трухильо. Вскоре после этого в гавани бросил якорь британский корабль «Икарус», и его командир, капитан Салмон заметил Уокеру, что британское правительство имеет свою долю от доходов этого порта и что для защиты интересов его правительства он намерен занять город. Уокер ответил, что он сделал Трухильо свободным портом и что заявления Великобритании больше недействительны.

Британский офицер сказал, что если Уокер и его люди сдадутся ему, то их отправят в США как пленников, а если они не сдадутся, то он будет бомбардировать город. В это время генерал Альварес и его семьсот гондурасцев окружили Трухильо с суши и приготовились нападать. Против таких сил, окруживших его и с моря, и с суши, Уокер был бессилен и решил бежать. Той же ночью он с семьюдесятью людьми оставил город и двинулся в сторону Никарагуа. «Икарус», взяв Альвареса на борт, пустился в погоню. Салмон обнаружил президента Никарагуа в индейской рыбацкой деревушке и отправил на берег шлюпку с требованием сдаться. Уходя из Трухильо, Уокер был вынужден бросить боеприпасы, кроме тридцати патронов на человека, и всю еду, кроме двух бочек с сухарями. На побережье континента нет места более нездорового, чем Гондурас, и когда англичанин пришёл в рыбацкую деревушку, он увидел, что люди Уокера лежат в пальмовых хижинах, охваченные лихорадкой, не имея сил сражаться с британскими матросами, с которыми они даже не ссорились. Уокер уточнил у Салмона, просил ли тот его сдаться британским войскам или же гондурасским, и Салмон дважды «явно и определённо» уверил, что войскам Его Величества. После таких слов Уокер и его люди сложили оружие и взошли на борт «Икаруса». Но по прибытии в Трухильо, несмотря на их протесты и требование британского суда, Салмон передал пленников гондурасскому генералу. Как сейчас потомки Салмона оправдывают его поступок, я не знаю.

Может быть, они уклоняются от этой темы, и версию Салмона мы никогда не услышим, что, пожалуй, несправедливо. Но факт остаётся фактом: он передал своих белых братьев на милость полу-индейцам, полу-неграм, дикарям, которые не были союзниками Великобритании и распри которых были не важны для Великобритании. И Салмон сделал так, зная, что исход может быть только один. Если же он не знал, то его глупость равняется его бессердечности. Салмон хотел использовать своё влияние, чтобы ходатайствовать о помиловании лидера и его верного последователя, полковника Рудлера из знаменитой Фаланги, если Уокер попросит об этом как американский гражданин. Но Уокер,

уважая страну, за которую он сражался и жители которой отдали ему свои голоса, отказался спасать жизнь именем той страны, в которой родился и которая его оскорбила и отвергла.



Routes of Walker's Three Filibustering Expeditions

Пути трёх флибустьерских экспедиций Уокера

Даже на пороге смерти, брошенный на полоске земли среди ярких кораллов и зловонных болот, окружённый только врагами, он остался верен своим идеалам.

В тридцать семь жизнь так приятна, многое ещё кажется возможным, и если бы жизнь Уокера была пощажена, он бы увидел более великие завоевания, новый Никарагуанский канал, сеть железных дорог, огромную эскадру торговых судов и самого себя императором Центральной Америки. Но молодой человек с золотыми галунами мог оказать эту услугу только при том условии, если Уокер обратится к нему как американец. Ему было недостаточно того, что Уокер был человеком. Уокера такое условие не устраивало.

«Президент Никарагуа, — сказал он, — это гражданин

Никарагуа».

На рассвете его вывели на песчаный пляж, и когда священник поднял крест, он обратился к своим палачам, просто и серьёзно: «Я умираю как католик. Я был неправ, что пошёл на вас войной по приглашению жителей Роатана[162]. Я прошу у вас прощения. Я со смирением принимаю своё наказание. Я бы хотел думать, что моя смерть станет добром для общества».

Три солдата выстрелили в него с расстояния в двадцать футов, но, хотя каждый выстрел попал в цель, Уокер остался жив. Поэтому сержант наклонился и из пистолета добил человека, который мог бы сделать его жителем империи рабовладельцев.

Если бы Уокер прожил ещё четыре года и применил бы свои способности на полях Гражданской войны, я думаю, он занял бы место в ряду величайших военачальников Америки.

И только потому, что люди его собственной эпохи уничтожили Уокера, нет причин, почему мы должны умалчивать об этом гениальном американце, величайшем из всех флибустьеров.

VI. Майор Бёрнхем, глава скаутов

Среди солдат удачи, о которых говорится в этой книге, есть те, кто прожили недолго, те, кто не были американцами, те, кто интересны, в основном, попытками или провалами.

Герой этой статьи совсем другой. Его приключения столь же замечательны, как приключение всякого мальчика, который ищет клад, закопанный за сараем, или выслеживает индейцев в своём саду. Но, помимо приключений, он привлекает наше внимание потому, что он не знал провалов, потому, что он принадлежит к нашему народу, к раннему и лучшему типу американцев, и потому, что до сих пор избежал смерти и сейчас, в добром здравии, занят в Мексике исследованием затерянного города. А вперемежку с этим он гоняется за индейцами яки, или они за ним гоняются.

Дома в Пасадене в штате Калифорния, где он иногда отдыхает почти неделю подряд, соседи знают его как Фреда Бёрнхема[163]. Английские газеты дали ему титул «Короля скаутов». Позднее, когда ему дали официальную награду, его стали называть «Майор Фредерик Рассел Бёрнхем, кавалер ордена "За выдающиеся заслуги"».

Одни рождаются скаутами, другие становятся скаутами после тренировки. От своего отца Бёрнхем унаследовал инстинкт выживания в лесу. К этому инстинкту, который был в нём так же силён, как в олене или в пуме, он добавил образование, полученное в течение долгих лет в самых тяжёлых, безжалостных условиях джунглей, прерий и гор. Эти годы он учился терпеть самые страшные усталость, голод, жажду и раны. Он выучил мозг бесконечному терпению, а каждый нерв своего тела, даже своё сердце — абсолютному повиновению. Я не знаю людей, кроме Бёрнхема, которые предавались своей работе с такой серьёзностью, такой честностью и такой целеустремлённостью. Его скаутинг — это именно наука, как игра на фортепьяно для Падеревского[164], и как Падеревский недостижим для других пианистов, так и этот американец недостижим для других охотников, лесных жителей и скаутов. Он читает природу, как вы читаете утреннюю газету. Для него движение ушей его коня такой же простой знак, как для вас автомобильный сигнал, и поэтому он может спасти из засады целый отряд. Он, как животное, может учуять близкое присутствие воды, а там, где вы увидите лишь скучный холмик, он разглядит тулью бурского сомбреро и дуло маузера. Он Шерлок Холмс дикой природы.

Он не только скаут, он также солдат, охотник, старатель и

исследователь. Через десять лет тот инстинкт, который вёл его по тропе индейцев или кафров, сделал его экспертом по поиску медных, серебряных и золотых месторождений. Согласуясь с его советами, крупные синдикаты покупают или не покупают участки земли в Африке и Мексике, такие же огромные, как штат Нью-Йорк. В последние несколько лет в ходе экспедиций в неизведанные земли он как исследователь прибавил к нашему маленькому миру многие тысячи квадратных миль.

Бёрнхем совершенно не похож на вымышленных скаутов из «Шоу Дикого Запада»[165]. Он не носит длинных волос, не употребляет слов, вроде «мексикашка» или «краснокожий». На самом деле, он очень много знает, он образован гораздо лучше многих людей, которые закончили «большую тройку» университетов[166], и говорит на обычном английском, как будто живёт возле «Бостон Коммон»[167], а не на границе цивилизации.

По внешнему виду он худощавый, мускулистый, загорелый, с прекрасно сформированной квадратной челюстью и замечательными голубыми глазами. Эти глаза как будто никогда не отрываются от вас, но в действительности они осматривают всё вокруг вас и позади вас, внизу и вверху. Говорят, что однажды, будучи с патрулём в вельде, он сказал, что потерял след, спешился и начал ползать на четвереньках, нюхая землю, как ищейка, и выискивая тропу, которая снова вывела бы патруль на дорогу, к основным войскам. Когда командир подскакал к нему, Бёрнхем сказал:

«Не поднимайте голову. На том холмике справа бурские коммандос».

«Когда вы их увидели?» — спросил офицер.

«Сразу же», — ответил Бёрнхем.

«Но я думал, что вы ищете потерянный след».

«Это чтобы буры на холмике так подумали», — сказал Бёрнхем.

Зрачки в его глазах очень маленькие, как в глазах животных, которые видят в темноте. Это заметно даже на фотографиях, приложенных к этой книге, а в том, что он может видеть в темноте, твёрдо уверены кафры Южной Африки. По поведению он спокойный, вежливый и очень скромный, хотя в нём нет робости. Лучшее доказательство его скромности — это те сложности, которые я встретил, собирая материал для этой статьи, причём сборы растянулись на пять лет. И даже сейчас я вижу, как он читает статью при свете костра и чувствует неловкость.

Отец Бёрнхема был пионером и миссионером в деревушке Тиволи на границе с индейской резервацией в Миннесоте. Это был суровый, очень религиозный человек, уроженец Кентукки,

получивший образование в Нью-Йорке, где он закончил теологическую семинарию. Он замечательно владел навыками выживания в лесу. Матерью Бёрнхема была мисс Ребекка Рассел из хорошо известной в Айове семьи. Она была женщиной большой храбрости, которая в те дни, на том перекрёстке цивилизаций была крайне необходимым качеством. Одновременно она имела самый добрый и приятный характер. Такой характер она подарила своему сыну Фреду, который родился 11 мая 1861 года.

Его образование включало заучивание множества библейских стихов, «три R»[168] и навыки выживания в лесу. Младенцем он видел, как горит город Нью-Алм, который стал погребальным костром для женщин и детей, убитых Красным Облаком[169] и его воинами.

В другой раз его мать спасалась от индейцев, унося сына с собой. Он был тяжёлым мальчиком, и она, зная, что их поймают, если они попытаются бежать вместе, спрятала его в копне кукурузы. Когда на следующее утро индейцы ушли, она обнаружила, что её сын спит крепко, как ночной сторож. Во время индейских войн и последовавшей Гражданской войны из семей Бёрнхемов и Расселов погибло двадцать два человека. Несомненно, Бёрнхем был военным по рождению.

В 1870 году, когда Фреду было девять лет, его отец переехал в Лос-Анджелес, где умер через два года. Некоторое время мать с сыном бедствовали, перебивались тяжёлой работой. Чтобы облегчить положение, Бёрнхем работал как горный курьер. Часто он проводил в седле двенадцать-пятнадцать часов, и даже там, где все хорошо ездили на лошадях, прославился как отличный всадник. Через несколько лет добрый дядюшка предложил миссис Бёрнхем и её младшему брату переехать на Восток, а Фред в последний момент отказался ехать с ними, чтобы идти по своему собственному пути. Тогда ему было тринадцать лет, и он уже решил стать скаутом.

В том особом возрасте многие мальчики убегают, чтобы стать скаутами, и, в основном, на следующее утро полисмен приводит их домой. Но Бёрнхем, отказавшись от жизни в больших городах, не раскаялся. Он объездил Мексику, Аризону, Калифорнию. Он встречался с индейцами, бандитами, старателями, охотниками, добывающими самую разную добычу. Наконец, под началом генерала Тейлора[170] служил скаутом во время Мексиканской войны. Этот человек принял участие в мальчике и оказал на него хорошее влияние. Он был очень образован и привнёс в дикую жизнь Бёрнхема несколько книг. В его хижине Бёрнхем прочитал «Завоевание Мексики и Перу» Прескотта[171], биографии

Ганнибала и Кира Великого, биографию путешественника Ливингстона, которая впервые заставила его задуматься об Африке, и первые книги по военной тактике и стратегии. Он не участвовал в крупных военных операциях, но с помощью ветерана Мексиканской войны на песке у порога его хижины строил форты из кукурузных початков, создавал траншеи, редуты и траверсы. Наверное, в жизни Бёрнхема это был самый счастливый период. Охотничью дичь он продавал служащим компании «Нэдиан», которые в те дни добывали в Серро-Гордо[172] серебро для человека, известного сейчас как сенатор Джонс[173] из Невады.

В девятнадцать лет Бёрнхем решил, что в мире есть такие вещи, которые нельзя почерпнуть из земли, леса и неба, и с несколькими долларами он отправился на Восток учиться. Очевидно, поездка была неудачной. Атмосфера того города, в который он приехал учиться, была слишком пуританской, а горожане были склонны к религиозным спорам. Сын пионера-миссионера оказался неспособен рассказать о тех доктринах, которые для других были столь существенны, и с самыми горькими чувствами, которые не покидали его до двадцати одного года, он вернулся на Запад.

«Сейчас кажется странным, — однажды сказал он мне, — но в то время религиозные вопросы были большой частью ежедневной жизни, как сейчас автомобили, «Стандарт Ойл» и страховые скандалы, и когда я приехал на Запад, я был расстроен и озадачен. Проблема была в том, что у меня не было моральной опоры. Старые моральные принципы, которую я получил от отца, не помогали, а время для новых ещё не пришло». Эта обида, разочарование, это состояние ума, которое вызвали в юноше догматы города в Новой Англии, привели его к безрассудным поступкам. Для его образа жизни это не было помехой. Юношей он находился под пулями в земельной войне в Калифорнии, и пятнадцать лет вёл жизнь, полную опасностей и подвигов. Он учился в такой школе, лучше которой для скаута не найти, если удалось выжить. Бёрнхем вышел из неё спокойным, мужественным джентльменом. За эти пятнадцать лет он объездил Запад от Великого водораздела[174] до Мексики. Он сражался с индейцами апачи за водные источники, он охранял дилижансы с золотыми слитками, целыми днями гонялся за мексиканскими бандитами и американскими конокрадами, принимал участие в окружных войнах, в войнах за скот. Он был ковбоем, старателем, помощником шерифа, и через некоторое время имя Фреда Бёрнхема стало значительным и хорошо известным.

В этот период Бёрнхем верен своей детской мечте стать скаутом. Для этого недостаточно было просто жить, для этого

нужно было учиться. Он ежедневно воспитывал в себе те навыки, которые однажды могут спасти жизнь ему или другим. Чтобы улучшить своё обоняние, он отказался от курения, которое ему очень нравилось, и вообще от употребления табака. Он приучил себя спать недолго и обходиться небольшим количеством пищи. Когда он был помощником шерифа, привычка к короткому сну очень помогла ему в службе. Иногда он не сразу находил след бандита, и тот получал несколько дней форы. Но исход был всегда одинаков: пока убийца тратил несколько часов на отдых, Бёрнхем бодрствовал и быстро сокращал расстояние между собой и преследуемым.

Само собой разумеется, что он хороший стрелок. Когда ему было восемь, отец отдал ему свою винтовку, а в двенадцать он уже был экспертом и в пистолетах, и в винчестерах. Он научился стрелять и правой, и левой рукой, и в индейском стиле — свешиваясь со своего пони и используя его как прикрытие, поворачиваясь в седле и стреляя назад. Однажды я спросил его, действительно ли он может выстрелить назад, скача галопом, и задеть человека.

«Ну, — сказал он, — может быть, не задеть. Но я могу попасть достаточно близко, чтобы он понял, что моя пони намного быстрее его и что не стоит меня преследовать».

Кроме совершенного владения тем, что он скромно называет «трюками» верховой езды и стрельбы, он знает всё о следах, о лесе и прерии, как матрос знает всё о волнах и облаках. То, как он получает сведения от неодушевлённых предметов и бессловесных животных, кажется почти чудом. Но если вы спросите его, как он получил сведения, он всегда даст вам объяснения, основанные на природных фактах или особенностях, и это покажет, что он натуралист, минералог, геолог и ботаник, а не просто седьмой сын седьмого сына[175].

В Южной Африке он сказал офицерам: «Двенадцать буров на пони басуто[176] скачут рысью в пяти милях от нас и ведут за собой ещё пятерых пони. Если мы поторопимся, то сможем увидеть их через час». Сначала офицеры улыбнулись, но после получасового галопа они видели двенадцать буров, которые ведут пять пони. В старые времена, в Сейлеме Бёрнхема сожгли бы как колдуна.

В двадцать три года он женился на мисс Бланш Блик из Айовы. Они с детства знали друг друга, а её братья были верными компаньонами Бёрнхема в Африке и на Западе. Ни во время женитьбы, ни после миссис Бёрнхем не пыталась обуздать мужа, поэтому в течение девяти лет после свадьбы он продолжал карьеру шерифа, скаута, старателя. А когда в 1893 году Бёрнхем и

его шурин Ингрaм[177] собрались в Южную Африку, миссис Бёрнхем поехала с ними и всегда разделяла жизнь мужа, полную путешествий и опасности.

Первоначальной идеей Бёрнхема для переезда за океан была добыча золота на территории, принадлежащей Германской Восточно-Африканской компании. Но когда в Родезии разразилось восстание матабеле, он спустился по побережью и добровольцем принял участие в кампании. Это было подлинное начало его удач. Эта война не была похожа на сражения с индейцами в его юности, но, хотя это была новая для него страна, приёмы, используемые кафрами под началом короля Лобенгулы[178] и белыми поселенцами Британской Южно-Африканской компании Сесила Родса[179], были ему хорошо знакомы.

Выдающимся людям не нужно много времени, чтобы оценить других выдающихся людей, и замечательная работа Бёрнхема в качестве скаута скоро обращает на себя внимание Родса и доктора Джеймсона, которые лично управляли военной кампанией. Это была их личная война, и для них в том сложном положении, в котором оказались их поселенцы, человек, подобный Бёрнхему, был незаменим.

Главным событием этой кампании, слава о котором облетела всю Великобританию и её колонии, было доблестное, но безнадёжное противостояние майора Алана Уилсона[180] вместе с его патрулём из тридцати четырёх человек. Попытка Бёрнхема спасти этих людей сделала его известным от Булавайо до Кейптауна.

Король Лобенгула и его воины остановились на берегу реки Шангани, а на другом берегу в погоню за ними пустился майор Форбс[181] с отборным войском из трёхсот человек. Хотя тогда он этого не знал, но его тоже преследовали войска матабеле, которые постепенно окружили его. В сумерках майор Уилсон и патруль из двенадцати человек, к которому присоединились Бёрнхем и его шурин Ингрaм, получили приказ сделать вылазку в лагерь Лобенгулы и под прикрытием ужасной грозы, используя эффект внезапности, пленить Лобенгулу.

Белые считали, что после пленения короля восстание утихнет. Четырнадцать человек проскакали галопом через три тысячи матабеле, спящих в своём лагере. Но в темноте было сложно определить фургон короля, и к тому времени, как они его нашли, матабеле подняли тревогу во всё лагере. Враги, вооружённые ассегаями и слоновьими ружьями, напали на них из кустов и отрезали пути к отступлению.

На расстоянии примерно в семьсот ярдов от лагеря был

гигантский термитник, и солдаты поскакали к нему. В свете молний они прокладывали путь через мокрые деревья, по земле, которую дождь превратил в жидкую грязь. Когда они остановились у термитника, то обнаружили, что трое из четырнадцати пропали. Уилсон приказал Бёрнхему, как штатному скауту патруля и единственному, кто умел видеть в темноте, вернуться и найти их. Бёрнхем сказал, что ему нужно ощупывать следы на грязи и что кто-то должен вести его пони. Уилсон сказал, что он сам поведёт. Бёрнхем пальцами нащупал следы одиннадцати лошадей и то место, где под прямым углом отделились трое, а потом нашёл их. Ведомый только грязью в зарослях, он всё-таки привёл их назад, к своим товарищам. Этот подвиг прославил его среди британцев, буров и чернокожих по всей Южной Африке.

Всю ночь солдаты патруля лежали в грязи, придерживая уздечки своих лошадей. Они слышали, как в окружающих зарослях враги хлюпают по грязи, как ветки свистят в воздухе, возвращаясь на место. Всё время шёл дождь. Перед рассветом он услышали голоса и приятный шум солдатского снаряжения. Решив, что к ним идёт колонна, люди из патруля радостно вскочили, но это был второй патруль — двадцать человек под командованием капитана Борроу, которых прислали для подкрепления. Они пришли как раз вовремя, чтобы найти славу и бессмертие. Вскоре после объединения двух отрядов напали кафры, и белые сразу же поняли, что они полностью окружены врагом. Скрытые за деревьями, кафры стреляли в упор, и через короткое время половина солдат Уилсона были ранены или убиты. Когда убили лошадей, солдаты использовали их как бруствер. Никакого укрытия не было. Уилсон позвал Бёрнхема и сказал, что тот должен прорваться через линию врага к Форбсу.

«Скажите ему, чтобы поторопился, — сказал он, — мы долго не выдержим». Для сопровождения Бёрнхема он выделил Инграма и солдата по имени Гудинг. Гудинг был из Лондона и ничего не знал о скаутинге, поэтому Бёрнхем и Инграм предупредили его, чтобы он делал всё в точности, как они, независимо от того, понятны ему причины или нет. Как только трое мужчин ушли, враг наперевес с копьями налетел на солдат. Пять минут их обстреливали из каждого куста. Затем последовала замечательная скачка, в которой Бёрнхему пришлось вспомнить все навыки, которые он получил за тридцать лет жизни. Когда враги бросились за ними, трое мужчин запутывали следы, скрывались в оврагах, чтобы дать лошадям отдышаться. Они разъезжались, снова объединялись и снова разъезжались. Враги преследовали их до самого берега реки, которую солдатам пришлось переплывать,

несмотря на бурное течение. Они достигли другого берега реки и увидели, что Форбсу угрожает другое войско матабеле.

«Меня прислали за подкреплением, — сказал Бёрнхем Форбсу, — но думаю, что из того отряда выжили только мы». Форбс сам был в большой опасности и не мог помочь Уилсону, и Бёрнхем занял место в строю, чтобы воевать с новым врагом.

Через шесть недель тела солдат из патруля Уилсона были найдены. Каждый из них получил множество огнестрельных ран. Сын Лобенгулы, который участвовал в этом уничтожении и который в Булавайо часто слышал, как англичане поют свой национальный гимн, рассказывал, что последние пять оставшихся в живых вызывающе размахивали своими шляпами и пели «Боже, храни королеву». Об этом событии ещё долго будут петь песни и рассказывать легенды. В Лондоне его представили в двух театрах, и актёра, который играл «Бёрнхема, американского скаута», скачущего за подкреплением, всегда громко приветствовали и в зале, и на сцене.

Хенсман[182] в своей «Истории Родезии» пишет: «Едва ли можно сказать, кто больше достоин восхищения — люди, которые отправились выполнять опасное поручение через заросли, кишащие туземцами, или те, которые остались, чтобы сражаться с превосходящими силами».

Бёрнхем получил медаль за участие в кампании, золотые часы с выгравированными словами благодарности, а по предложению Сесила Родса ему, Инграму и преподобному Морису Клиффорду дали в совместное владение земельный участок в триста акров.

После этой кампании Бёрнхем возглавил экспедицию из десяти белых и семидесяти кафров, чтобы исследовать Баротселенд и другие районы к северу от реки Замбези и Машоналенда и установить границы участка, данного ему, Инграму и Клиффорду.

Чтобы защитить Бёрнхема, Компания подписала договор с туземным королём территории, которую Бёрнхем хотел исследовать. По этому договору король дал разрешение на свободный проход и гарантировал безопасность.

Но сын короля, Латеа отказался признавать договор и отправил большое число своих молодых воинов окружить лагерь Бёрнхема. Бёрнхема проинструктировали, чтобы он избегал боя, и теперь он разрывался между желаниями подчиниться Компании и предотвратить кровопролитие. Он решил принести в жертву или себя, или Латеа. Когда наступила ночь, он с тремя компаньонами и миссионером, который должен был стать очевидцем происходящего, проскользнул через линию людей Латеа и,

разломав забор вокруг хижины принца, появился перед ним с винтовкой.

«Мир или война? — спросил Бёрнхем. — У меня есть гарантия защиты от твоего отца, короля, но твои люди окружили нас. Я сказал своим людям, что если они услышат выстрелы, то пусть открывают огонь. Мы можем все погибнуть, но ты умрёшь первым».

Миссионер тоже призвал Латеа соблюдать договор. Бёрнхем говорил, что принц, кажется, был больше впечатлён аргументами миссионера, чем направленной на него винтовкой. Как бы то ни было, он отозвал своих воинов. В этой экспедиции Бёрнхем открыл руины большого гранитного здания, построенного без цемента. Они датируются дофиникийским периодом. Он также разыскал руины, названные знаменитым охотником Ф. К. Селусом[183] и Райдером Хаггардом[184] «Копями царя Соломона». Он принёс из придуманных Хаггардом копей настоящие золотые украшения и настоящий золотой слиток, что привело писателя в величайший восторг.

В этой же экспедиции, которая длилась пять месяцев, Бёрнхем претерпел самые суровые лишения в своей жизни. Один с десятью слугами-кафрами он отправился в недельное путешествие через пересохший бассейн, который когда-то был большим озером. Его носильщики несли на головах козлиные шкуры с водой. Слуги наши, что груз слишком тяжёлый. Со свойственным их расе оптимизмом они посчитали, что сумеют пополнить запасы по пути и, несмотря на предупреждения Бёрнхема, вылили воду на землю.

За этим бессмысленным расточительством последовали ужасные мучения. Пятеро слуг умерли, а когда через несколько дней Бёрнхем нашёл воду, языки остальных так распухли, что их челюсти не могли закрыться.

Бёрнхем прошёл через район, опустошённый сонной болезнью, где его ноздри заполнял смрад мёртвых тел, где в некоторых деревнях, как описывает Бёрнхем, «гиены заболели от обжорства, а канюки так отъелись, что не могли сдвинуться с нашего пути». Из этого путешествия он принёс множество золотых украшений, сделанных до нашей эры, и нанёс на карту несколько районов. В знак признания за те сведения, которые он собрал в этом путешествии, его избрали в члены Королевского географического общества.

Он вернулся в Родезию как раз тогда, когда началось второе восстание матабеле. Это было в 1896 году. К тому времени Бёрнхем был уже заметной фигурой среди пионеров Булавайо, и сэр Фредерик Каррингтон[185], который командовал войсками,

взял его в свой штаб. Второе восстание было более серьёзным, чем первое, 1893 года, и поскольку Компания не могла с ним справиться, на помощь ей были отправлены имперские войска. Но даже с такой помощью война грозила затянуться до сезона дождей, когда войска должны были пойти на зимние квартиры. Если бы это произошло, то содержание войск легло бы на плечи Компании, а она уже потерпела убытки от разорительных последствий чумы крупного рогатого скота и от расследования, которое произошло после рейда Джеймсона.

Поэтому Каррингтон искал способы, которые привели бы к немедленному окончанию войны.

Молодой колониальный чиновник, комиссар округа Армстронг предложил, что войну можно окончить, уничтожив «бога» или верховного жреца Умлимо, который был главным вдохновителем восстания.

Этот верховный жрец подстрекал восставших убивать женщин и детей и давал им обещания поразить белых солдат слепотой и превратить их пули в воду. Армстронг уже обнаружил секретное убежище Умлимо, и Каррингтон приказал Бёрнхему пересечь вражескую линию, найти бога, схватить его, а если это не получится, то уничтожить.

Это было самое опасное приключение из всех. Умлимо прятался в пещере на вершине высокого холма. У подножья холма находилась деревня, где собрались два полка численностью по тысяче воинов в каждом.

Территория на многие мили вокруг деревни патрулировалась отрядами врага.

Для белого человека шансы достичь пещеры и вернуться были сто к одному. Сложность путешествия иллюстрировалась хотя бы тем фактом, что Бёрнхем и Армстронг не способны были передвигаться быстрее, чем одну милю в час. На последнюю милю они потратили три часа. Когда они достигли пещеры, где скрывался Умлимо, они спрятали своих пони в кустарнике и начали восхождение.

Прямо под ними лежала деревня, такая близкая, что они могли чувствовать запахи готовящейся еды и слышать в жарком полуденном воздухе голоса воинов. Они лежали, недвижные, как гранитные валуны вокруг, или ползли вверх по шатающимся камням, которые могли сорваться и поднять шум в деревне. После часа такого сложного восхождения они неожиданно оказались у пещеры и увидели Умлимо. Бёрнхем понял, что взять его живым в этой крепости будет невозможно, и сомнительно даже, что они сами смогут покинуть это место. Поэтому он, подчиняясь приказу, выстрелил и убил человека, который

хвастался, что может превращать пули врагов в воду. Звук выстрела взбудоражил деревню, как камень, брошенный в муравейник. В одно мгновение вельд под ними почернел от бегущих воинов, и поскольку скрываться больше было нельзя, белые люди вскочили, чтобы бежать, а гневные вопли внизу говорили им, что их заметили. Тогда же две женщины, возвращавшиеся от ручья, где они брали воду, увидели двух пони и побежали, криками поднимая тревогу. Последовавшая погоня длилась два часа, и кафры так заполонили всю территорию, что Бёрнхем не мог двигаться в одном направлении и вынужден был уклоняться, разворачиваться и делать петли. Один раз белые даже вернулись к тому самому холму, с которого началась погоня.

Но в итоге они спаслись от ассегаев и пуль и благополучно прибыли в Булавайо. Этот подвиг был одним из главных причин окончания войны. Матабеле поняв, что их лидер был такой же смертный, как они, что он не мог, несмотря на свои обещания, совершать чудеса в их пользу, пали духом. Когда лично Сесил Родс предложил им мир, они приняли его условия. В тяжёлые дни осады, когда рацион был скуден, от лихорадки и недостатка пищи умерла маленькая дочь Бёрнхема, которая была первым белым ребёнком, родившимся в Булавайо. Эта и другие причины заставили Бёрнхема покинуть Родезию и вернуться в Калифорнию. Возможно, он тогда думал, что никогда больше не приедет в Южную Африку, но, несмотря на его отъезд, память о нём сохранилась.

Бёрнхем не долго оставался в Калифорнии. Сразу же началась охота за золотом на Аляске, и, захваченный старой неугомонностью, он оставил Пасадену с её голубым небом, тропическими растениями и забастовками трамваев ради новых, необжитых земель Клондайка. Бёрнхема всегда привлекали места, которые находятся в становлении, а не те, в которых уже всё установилось. Он участвовал в создании нескольких великих сообществ — Аризоны, Калифорнии, Родезии, Аляски и Уганды. Как он сам однажды сказал: «В жизни на фронтире меня больше всего привлекает созидательная сторона, строительство страны, где можно видеть силу белого человека. Когда место уже освоено, оно мне не очень нравится».

На Аляске он провёл большую разведочную работу, и на санях с двумя собаками двадцать четыре дня боролся против снега и льда, покрыв шестьсот миль. На Аляске его сопровождала удача, но он остался недоволен этой страной, потому что она помешала ему сражаться против Испании. Когда была объявлена война, он находился в дикой глуши и ничего о ней не знал. Хотя по возвращении в цивилизацию он телеграфировал полковнику

Рузвельту о желании вступить в отряд «Мужественные всадники» и сразу же отправился на юг, война кончилась, едва он успел доехать до Сиэтла.

Несколько раз он говорил мне о том, как горько жалеет, что ему не выпало шанса сражаться за свою страну. То, что он дважды служил в английских войсках, рождало в нём ещё большее желание показать верность своему народу.

То, что его взяли бы в «Мужественные всадники», становится понятно из публично выраженного мнения президента Рузвельта о Бёрнхеме.

«Я знаю Бёрнхема, — написал президент в 1901 году. — Он смелый и способный скаут и охотник, человек, не знающий страха, меткий стрелок и настоящий боец. Он идеальный скаут, и на военной службе в любой стране он принесёт много пользы».

Бёрнхем скоро подтвердил правдивость этих слов.

В 1899 году он вернулся на Клондайк, а до января 1900 года провёл шесть месяцев в Скагуэе[186]. В том же месяце лорд Робертс отплыл в Кейптаун, чтобы принять командование армией, а в его штабе был бывший командир Бёрнхема сэр Фредерик — теперь лорд — Каррингтон. Однажды ночью, когда корабль стоял в Бискайском заливе, Каррингтон рассказал о Бёрнхеме и привёл несколько примеров его необыкновенных способностей следопыта.

«Он лучший скаут, который был у нас в Южной Африке», — заявил он.

«Тогда почему мы не зовём его обратно?» — сказал Робертс.

Что произошло потом, хорошо известно.

Из Гибралтара в Скагуэй была отправлена телеграмма, в которой Бёрнхему предлагалось занять специально созданный для него пост — главы скаутов британской действующей армии.

Наверное, никогда в военной истории ни один народ не оказывал такого уважения способностям человека из другого народа.

Интересно продолжение. Телеграмма плыла в Скагуэй на пароходе «Сити оф Сиэтл». Стюард оставил её на почтовой станции, и она лежала там два с половиной часа, до тех пор, пока пароход не должен был отправляться обратно. Потом Бёрнхем спросил о своей почте и получил телеграмму. Через два с половиной часа он уже был на пароходе с семьёй и имуществом и начал своё полукругосветное путешествие из Аляски в Кейптаун.

Скагуэйская газета от 5 января 1900 года, опубликованная на следующий день после отплытия Бёрнхема, описывает его характер. После рассказа о поспешном отъезде накануне и высокой похвалы, данной «видному скагуэйцу», она добавляет:

«Хотя мистер Бёрнхем с последнего августа жил в Скагуэе, а до этого много месяцев провёл на севере, он мало рассказывал о своём прошлом, и немногие знают, что во всём мире он известен как «американский скаут» в войнах с матабеле».

По понятным причинам человек, который приезжает в Клондайк, много о себе не рассказывает. Но характерно для Бёрнхема, что он прожил там два года, и никто из его товарищей не знал, что он не всегда был старателем, как они, пока британское правительство не вызвало его к себе.

Я был на том же корабле, на котором Бёрнхем провёл вторую часть пути, из Саутгемптона в Кейптаун, и каждый вечер семнадцать вечеров подряд я вместе с другими забрасывал его вопросами. Было интересно видеть, что мой соотечественник настолько соответствует похвалам, которые я раньше слышал в его честь. И его слушателями были не просто доверчивые туристы. Среди тех офицеров, которые каждый вечер собирались вокруг него, были полковник Галитет из египетской кавалерии, командир шотландских разведчиков капитан Фрейзер, капитан Маки из штаба лорда Робертса (все они позднее погибли в бою), полковник сэр Чарльз Хантер из королевских стрелков, майор Багот, майор лорд Дадли и капитан лорд Валентия. Каждый из них участвовал или в войне в Индии и Судане, или в большой охоте, и в вопросах, которые они задавали, чувствовался личный опыт и личные наблюдения.

Обманщик не выдержал бы и одного вечера той проверки, которую они устроили Бёрнхему. Он бы обязательно выдал своё невежество. Они хотели знать, чем отличается пыль, поднятая кавалерией, от пыли, поднятой фургонами, как отличить, прошла ли лошадь рысью или галопом, какие есть способы обработки алмазов, как стрелять и самому не сделаться мишенью… как… почему… что… и снова как…

И больше всего в Бёрнхеме нас восхищало то, что если он чего-то не знал, он сразу же в этом признавался. За два вечера он так завоевал наше расположение, что мы везде следовали за ним. Мы принимали всё, что он нам рассказывал. Мы были готовы верить в летающих лис, в летающих белок, в то, что дикие индейки танцуют кадриль… даже в то, что нельзя спать в лунном свете. Если бы он спросил: «Вы верите в вампиров?» — мы бы воскликнули: «Да». Просьба к скауту на океанском пароходе показать свои способности, конечно, затруднила его.

Как сказал один из британских офицеров: «Это было бы так же честно, как если бы мы высадили капитана этого корабля в пустыне Сахара и попросили его доказать, что он может управлять лайнером».

Бёрнхем был вместе с лордом Робертсом до падения Претории, после чего был отправлен домой.

Во время похода на север он сто раз был внутри бурских лагерей, информируя штаб о продвижении противника. Он дважды попадал в плен и дважды сбегал.

Первый раз он попал в плен, когда пытался предупредить британцев у города Табанчу. Проводя разведку, туманным утром он наткнулся на скрывающихся на берегах реки буров, к которым подходили англичане. Буры передвигались вокруг него и отрезали его от своих. Он должен был выбирать: разрешить англичанам попасть в ловушку или подать им знак и выдать себя. Красным шейным платком, который носят скауты для этих целей, он просигналил приближающимся солдатам, чтобы они уходили, что враг ждёт их. Но в колонне не было авангарда, она не обратила внимание на его знаки и продолжала шагать в засаду, а Бёрнхема тут же взяли в плен. В последовавшем бою он притворился, что получил рану в колено, и так искусно её перевязал, что даже хирурга не смутила бы такая аккуратная повязка. Он сильно хромал и стонал от боли, и его положили в фургон с офицерами, которые на самом деле были ранены и поэтому не так тщательно охранялись. Бёрнхем рассказал им о себе и, поскольку намеревался бежать, обещал передать от их имени какое-нибудь сообщение в штаб или их подчинённым. Так как в двадцати ярдах от этого фургона была охрана, офицеры сказали ему, что побег невозможен. Он доказал обратное. Фургон тянули шестнадцать быков, которыми управлял слуга-кафр. Поздно вечером, когда светила луна, слуга слез со своего сиденья и пошёл вперёд, чтобы разобраться с первой парой быков. Эту-то возможность и ждал Бёрнхем.

Быстро выскользнув через сиденье погонщика, он опустился между двумя коренными к дышлу фургона. Потом он упал между копытами быков на дорогу. Через мгновение фургон проехал над ним, и, пока пыль висела над тропой, он скатился в канаву на обочине и затих.

Через четыре дня он вернулся к британцам, проведя это время в открытом вельде и питаясь одним бисквитом и двумя пригоршнями маиса или индейского зерна, как он называл его.

В другой раз Бёрнхем и его слуга-кафр шли из разведки, и откуда-то выскочившие бурские коммандос заставили их спрятаться в двух огромных муравейниках. Буры разбили лагерь вокруг муравейника и два дня, сами того не подозревая, держали Бёрнхема в плену. Только ночью Бёрнхем и его слуга рискнули вылезти, чтобы вдохнуть свежего воздуха и перекусить. Пять раз Бёрнхема с динамитными шашками посылали взрывать бурские

железнодорожные линии, по которым враг получал продовольствие и боеприпасы. В одной из таких вылазок он чуть не погиб.

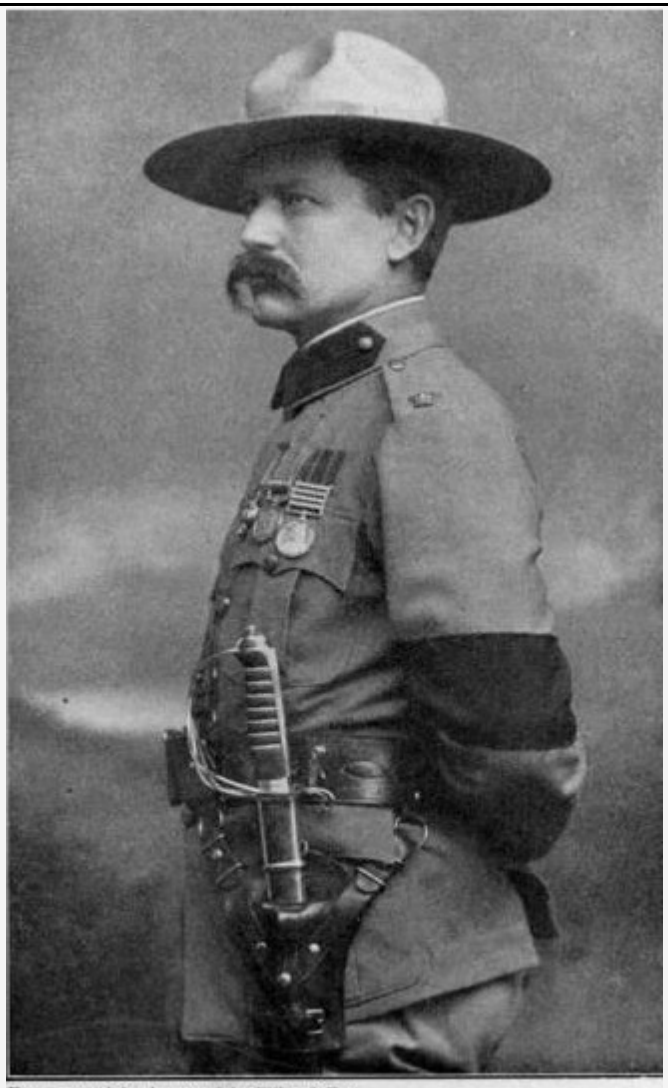
2 июня 1901 года, когда он ночью пытался взорвать линию между Преторией и заливом Делагоа, его окружила группа буров, и он мог спастись только немедленным бегством. Он по-индейски запрыгнул на спину лошади и чуть было не ушёл, но тут пуля попала в лошадь, и лошадь просто рухнула на землю, придавив Бёрнхема, который от удара лишился сознания. Он лежал без сознания двадцать четыре часа, а когда пришёл в себя, и друзья, и враги уже отступили. Самым жестоким образом страдая от травм, но желая выполнить приказ, он подполз к железной дороге и уничтожил её. Зная, что взрыв скоро привлечёт буров, он на четвереньках заполз в пустой крааль, где лежал без чувств два дня и две ночи. В конце он понял, что совсем ослабел и что умрёт, если не найдёт помощи.

Поэтому всё так же на четвереньках он пополз на звуки далёкой стрельбы. Ему было безразлично, свои там или чужие, но, на его удачу, ему попался патруль из бригады генерала Диксона. Патруль отвёз его в Преторию, где хирурги обнаружили, что при падении у него разорвался желудок. Они сообщили ему, что он выжил только потому, что эти три дня ничего не ел. Если бы проглотил хоть кусочек съестного, он бы наверняка умер. Его травмы были столь серьёзны, что его отправили домой.

Когда он покидал армию, он получил такую сердечную благодарность и такие щедрые награды, какие никакой другой американец не получал от британского военного министерства. Он был повышен до майора, ему вручили крупную сумму денег, а лорд Робертс написал ему письмо с выражением личной признательности.

В частности, фельдмаршал написал: «Я сомневаюсь, смог бы ещё кто-нибудь провести такие успешные операции, которыми вы занимались. Операции, требующие серьёзной подготовки наряду с исключительной храбростью, предусмотрительностью и выносливостью». По прибытии в Англию его пригласили на обед к королеве, и он провёл вечер в Осборне[187], а через несколько месяцев после смерти королевы король Эдуард[188] наградил его Королевской медалью Южной Африки и орденом «За выдающиеся заслуги». Пока Бёрнхем поправлялся, он вместе с миссис Бёрнхем проехал по всей стране — от дома к дому. Он был почётным гостем на городских банкетах, он участвовал в охоте в замке Бельвуар герцога Ратленда[189], а в Шотландии охотился за рябчиками. Но через шесть месяцев он снова уехал, на этот раз во внутренние районы Ашанти на западном побережье Африки, где

он искал месторождения золота.



From a copyright photograph by Elliott & Fry.

Major F. R. Burnham.

Taken on the day the King decorated him with the D.S.O. (Distinguished Service Order).

Майор Ф. Р. Бёрнхем, фотография сделана в день вручения королём ордена «За выдающиеся заслуги»

Со своим шурином Д. Ч. Бликом[190] он прошёл и проплыл тысячу двести миль и исследовал реку Вольту, в то время такую необжитую, что в течение одного дня своего путешествия они насчитали одиннадцать гиппопотамов. В июле 1901 года он

вернулся из Ашанти. А несколько месяцев спустя неизвестный, но восторженный поклонник сделал запрос в Палату общин от имени майора Бёрнхема, который якобы желает стать инструктором скаутов в Олдершоте. Такой должности не существовало, и Бёрнхем никогда не просил никакой должности. Он писал в «Таймс»: «Я не считаю, что имею право учить британцев воевать или работать с офицерами, которые сражались во всех концах света. Запрос в парламент был сделан без моего ведома, и я глубоко сожалею, что такое произошло». Через несколько месяцев с миссис Бёрнхем и младшим сыном Брюсом он отправился в путешествие по Восточной Африке как директор Восточно-Африканского синдиката.

Во время его пребывания здесь «Африкан Ревью» писала о нём: «Даже если Восточная Африка не станет владением Англии, своим процветанием она будет обязана небольшой группе храбрецов, которые столкнулись с лишениями и опасностями, открывая её скрытые богатства. Майор Бёрнхем был выбран людьми из Англии, Ирландии, США и Южной Африки за свои превосходные качества, которые и определили выбор в его пользу. Это скромный, вежливый майор в последнюю очередь похож на героя, но лучшего друга и более достойного для службы человека нельзя найти на всех пяти континентах».

Бёрнхем исследовал участок земли, по размеру превышающий Германию, проник вглубь территории, где ранее никогда не бывали белые люди, дошёл до границ бассейна реки Конго. С ним были двадцать белых и пятьсот туземцев. Самый интересный результат экспедиции — открытие озера площадью сорок девять миль, почти полностью состоящего из карбоната натрия. Он формирует настолько твёрдую, похожую на снег корку, что люди могут пересечь по ней озеро.

Озеро очень большое, и когда построят железную дорогу — сейчас Угандийская железная дорога отдалена от него на расстояние восемьдесят восемь миль — это будет самое ценное месторождение карбоната натрия в мире.

Год спустя, по предложению выдающегося горного инженера Джона Хейса Хеммонда[191], известного и в нашей стране, и в Южной Африке, Бёрнхем отправился в мексиканский штат Сонора, чтобы найти затерянный город и открыть медные и серебряные месторождения.

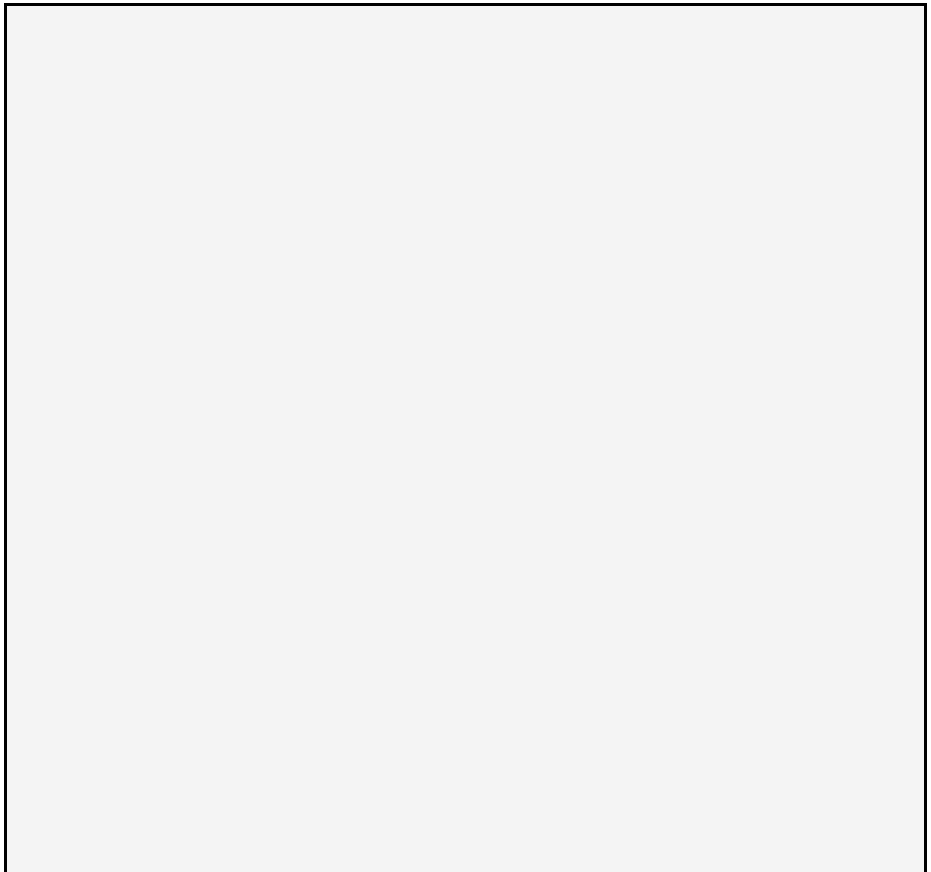
Кроме поиска месторождений, Хеммонд и Бёрнхем вместе с Гарднером Уильямсом[192], который тоже разбогател в Южной Африке, работали над планом перемещения за собственный счёт нескольких видов оленей из Южной Африки в нашу страну.

Южноафриканский олень — это выносливое животное,

которое может жить там, где не может жить американский олень. Смысл его перемещения в том, чтобы сохранить в нашей стране крупную дичь для охоты. Они просили Конгресс выделить для этих животных места в заповедниках. Конгресс уже проголосовал за этот план стоимостью 15000 долларов, и президента Рузвельт горячо его поддержал.

Мы не смогли бы найти лучшую компанию для Бёрнхема, чем компанию Хеммонда и Гарднера Уильямса. Из всех американцев, которые бывали в Британской Африке, она может по праву гордиться этой тройкой. Такие люди за границей очень полезны для своей родины. Они настоящие послы своей страны.

Последнее, что я знаю о Бёрнхеме, рассказал мне снимок, приложенный к этой статье, где Бёрнхем сидит босиком на берегу реки Яки и, может быть, скрывается от индейцев. Снимок пришёл месяц назад вместе с письмом, в котором коротко говорилось, что он был сделан тогда, когда участники экспедиции «хотели охладиться». На этом рассказ заканчивался. Нам кажется правильным оставить Бёрнхема там, где его ждут новые приключения.



Latest Portrait of Burnham.

Taken this year in Mexico by a member of his expedition along the Yaqui River.

Последний портрет Бёрнхема, фотография сделана в этом году в Мексике участником его экспедиции по реке Яки

А пока можно вспомнить о миссис Бёрнхем, которая ведёт домашнее хозяйство в Пасадене и ждёт своего мужа из Мексики, и о его сыне Родерике, который учился навыкам выживания в лесу у своего отца, лесоводству у Гиффорда Пинчота[193], а теперь играет правым защитником в команде первокурсников Университета Калифорнии.

Но самого Бёрнхема мы оставим, когда он «охлаждается» на берегах реки Яки, а в это время за ним, может быть, охотятся индейцы. Но мы не будем за него волноваться. Мы знаем, что они его никогда не поймают.

notes

Примечания

1

Наполеон III Бонапарт (Шарль Луи Наполеон Бонапарт; 1808–1873) — президент Франции в 1848–1852 годах, император Франции в 1852–1870 годах. Племянник Наполеона I.

2

Годы жизни: 1841–1907.

3

Восстание сипаев — антибританский мятеж индийских солдат в 1857–1859 годах.

4

Джузеппе Гарибальди (1807–1882) — итальянский государственный деятель, один из лидеров борьбы за объединение Италии.

5

Дон Карлос Младший (1848–1909) — претендент на испанский престол, развязал вторую карлистскую войну (1872–1876).

6

Максимилиан I Габсбург (1832–1867) — австрийский эрцгерцог, император Мексики в 1864–1867 годах. Возведён на престол при поддержке Наполеона III.

7

Хедив (хедива, хедиф) — титул вице-султана Египта, существовавший в период зависимости Египта от Турции (1867–1914).

8

Милан Обренович (1854–1901) — сербский политический деятель, в 1868–1882 годах князь Милан IV, в 1882–1889 годах король Милан I.

9

У. Д. Лестрендж. Под четырнадцатью флагами. — Лондон: Тинсли Бразерс, 1884.

10

Томас Джонатан Джексон по прозвищу Стонуолл (Каменная стена) (1824–1863) — американский военачальник, генерал армии Юга.

11

Джеймс Юэлл Браун Стюарт (1833–1864) — американский военачальник, генерал армии Юга.

12

Беннет Гордон Бёрли (1840–1914) — английский журналист.

13

Эдуард Фредерик Найт (1852–1925) — английский журналист.

14

В XIX веке в США слово «флибустьер» означало не морских пиратов, как в XVIII веке и ранее, а людей, которые возглавляли нерегулярные военные формирования и захватывали чужие территории. Двое из героев этой книги — Макивер и Уокер — именуются флибустьерами именно в этом смысле. Переводчик решил оставить это слово, потому что «авантюрист» имеет более широкое значение.

15

Стивен Бонсал (1865–1951) — американский журналист и дипломат. Бонсал, Дэвис и Артур Брисбейн (1864–1936) были известны как «Три мушкетёра журналистики».

16

Всемирная выставка в Сент-Луисе проходила в мае-ноябре 1904 года.

17

Эдуард Генри Стэнли, граф Дерби (1826–1893) — британский государственный деятель, в 1882–1885 годах министр по делам колоний.

18

Джордж Фредерик Сэмюэль Робинсон, маркиз Рипон (1827–1909) — британский государственный деятель, в 1880–1884 годах генерал-губернатор (вице-король) Индии.

19

Окленд Колвин (1838–1908) — британский чиновник в Индии и Египте.

20

Филип Генри Шеридан (1831–1888) — американский военачальник, генерал армии Севера.

21

Линдер Старр Джеймсон (1853–1917) — британский колониальный чиновник в Южной Африке. Совершил неудачное военное вторжение в бурскую Трансваальскую республику, известное как «рейд Джеймсона». Рейд вдохновил Редьярда Киплинга на написание стихотворения «Если».

22

Фредерик (Уильям Адольф) Райт-Брюс (1814–1867) — британский дипломат, в 1865–1867 годах посол в США.

23

Джефферсон Финис Дэвис (1808–1889) — американский государственный деятель, первый и единственный президент Конфедеративных Штатов Америки.

24

Джуда Филип Бенджамин (1811–1884) — американский государственный деятель, в 1861–1865 годах госсекретарь Конфедеративных Штатов Америки.

25

«Ветераны Конфедерации» — организация бывших солдат армии Юга, основана в 1889 году.

26

Эдмунд Кирби Смит (1824–1893) — американский военачальник, генерал армии Юга.

27

Маркус Джозеф Райт (1831–1922) — американский адвокат и военачальник, генерал армии Юга. После войны был сотрудником военного министерства США.

28

Педру II (1825–1891) — император Бразилии в 1831–1889 годах.

29

Тадеус Фелпс Мотт (1831–1894) — американский авантюрист и наёмник.

30

Исмаил-Паша (1830–1895) — правитель Египта в 1863–1879 годах.

31

Чарльз Померой Стоун (1824–1887) — американский военачальник, служил на египетской службе.

32

Антуан Альфред Эжен Шанзи (1823–1883) — французский военачальник.

33

Наталья Обренович (1859–1941) — жена Милана Обреновича, по матери принадлежала к румынскому роду Стурдза.

34

Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) — российский военачальник, в 1876 году главнокомандующий сербской армией.

35

Орден Таковского креста — государственная награда Княжества, затем Королевства Сербия, учреждена в 1865 году.

36

Джеймс Льюис Фарли (1823–1885) — английский публицист.

37

«Лига помощи христианам в Турции» основана Д. Л. Фарли в 1875 году.

38

Всемирная выставка в Джеймстауне проходила в апреле-ноябре 1907 года.

39

Годы жизни: 1854–1898.

40

Джон Холдейн Флаглер (1836–1926) — американский бизнесмен, отец второй жены Хардена-Хикки.

41

Жорж Эжен Осман (1809–1891) — французский государственный деятель и градостроитель. Под его руководством в 1853–1870 годах произошла перестройка парижских улиц.

42

Эмиль Лубе (1838–1929) — французский государственный деятель, президент Франции в 1899–1906 годах.

43

Арман Фальер (1841–1931) — французский государственный деятель, президент Франции в 1906–1913 годах.

44

«Император сидел в ящике ночью». — Источник цитаты не найден.

45

Кора Перл (Эмма Элизабет Крауч, 1835/1842-1886) — английская куртизанка, дама парижского полусвета.

46

Луи Адольф Тьер (1797–1877) — французский государственный деятель и историк.

47

Шарль Огюст Жозеф Луи де Морни (1811–1865) — французский государственный деятель и финансист, сводный брат Наполеона III.

48

Франсуа Сертен Канробер (1809–1895) — французский военачальник.

49

Генрих (Анри), герцог Бордоский, граф де Шамбор (1820–1883) — претендент на французский престол из рода Бурбонов.

50

Орельен Шолл (1833–1902) — французский писатель и журналист.

51

Жан Мореас (1856–1910) — французский поэт-символист и критик.

52

Остров Тринидад, точнее Триндади, входящий в архипелаг Триндади и Мартин-Вас и расположенный в южной части Атлантики, не следует путать с островом Тринидад, расположенным в Карибском море, о чём автор пишет далее.

53

Эдмунд Галлей (1656–1742) — английский астроном, математик и геофизик. В 1698 году исследовал Южную Атлантику, командуя парусником «Парамор».

54

Эдуард Уильям Кемпбелл Рич Оуэн (1771–1849) — британский флотоводец.

55

Александр Далримпл (1737–1808) — британской географ и гидрограф.

Так в книге.

57

Фредерик Марриет (1792–1848) — английский писатель, автор приключенческих романов.

Путаница с княжеством и королевством — на совести автора.

59

Великий канцлер, министр иностранных дел граф де ла Буасье.

60

Золотой треугольник на красном поле.

61

Новой жизнью и искать новые ощущения.

62

Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, выраженная президентом США Джеймсом Монро (1758–1831), идея провозглашения обеих частей американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации («Америка для американцев»).

63

Ричард Олни (1835–1917) — американский государственный деятель, в 1895–1897 госсекретарь США.

Канцелярия Княжества Тринидад.

65

Генри Пен Дюбуа (1858–1906) — американский журналист и переводчик.

66

Сэнфорд Баллард Доул (1844–1926) — гавайский государственный деятель, возглавлял Республику Гавайи в 1893–1900 годах, до присоединения Гавайев к США.

67

Лилиуокалани (1838–1917) — королева Гавайев в 1891–1893 годах, свергнута в результате переворота.

68

Гарольд Фредерик (1856–1898) — американский журналист и писатель.

69

Артур Уинг Пинеро (1855–1934) — английский драматург.

70

Героиня пьесы «Вторая миссис Танкерей».

71

Годы жизни: 1874–1965.

72

Сражение при Омдурмане — военная операция британской и египетской армий, подавившая народные восстания в Судане, произошла в 1898 году.

73

Горацио Герберт Китченер (1850–1916) — британский военачальник.

74

Чарльз Ричард Джон Спенсер-Черчилль, герцог Мальборо (1871–1934) — британский государственный деятель.

75

Эдуард Грей (1862–1933) — британский государственный деятель.

76

Рэндольф Генри Спенсер-Черчилль (1849–1895) — британский государственный деятель.

77

Джон Уинстон Спенсер-Черчилль, герцог Мальборо (1822–1883) — британский государственный деятель.

78

Леонард Уолтер Джером (1817–1891) — американский финансист.

79

Лига подснежника — организация Консервативной партии, основана в 1883 году.

80

Королевская военная академия в Сандхёрсте — британское военное высшее учебное заведение, основано в 1802 году.

81

Лора Ормистон Диббин Чант (1848–1923) — британская общественная деятельница.

«История Малакандской действующей армии», вышла в 1898 году.

83

Уильям Стивен Александр Локхарт (1841–1900) — британский военачальник.

84

Чарльз Джордж Гордон (1833–1885) — британский военачальник. Был известен под прозвищами «Китайский Гордон», «Гордон Хартумский» и «Гордон-Паша».

85

Джордж Натаниэл Кёрзон (1859–1925) — британский государственный деятель.

86

Хью Ричард Хиткоут Гаскойн-Сесил (1869–1956) — британский государственный деятель.

87

Метельник или скотоотбрасыватель — устройство на передней части локомотива для удаления с железнодорожного пути посторонних предметов.

88

Тендер — вагон для перевозки запаса топлива и воды.

89

Бейсмен, питчер — позиции игроков в бейсболе.

90

Мистер Джоррокс — персонаж романов английского писателя Роберта Смита Сёртиса (1805–1864).

91

Джон Стюарт Милль (1806–1873) — английский философ-позитивист и экономист.

92

Строка из песни «Правь, Британия, морями».

93

Редверс Генри Буллер (1839–1908) — британский военачальник.

94

Фредерик Слей Робертс (1832–1914) — британский военачальник.

95

Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) — британский государственный деятель.

96

Роберт Артур Толбот Гаскойн-Сесил, маркиз Солсбери (1830–1903) — британский государственный деятель.

97

Генри Уильям Мэссингхем (1860–1924) — британский журналист.

98

Уильям Юарт Гладстон (1809–1898) — британский государственный деятель.

99

Джон Диллон (1851–1927) — британский государственный деятель, ирландский националист.

100

Томас Пауэр О’Коннор (1848–1929) — британский журналист и государственный деятель.

101

Уильям Сент-Джон Фримантл Бродрик (1856–1942) — британский государственный деятель.

102

Артур Джеймс Бальфур (1848–1930) — британский государственный деятель.

103

Джозеф Остин Чемберлен (1863–1937) — британский государственный деятель.

104

Генри Элджернон Джордж Перси (1871–1909) — британский государственный деятель.

105

Йен Закари Малколм (1868–1944) — британский государственный деятель.

106

Обструкционизм — один из видов борьбы парламентского меньшинства с большинством, состоящего в том, что оппозиция всеми доступными ей средствами старается затормозить действия большинства.

107

«Четвёртая партия» — группа в парламенте 1880–1885 годов, в которую входил Рэндольф Черчилль.

108

Лига свободного продовольствия — организация консерваторов, которая поддерживала свободную торговлю. Основана Майклом Эдуардом Хиксом Бичем (1836–1917).

109

Протекционизм — государственная политика, направленная на защиту национальной экономики.

110

Фритредерство — направление в экономике, провозглашающее свободу торговли.

111

Чемберлен родился в Бирмингеме.

112

Имеется в виду протекционистский Союз справедливой торговли, созданный Чемберленом.

113

Бенджамин Дизраэли (1804–1881) — британский государственный деятель и писатель.

114

Уильям Вернон Харкорт (1827–1904) — британский государственный деятель.

115

На Даунинг-стрит располагается резиденция премьер-министра.

116

Битва в устье Ялу, или Ялуцзянское сражение — главное морское сражение Японо-китайской войны (1894–1895), произошла 17 сентября 1894 года.

117

Военно-морская академия США — военная академия, готовящая офицеров для ВМС США и Корпуса морской пехоты США. Расположена в городе Аннаполис.

118

Годы жизни: 1860-1897.

119

Битва при Кавите, или Битва в Манильской бухте — морское сражение в ходе Испано-американской войны (1898).

120

Джордж Дьюи (1837–1917) — американский флотоводец, командовал американским флотом в битве в Манильской бухте.

121

Вальтер Скотт, поэма «Дева озера», 5, IX. Дан буквальный перевод. В переводе Игнатия Ивановского:

«Мятежный клан я сам веду.
Вот мой народ, я — Родрик Ду!».

122

Вероятно, имеется в виду английский философ Александр Бейн (1818–1903) и его «Руководство по риторике» (1866).

123

Тонкин — северный район Вьетнама, с 1885 года колония Франции.

124

Боксёрское восстание — восстание китайцев против иностранного вмешательства в 1898–1901 годах, было подавлено силами России, США и других стран.

125

Ли Хунчжан (1823–1901) — китайский государственный деятель, занимал пост наместника Чжили, то есть верховного сановника в Цинской империи.

126

Черута — сорт сигары.

127

Дин Жучан (1836–1895) — китайский флотоводец.

128

Ричард Уотсон Гилдер (1844–1909) — американский поэт и редактор.

129

Годы жизни: 1824–1860.

130

«Люди сорок девятого года» — первые золотоискатели в Калифорнии, появившиеся там в 1849 году.

131

Уокер стал прототипом двух персонажей Брета Гарта: Т. Баркера Джонсона из рассказа «Питер Шредер» (1875) и Перкинса из романа «Крестовый поход "Эксцельсиора"» (1887).

132

Первая строка стихотворения Роберта Браунинга «Патриот».

133

Изменённая вторая строка названного стихотворения Браунинга.

134

Шарль Рене Гастон Густав де Рауссе-Бульбон (1817–1854) — французский авантюрист.

135

Chasseurs d'Afrique, африканские стрелки — подразделения лёгкой кавалерии в колониальной французской Африканской армии.

Вот так США.

137

В Ирландии нет змей, легенда связывает их исчезновение с именем святого Патрика.

138

Союз — название США, точнее северных штатов, во время Гражданской войны в противоположность южной Конфедерации.

139

Ковенантеры — шотландское пресвитерианское движение в XVII веке.

140

Уильям Швенк Гильберт (1836–1911) — английский либреттист.

141

Джеймс Джеффри Рош (1847–1908) — ирландско-американский поэт и журналист.

142

Нарсисо Лопес (1797–1851) — венесуэльский авантюрист, руководитель экспедиции на Кубу с целью освобождения её от испанцев.

143

Корнелиус Вандербильт (1794–1877) — американский бизнесмен, родоначальник рода Вандербильтов.

Так у автора. Вероятно, имеется в виду Сан-Хуан-дель-Сур.

145

Агуардиенте — алкогольный напиток, распространённый в Испании, Португалии и Латинской Америке.

146

Паркер Г. Френч (1826 —?) — американский авантюрист.

147

Патрисио Ривас (ок. 1810–1867) — никарагуанский государственный деятель.

148

Джон Фальстаф — комический персонаж ряда произведений Шекспира.

149

Теодор Рузвельт (1858–1919) — американский государственный деятель, президент США в 1901–1909. Отряд Рузвельта «Мужественные всадники» принимал участие в Испано-американской войне 1898 года. Дэвис как корреспондент освещал деятельность «Всадников».

150

Чарльз Фредерик Хеннингсен (1815–1877) — англо-американский авантюрист.

151

Дон Карлос Старший (1788–1855) — претендент на испанский престол, развязал первую карлистскую войну (1833–1840).

152

Лайош Кошут (1802–1894) — венгерский государственный деятель, революционер.

153

Фредерик Таунсенд Уорд (1831–1862) — американский авантюрист. Служил в китайской армии.

154

Тайпинское восстание — крестьянская война в Китае против империи Цин в 1850–1864 годах.

155

Хоакин Миллер (настоящее имя Цинциннатус Хайнер Миллер; 1837–1913) — американский поэт. Написал поэму «С Уокером в Никарагуа».

156

Эфраим Джордж Сквайр (1821–1888) — американский археолог и дипломат. В 1846–1869 годах находился на дипломатической службе в Гватемале и Никарагуа.

157

Уильям Лёрнед Марси (1786–1857) — американский государственный деятель, госсекретарь в 1853–1857 годах.)

158

Чарльз Генри Дэвис (1807–1877) — американский флотоводец.

159

Уильям Мервин (1791–1868) — американский флотоводец

160

Хайрем Полдинг (1797–1878) — американский флотоводец.

161

Джеймс Бьюкенен (1791–1868) — американский государственный деятель, президент США в 1857–1861 годах.

162

Роатан — остров в Гондурасе.

163

Годы жизни: 1861–1947.

164

Игнаций Ян Падеревский (1860–1941) — польский пианист, композитор, государственный деятель.

165

«Шоу Дикого Запада» — представления, организатором которых был герой Дикого Запада, охотник Уильям Фредерик Коди по прозвищу Буффало Билл (1846–1917).

166

«Большая тройка» университетов — Гарвард, Йель и Принстон.

167

«Бостон Коммон» — парк в Бостоне.

168

«Три R» — основные школьные умения: чтение, письмо и арифметика (Reading, wRiting and aRithmetic).

169

Красное Облако (1822–1909) — вождь индейского племена оглала-сиу.

170

Возможно, имеется в виду Ричард Тейлор (1826–1879) — американский государственный деятель и военачальник. Был генералом армии Юга во время Гражданской войны.

171

Уильям Хиклинг Прескотт (1796–1859) — американский историк. Автор книг «История завоевания Мексики» (1843) и «История завоевания Перу» (1847).

Серро-Гордо — серебряные копи в Калифорнии.

173

Джон Персивал Джонс (1829–1912) — американский государственный деятель.

174

Американский континентальный водораздел, или Великий водораздел — условная линия, к западу от которой в Америке находится бассейн Тихого океана, а к востоку — бассейны Атлантического и Северного Ледовитого океанов.

175

Седьмой сын седьмого сына — в фольклоре персонаж, который по рождению получил магические способности.

176

Басуто — южноафриканское племя.

177

Перл (Пит) Инграм Миллс (1871–1933) — американец, компаньон Бёрнхема.

178

Лобенгула Кхумало (1845–1894) — вождь племени ндебеле.

179

Сесил Джон Родс (1853–1902) — британский колониальный чиновник, бизнесмен, основатель компании «Де Бирс» и Британской Южно-Африканской компании.

180

Алан Уилсон (1856–1893) — британский военный.

181

Патрик Уильям Форбс (1861–1918) — британский офицер.

182

Говард Хенсман (? — 1916) — английский журналист.

183

Фредерик Кортни Селус (1851–1917) — британский путешественник, военный, охотник.

184

Генри Райдер Хаггард (1856–1925) — английский писатель, автор приключенческих романов. Прототипом его персонажа Аллана Куотермейна (роман «Копи царя Соломона» и др.) был Селус.

185

Фредерик Каррингтон (1844–1913) — британский военачальник.

186

Скагуэй — город на Аляске.

187

Осборн-Хаус — резиденция королевы Виктории и её супруга, принца Альберта на острове Уайт.

188

Эдуард VII (1841–1910) — король Великобритании и Ирландии в 1901–1910 годах, сын королевы Виктории.

Сложно понять, какой именно представитель аристократической семьи Ратлендов имеется в виду.

190

Джон Чарльз Блик (1875–1960) — американец, компаньон Бёрнхема.

191

Джон Хейс Хеммонд (1855–1936) — американский горный инженер и дипломат.

192

Гарднер Фредерик Уильямс (1842–1922) — американский горный инженер.

193

Гиффорд Пинчот (1865–1946) — американский государственный деятель, первый глава Лесного управления США.